

К.А. КОЖА

ОТЕЦ ИАКИНФ (БИЧУРИН)

И

К
У
Т
А
Ў
С
К
А
Я
З
Р
А
М
О
Т
А

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

К. А. Кожя

ОТЕЦ ИАКИНФ (БИЧУРИН) И КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА

Москва
2023

УДК 929
ББК 81г
К58

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор
Дубровская Д. В., д-р ист. наук, ИВ РАН

Рецензенты
*В. Г. Дацышен, д-р ист. наук, ИВ РАН
А. В. Костыркин, канд. филол. наук, ИВ РАН*

Кожа, К. А.
К58 Отец Иакинф (Бичурин) и китайская грамота : монография / К. А. Кожа ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, Отдел языков народов Азии и Африки ; [отв. ред. Д. В. Дубровская]. – М. : ИВ РАН, 2023. 232 с.

ISBN 978-5-907671-45-4

Книга посвящена научному наследию выдающегося русского синолога – архимандрита Иакинфа (Бичурина) (1777–1853) в области китайского языкознания. Несмотря на убедительные характеристики биографов и наличие постоянного исследовательского внимания на протяжении вот уже двух столетий, остается важная часть неустанных трудов Бичурина, на которую следовало бы взглянуть пристальнее, – его достижения как знатока языков и оригинального лингвиста.

Впервые публикуется рукопись Бичурина «Голосовая система китайской письменности с замечаниями, написанными для Академии наук в 1842 г. Перевод и комментарии к книге Дж. Каллери *Systema Phoneticum Scripturae Sinicum*. (Макао, 1841)» – уникальный памятник отечественного синологического наследия, всестороннее изложение научных представлений о китайском языке той эпохи, изобилующее отсылками к китайским первоисточникам. Особая ценность этого текста – в критическом характере его содержания, открывающего для современного исследователя возможность сопоставить и проанализировать механизмы формирования двух синологических традиций – отечественной и западноевропейской.

Книга предназначена для китаеведов, лингвистов, биографов и всех, кто интересуется языкознанием.

УДК 929
ББК 81г

ISBN 978-5-907671-45-4

© Кожа К. А., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. Бичурин-языковед.....	16
Глава 2. О звуке	38
Глава 3. О слове.....	56
Глава 4. О знаке.....	87
В качестве заключения.....	112
Библиографический список	115
Приложение.	
Иакинф Бичурин. Голосовая система китайской письменности с замечаниями, написанными для Академии наук в 1842 г. Перевод и комментарии к книге Дж. Каллери «Systema Phoneticum Scripturae Sinicum» (Макао, 1841)	127
Editor's Foreword.....	129
Голосовая система с замечаниями, написанными для академии наук в 1842 году.....	142

Иакинф в монашеском облачении.
Портрет Н. Яш с литографии В. Тербенёва, 1888 г.

*Моим родителям и учителям.
С благодарностью*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всего более страшусь остаться виноватым перед потомством – даже в произвольных погрешностях.

О. Иакинф (Бичурин) в письме Е. Ф. Тимковскому¹

...Вечер выдался морозным. Солнце было уже низко – катилось лениво по изгибу черепичной крыши, и последние его лучи, по-декабрьски скупые, пробиваясь сквозь слюдяные окна монастырских покоев, ложились на пол. Пол был хорошо прогрет завезенным с утра углем – приятно ногам, но для здоровья мало полезно.

Прочтя, по обыкновению, благодарственную молитву после трапезы, начальник теперь уже прежней миссии поднялся:

– Егор Федорович, ежели располагаете временем, прошу пожаловать ко мне. Хочу показать вам кое-какие книги, куда совсем не стемнело.

Несколько минут спустя в покои отца архимандрита вошел среднего роста немолодой уже человек с приятным, живым лицом. Предвкушая интересную беседу, он приветливо улыбнулся, отчего в уголках лучащихся умом и любознательностью глаз залегли морщинки. Чуть ослабил на ходу черный шелковый галстук над сюртуком и, увидев заваленный книгами, свитками, шитыми и разрозненными листами и папками стол, тут же сделался приветлив и прост и с искренним увлечением спросил:

¹ Из неопубликованных писем Бичурина: Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 7, № 38, письма 1, 2, 4. Также см. Чугуевский Л. И. Бичуринский фонд в архиве Ин-та востоковедения // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 142–143.

— Что это, отче? Уж не словарь ли, о котором вы мне давеча говорили?

— Словарь. В который раз заново мною переписан. В полноте значений и выражений сверен с китайским словарем под названием Кхан-си-цзы-дянь, подведен под русский алфавит по выговорам. Девять томов у меня готово. Надобно только общими силами определить с точностью значение некоторых китайских слов на языке российском, дабы как остающиеся в Пекине, так и находящиеся в отечестве наши ученые при переводах употребляли китайские речения в одном и том же смысле².

Кто эти двое, ведущие неспешную беседу в настоятельских покоях Российского подворья в Пекине декабрьским вечером 1820 года? Один из собеседников, как уже догадался читатель, – отец Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин, 1777–1853), архимандрит и начальник 9-й Российской духовной миссии, которой предстоит передать дела вновь прибывшему составу и отправиться в многодневный, нелегкий путь в отечество. Гость его – Егор Федорович Тимковский (1790–1875) – чиновник Азиатского департамента, по поручению сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского осуществивший доставку нового состава Российской духовной миссии к месту ее пребывания в Пекине и оставивший детальные и потому столь драгоценные записи о своем путешествии³. Это Егор Федорович сопроводит о. Иакинфа и ценный груз его рукописей в Кяхту, позже он же будет способствовать опубликованию трудов попавшего в опалу архимандрита за казенный счет и ходатайствовать о вызволении выдающегося русского синолога из валаамской ссылки.

² Художественная реконструкция диалога произведена на основе архивных материалов и исторических публикаций соответствующего периода. См., напр., Д. В. Дубровская. Российская православная миссия в Китае // Родина. 2004. № 10, С. 14.

³ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах (с введением, статьями и научным комментарием) / ред. Васильев Д. Д., Дубровская Д. В. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. 656 с. ISBN 978–5–89282–729–4; Мароши В. В. «Записки...» о. Иакинфа Бичурина и Е. Ф. Тимковского как первые травелоги русских путешественников о Монголии // Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. С. 48–70. EDN UEBPAJ.

Искренней дружбе и взаимному уважению этих удивительных исследователей первой половины XIX в. способствовали не только месяцы, совместно проведенные в Пекине зимой 1820–1821 гг., и путешествие через Монголию в Кяхту, но и во многом – искренний интерес Егора Федоровича к научным трудам Бичурина, в частности – к восточным языкам (китайскому, монгольскому, тибетскому) и живой отклик на это о. Иакинфа [Скачков 1977: 182].

Казалось бы, нет нужды живописать фигуру и значение Бичурина – отечественная синология изобилует статьями и разноплановыми исследованиями наследия этого «патриарха китаистики», от рецензий и обзоров современников до более поздних оценок советских и российских исследователей [Щукин 1857; Адоратский 1887; Моллер 1888; Скачков 1956, 1977; Мясников 1996; Денисов 1977, 2007; Попова 2002, 2006, 2014, 2017; Хохлов 1977, 1978, 2000; Чэнь Пэйцзюнь 2018, 2019 и др]. В 2009 г. Национальная библиотека Чувашской республики выпустила научно-вспомогательный указатель о Бичурине – внушительный биографический и библиографический справочник о жизни и трудах этого выдающегося синоведа.

Однако история востоковедной науки, будучи целостной и комплексной отраслью знания, именно в силу своей комплексности и интегрированности в смежные области неизбежно обнаруживает разного рода пробелы или, как сейчас принято говорить, допускает лакуны – как фактологические, так и теоретические. Как отмечали в свое время авторы «Истории отечественного востоковедения до середины XIX века», «историки востоковедной науки оставили без серьезного теоретического осмысления целое научное направление. Пример Казем-Бека, Топчибашева и многих других профессоров и преподавателей, сыгравших значительную роль в востоковедной науке и педагогической практике, показывает, что вне поля исследований оказались научные дисциплины, целые направления, а именно изучение теории, практики, особенностей методики и вклада в ориенталистику учебных заведений (условно назовем их восточными) и ученых, сформировавшихся вне европейской школы востоковедения» [Шаститко, Вигасин, Куликова и др. 1990: 148]. Поэтому в этой книге мы будем говорить об одном

оказавшемся не то чтобы «вне поля исследований», а скорее «не в фокусе исследований» аспекте научной деятельности о. Иакинфа, намеренно сузив рамки до филологической, и даже еще более прицельно – лингвистической составляющей его обширных знаний и трудов.

Практически в каждом из сонма источников о синологических трудах Бичурина непременно дается оценка его научного вклада, которая, как правило, свидетельствует о неоспоримой значимости этого вклада. Безусловно, оценки личности и деятельности главного героя этой книги претерпевали трансформации соответственно атмосфере мнений (*climate of opinion* – термин С. Брайнтенбах) в ту или иную эпоху. По сути, сегодняшний читатель должен пройти по шаткому мосту, перекинувшемуся от колких замечаний Ю. Клапрота и эмоционально напряженной рецензии З. Ф. Леонтьевского, через неудовольствие В. П. Васильева и беспелляционный критический вердикт А. М. Алексеева к более поздним, однозначно хвалебным оценкам советских, зарубежных и большей части современных нам исследователей.

Пожалуй, один из самых известных, ставших «классическими», отзывов о трудах Бичурина принадлежит перу его постоянного и преданного издателя, Николая Полевого:

«Почетное место занимает между литераторами Русскими почтенный о. Иакинф, и бесспорно, *первое* между ориенталистами Русскими по своим практическим и полезным трудам. Отнюдь не думаем мы унижать нашими словами других почтенных людей, занимающихся у нас Востоком и его языками и литературами, каковы г-да Френ, Шмидт, Ковалевский, Сенковский, и другие. Но никто из них доньше не показал однакож более трудолюбия по своему предмету, не приготовил столько материялов для других по своей части, не передал столько любопытного из того, что сделалось ему известно. Доньше издано о. Иакинфом около девяти переводов и сочинений, касательно Китайского востока. (...) Не говорим о полемических сочинениях нашего хинолога, по поводу споров с разными Европейскими учеными; не говорим и о приготавливаемом, и уже конченном в рукописи обширном сочинении, которое надобно почтить самым

лучшим и подробным, систематическим описанием Китая, и энциклопедиею, так сказать, всех знаний Китайцев. Это сочинение, когда будет оно издано, без сомнения, превзойдет все, что только было доныне известно в Европе касательно Китая» [Полевой 1838: 1].

Один из ранних и наиболее обстоятельных биографов о. Иакинфа – о. Николай (Адоратский), известный историограф Пекинской духовной миссии, в своем исследовании жизни и трудов синолога уже отмечал, что Бичурин сумел «сделать достоянием мировой науки историю, географию, хозяйство, культуру и быт Китая, монголов, тюрков, тунгусов, с которыми Китай всегда находился в политических связях, и всегда отличал один народ от другого» [Дмитриев 2007: 498]. Пожалуй, стоит признать, что только цитирование подобных отзывов может составить полноценную главу любой монографии об этом самородке отечественного востоковедения. Вместе с тем на очередном витке развития востоковедной науки естественно приближается и ощущается все острее необходимость критической переоценки некоторых вошедших в научный обиход суждений об отце архимандрите...

Автор этой книги вполне разделяет мнение И. П. Карезиной, что фигура основоположника отечественного китаеведения «крайне мифологизирована» и что «требования научной точности несовместимы с такой мифологизацией», а потому некоторые укоренившиеся заблуждения должны быть развеяны. Карезина в своей статье касается двух таких мифов – причин, побудивших Никиту Яковлевича принять монашество, и утверждений о том, что он никогда не был искренне верующим человеком [Карезина 2014]. Оставляя рассуждения об этих сторонах бичуринской личности на суд читателя, все же будем настаивать на научной точности в представлении Бичурина-языковеда. Не так давно В. Г. Дацышен также призвал востоковедное сообщество быть более внимательным к фактам и не «приписывать» Бичурину то, что принадлежит не ему:

«Несмотря на признание достижений первых русских китаеведов, в отечественной синологии по-прежнему сохраняются традиции объявления именно архимандрита Иакинфа

(Бичурина) основателем русского китаеведения. В советской синологии, вопреки фактам и реалиям, звучали такие утверждения, как: “Создание русской традиционной транскрипции китайского языка связано с именем... Н. Я. Бичурина” [2, с. 293]. Во вводной части современного обобщающего коллективного исследования “Основные направления и проблемы российского китаеведения” совершенно необоснованно утверждается: “Первым избранным членом-корреспондентом... академии стал начальник IX Российской духовной миссии в Пекине (1807–1821) архимандрит Н. Я. Бичурин (в монашестве отец Иакинф). Его научная деятельность заложила солидные основы отечественных школ изучения языков Китая...” [7, с. 6]. Как известно, архимандрит Иакинф из русских китаеведов стал третьим по счёту членом-корреспондентом АН. В указанной публикации дореволюционное российское китаеведение ограничено несколькими именами (И. К. Рассохин, А. Л. Леонтьев, В. П. Васильев, П. И. Кафаров, П. С. Попов, С. М. Георгиевский, К. А. Скачков, А. И. Иванов). Можно было бы предположить, что двухсотлетняя история российского китаеведения ограничена восьмью именами для экономии места, однако имя Иакинфа (Бичурина) на одной странице упоминается пять раз, имя Палладия (Кафарова) – четыре раза. При этом не упоминаются ни разу: имена двух первых русских китаеведов, ставших членами-корреспондентами Академии наук⁴, нет автора первого “Новейшего и подробнейшего историческо-географического описания Китайской империи”, нет автора первого опубликованного русско-китайского словаря Исаи (Поликина), нет составителя первого большого китайско-русского словаря Д. А. Пещурова, составителя самого большого китайско-русского словаря Иннокентия (Фигуровского)». [Дацышен 2018: 853]

Добавлю и свое наблюдение: в одной из недавних статей снова прозвучало утверждение, что «благодаря Бичурину европей-

⁴ Речь о Павле Ивановиче Каменском (архимандрит Петр) (1765–1845) и Степане Васильевиче Липовцове (1770–1841), избранных членами-корреспондентами Академии наук в 1819 г. К сведению: Иакинф (Бичурин) стал членом-корреспондентом в 1828 г.

ская наука впервые познакомилась со взглядами китайских ученых на развитие грамматической теории китайского языка, а также с делением слов на полные (т. е. знаменательные) и пустые (служебные)» («Страны и народы Востока» 2014: 298). Здесь имеет место неточность формулировки. Да, безусловно, Бичурин, как никто из предшественников, плотно работал с китайскими источниками, но одновременно был хорошо осведомлен о достижениях европейских коллег, в частности, внимательно прочел *Elemens de la grammaire Chinoise* (1822) Ж.-П. Абель-Ремюза, где уже шла речь о полных и пустых словах [Abel-Remusat 1822: 35], равно как и о других наработках китайских филологов. Бичурин действительно посвятил три главы своей «Китайской грамматики» (Глава 10 «О китайском разделении частей речи», Глава 11 «О размещении существенных букв» и Глава 12 «О размещении пустых букв») этой теме, опираясь на труды китайских филологов, но все же он не был первым, кто открыл эти категории для европейской науки.

Известно, что сам о. Иакинф писал из валаамской ссылки: «Ежели отдавать самому себе справедливость не противную скромности, то могу сказать, что целые тринадцать лет занимаясь познанием Китая, я один сделал в пять крат более нежели все прошедшие миссии в течение ста лет успели, и теперь когда погибли все надежды сделать труды мои полезными отечеству, одне только воспоминания прошедшего часто приводят меня в приятнейшее упоение»⁵. В одной из последних англоязычных монографий об этом периоде российско-китайского взаимодействия приведена цитата из докладной записки Бичурина от 1817 г. о том, что Миссия в Пекине за столетие своего существования и вовсе не принесла каких-либо плодов на ниве просвещения или искусств [Afinogenov 2020: 213]. По всей видимости, здесь мы имеем дело с неточностью цитирования, кочующей из одной работы в другую и исказившей со временем изначальную суть дела.

Речь идет о донесении Бичурина в Синод от 18 ноября 1816 г., в котором о. Иакинф старается обосновать необходимость оставить его в Пекине на еще один десятилетний срок, мотивируя это

⁵ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 7. Ед. хр. 38. Л. 110–110об. Дата карандашом «23 генв 1824», автограф.

тем, что при имевшей место неэффективной организации обучения языку и занятий в целом членам миссии фактически не хватило времени на полноценную научную обработку материалов, полновесные переводы и прочее. Вот точная цитата соответствующего отрывка этого донесения:

«Жизнь наша в Пекине слишком уединенна и если долго-временную пустоту ее не наполнять какими-либо занятиями, то праздность и скука невольно увлекают в рассеянную жизнь. Никакая твердость благоповедения не в состоянии противостоять оным и смерть бывает обыкновенным последствием рассеянности. Посему то *десятилетнее* [разрядка К. К.] пребывание Российской Миссии в Пекине не принесло, можно сказать, никакой пользы ни для науки, ни для художеств»⁶.

В свое время П. Е. Скачков, цитируя этот источник в «Очерках...», указывал на критическую оценку Бичуриным «столетнего существования Пекинской миссии» [Скачков 1977: 95]. Г. Афиногенов ссылается на архивный текст донесения и снова пишет о бесплодном столетнем пребывании (“the century-long existence”) Миссии в оценке Бичурина [Afinogenov 2020: 213]. Кроме того, Афиногенов подкрепляет эту цитату интересными выводами о том, что такого подчеркнутого отмежевания от достижений отечественной синологии XVIII столетия требовала новая имперская парадигма, ориентированная на современные дисциплинарные нормативы академической науки, только что установленные западноевропейскими первопроходцами⁷.

⁶ Цит. II Приложение к статье «Арх. Иакинф и его миссия» [В Святейший Правительствующий Синод, Пекинского Архимандрита Иакинфа всепокорнейшее донесение от 18 ноября 1816 г., Пекин] // Китайский благовестник. 1915. Вып. 9–12. С. 33–35.

⁷ Чтобы цитата не казалась вырванной из контекста, приведу здесь соответствующий отрывок полностью: «As Nikita (Iakinf) Bichurin, archimandrite of the ninth mission, wrote in 1817, “The century-long existence of the Russian Mission in Beijing has yielded. . . no benefit either for the sciences or for the arts.” In fact, the logic of backwardness was built into the context of imperial competition, which defined valuable knowledge precisely in the disciplinary terms that had just been established as normative by Western European pioneers. To overcome their newfound lag, Russians had to jettison the legacy of the eighteenth-century knowledge regime that had once defined the Russo-Qing encounter and rebuild sinology from the ground up» [Afinogenov 2020: 213].

Однако при знакомстве с содержанием текста самого донесения можно убедиться, что никакой критической оценки минувшего столетия работы миссии Бичурин не дает. Он лишь сетует на то, что несколько переводов, выполненных на тот момент его предшественниками, нельзя считать удовлетворительными, и в оправдание авторов отмечает, что «для обозрения всего, кроме времени и иждивения потребно сведение в разных науках, прилежание и любопытство, чего нельзя требовать от лиц, знающих несколько латинский язык, а от неученых этого и ожидать невозможно» [см. сноску 8].

Пожалуй, следует признать, что добичуринский период отечественной синологии предстает в современных нам оценках как *terra incognita*, а знаменитое *temporis filia veritas* утрачивает свою аксиоматичность, поскольку с исчезновением документов или интереса к этим документам *veritas* может обернуться *oblivione*...

Очевидно, что в связи с обнаружением новых данных и их публикацией сегодня можно говорить об очередном смещении акцентов в оценках обсуждаемых здесь исторических персонажей и их деятельности. Подчеркну: речь не идет о том, чтобы умалить достижения и заслуги отца Иакинфа – это было бы невозможно, поскольку достижения эти по-прежнему остаются не раскрытыми до конца и не исследованными в полном объеме, – но о восстановлении необходимой фактологической справедливости, дабы ложные суждения не кочевали из одной научной работы в другую, стирая в итоге историческую память об имевших место событиях и лицах. Кроме того, несмотря на убедительные характеристики биографов и наличие постоянного исследовательского внимания на протяжении вот уже двух столетий, остается важная часть неустанных трудов Бичурина, на которую следовало бы взглянуть пристальнее, – его достижения как знатока языков и оригинального лингвиста. Безусловно, данные качества о. Иакинфа оценены всеми без исключения биографами, читателями и даже оппонентами, но до сих пор именно этот аспект творчества нашего синоведа не попал в фокус специального исследования и итоги деятельности Бичурина-языковеда не получили должного научного освещения.

Систематизация накопленных теоретических знаний о китайском языке к моменту выделения востоковедной лингвистики в самостоятельную научную дисциплину представляется автору этой книги давно назревшей необходимостью и насущной исследовательской задачей, и выполнение этой задачи не мыслится без погружения в бичуринский период отечественного синологического языкознания⁸.

⁸ О востоковедной лингвистике как о самостоятельной научной дисциплине стало возможным говорить лишь в первой четверти XX в. Так, В. М. Алпатов отмечает: «Новый этап в развитии языкознания в востоковедении начался с 1910–20-х годов, что было обусловлено не только синхронными исследованиями в теоретическом языкознании, но и практическими потребностями; например, в СССР с 1920–30-х годов многие (главным образом восточные) языки изучались в связи с задачами создания письменностей и литературных норм. Современные языки Азии (японский, тагальский, китайский и др.) активно изучались рядом школ структурализма, особенно дескриптивной лингвистикой в США. В течение 20 века во многих странах, в том числе в СССР, сложились школы изучения большого числа восточных языков. Сравнительно-исторические исследования охватили не только индоевропейскую, но и другие семьи языков Евразии (афразийские, алтайские, сино-тибетские и др.)». См.: Алпатов В. М. Восточное языкознание в России и СССР // Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки. М., 1997; Он же. История лингвистических учений. М., 2005. С. 9–41.

Глава 1

БИЧУРИН-ЯЗЫКОВЕД

Синология как отрасль востоковедения объемлет широкий спектр областей научного знания, ключом к исследованию которых, безусловно, является владение китайским языком. Испокон веков всякий иностранец, проникавший в Китай и желавший приблизиться к пониманию этой страны, народа и его культуры, должен был обязательно выучить язык: устный – для общения с местным населением и письменный – для знакомства с историческим, философским, политическим, литературным и поэтическим наследием этой уникальной цивилизации.

Об истории изучения китайского языка нашими соотечественниками, как в самой России, так и в Китае и в западном зарубежье, сказано не так уж мало – исторические детали жизни и трудов российских китаеведов стали предметом множества отдельных исследований¹. Отечественная научная традиция описания дальневосточных языков возвращена на кропотливо возделанном поле трудов членов Русской Духовной миссии в Пекине, начиная с работ Иллариона Россохина (1717–1761) и заканчивая учениками академика В. П. Васильева (1818–1900). История российской синологии этого периода изобилует трудами, в той или иной мере отвечающими цели предпринятого исследования – анализу теоретической канвы и терминологического наполнения ранних текстов о китай-

¹ Подробнее об истории изучения китайского языка в России см.: *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977; История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990; *Дацышен В. Г.* История изучения китайского языка в Российской империи. Благовещенск, 2006; *Дацышен В. Г.* Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX вв.): Учеб. пособие. Новосибирск, 2011; История русского китаеведения 1917–1945 гг. М., 2015; *Завьялова О. И.* Большой мир китайского языка. М.: Восточная литература, 2014 и др.

ском языке. Крупницы лингвистического синологического знания рассыпаны по бесчисленным страницам работ (главным образом – рукописных), писем или дневниковых записей российских китаесловов².

Попытки теоретического осмысления природы и особенностей строя китайского языка можно найти в работах практически всех серьезных авторов-китаеведов, в той или иной степени сталкивавшихся с необходимостью переводов, составления словарей, преподавания китайского языка или рецензирования работ современников (А. Леонтьев (1716–1786), И. Рассохин (1717–1761), архим. Петр Каменский (1765–1845), С. В. Липовцов (1870–1841), о. Даниил Сивиллов (1788–1871), З. Ф. Леонтьевский (1799–1874), о. Феофилакт Киселевский (1808–1840), архим. Палладий Кафаров (1817–1878), В. П. Васильев (1818–1900) и др.). Однако формирование собственно теоретического языковедного фундамента в отечественной синологии принято связывать с появлением трудов удивительного ученого – человека-эпохи – о. Иакинфа Бичурина. Действительно, Бичурин – автор первой изданной русской «Китайской грамматики», нескольких масштабных словарей, множества рецензий на статьи и книги, затрагивающие языковедческие вопросы, усердный разработчик кириллической транскрипции китайского языка. Однако не будем забывать, что и его предшественники уже предлагали описания ключевых особенностей китайского языка, таких как фонетическое и грамматическое его устройство, принципы иероглифической записи, диалектная дифференциация, вели поиски оптимальной структуры словаря, способов транскрибирования, вступали в предметную полемику с представителями зарубежной синологии. Насколько правомерно говорить о пионерстве Бичурина и о том, что именно он стал основателем российской синологической исследовательской традиции? Об этом поразмышляем на страницах нашей книги...

² О том, как обстоят дела с изучением рукописного наследия русских синологов, можно судить по специальной статье (П. Е. Скачков. Значение рукописного наследия русских китаеведов // Вопросы истории. № 1. Январь 1960. С. 116–123), написанной более полувека тому назад. Да, безусловно, с тех пор свет увидели многие из неопубликованных на тот момент рукописей и дневников, но это по-прежнему лишь крупницы в общем объеме россыпей...

В попытке восстановить детали научного портрета Н. Я. Бичурина имеет смысл отталкиваться от нескольких важных обстоятельств. Прежде всего это его учеба в Казанской семинарии с 1786 по 1800 г. под руководством известного педагога-реформатора митр. Амвросия (Подобедова, 1742–1818) [Можаровский 1868; Благовещенский 1881; Липаков 2010; Николаев 2018]. Как отмечает Е. В. Липаков, «прибытие Амвросия в Казань совпало с важным изменением в системе преподавания духовных школ. В это время под руководством Екатерины готовился Устав народных училищ, введенный в действие в апреле 1786 года. Синод, стараясь угодить императрице, оказался впереди светских властей и 27 декабря 1785 г. предписал ввести “способы обучения народных училищ” в духовных школах. Это означало необходимость преподавания немецкого и французского языков, истории, географии, расширения курса математики. И, действительно, уже в 1786 году все эти предметы стали изучаться в Казанской семинарии (с 1797 г. – Академия)» [Липаков 2010: 92]. Окончив семинарию, Бичурин свободно владел древнегреческим и латинским языками, хорошо говорил по-французски и по-немецки. Это позволило ему позже, оказавшись в Пекине, близко сойтись с бывшими там католическими миссионерами и активно пользоваться их библиотеками [Скачков 1977: 93]. Наконец, личное общение, дружба и переписка со многими выдающимися деятелями и мыслителями своего времени в России, по возвращении из Пекина, свидетельствуют о постоянном пополнении интеллектуального багажа о. Иакинфа разносторонними знаниями и передовыми идеями. Будучи скромным насельником Александро-Невской лавры, Бичурин тем не менее участвовал в многочисленных светских салонах и вечерах не только как носитель экзотического знания о диковинной стране Китае – на протяжении всей жизни в Петербурге он активно полемизировал со многими авторами в своих статьях и заметках в публицистике. Общеизвестен факт знакомства о. Иакинфа и А. С. Пушкина [Алексеев 1837; Белкин 1974; Скачков 1977: 107]. Об интересе Пушкина к профессиональным знаниям Бичурина свидетельствует не только то, что в распоряжение поэта, работавшего над «Историей Пугачева», была предоставлена авто-

ром еще не изданная рукопись «Исторического обозрения ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени», но и документально подтвержденное намерение Александра Сергеевича отправиться в Поднебесную. Так, в январе 1830 г. поэт обращался к Бенкендорфу за разрешением отправиться во Францию или Италию: «...если же на это не будет согласия, – писал Пушкин, – я просил бы соизволения посетить Китай с миссией, которая собирается туда отправиться». Соизволения не последовало, зато началось плодотворное сотрудничество Бичурина с «Литературной газетой» Пушкина и Дельвига, в первом же номере которой была помещена положительная рецензия на бичуринский перевод «Сань Цзы Цзин, или Троесловия» (1829). В библиотеке А. С. Пушкина было несколько книг Бичурина, в их числе – «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» с дарственной надписью: «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения».

Знакомство о. Иакинфа с общественными и литературными деятелями своего времени – важная характеристика его интеллектуального портрета. Например, при участии барона П. Л. Шиллинга (1786–1837) произошло его знакомство с А. Гумбольдтом (1769–1859), младшим братом филолога-философа В. Гумбольдта (1767–1835). Именно А. Гумбольдт рекомендовал труды о. Иакинфа французскому синологу С. Жюльену³. Подобного рода факты, как мы увидим, окажутся чрезвычайно важны в осмыслении своеобразных параметров бичуринской исследовательской методики, которая

³ У В. М. Алпатов относительно исследуемого периода читаем: «Общетеоретический, философский подход к языку в первой половине XIX в. достиг наивысшего развития в теории В. фон Гумбольдта, которую необходимо рассмотреть отдельно в особой главе. Гумбольдтианская традиция продолжала развиваться в той или иной степени в течение всего XIX в. параллельно с развитием компаративистики» [Алпатов 2005: 58]. Для китаиста наибольший интерес представляют собой письма, которыми обменялись французский синолог Ж.-П. Абель-Ремюза (1788–1932) и В. Гумбольдт между 1821 и 1831 гг. По словам замечательного исследователя, профессора К. Харбсмайера (Christoph Harbsmeier, Университет Осло), «важнейшее письмо Гумбольдта к Абель-Ремюза в 1827 г. и по сей день остается, пожалуй, наиболее ясным изложением ключевых общелингвистических и философских вопросов, вызванных китайским языком» ([Harbsmeier 1998: 18]. Об этих письмах, как и о проявлениях «гумбольдтианства» непосредственно в творчестве о. Иакинфа, речь пойдет дальше, в главе «О слове».

заметно отличала его от предшественников и многих современников – представителей русской традиционной синологии.

Бичурин прекрасно владел китайским языком, а это качество было присуще не всем синологам той эпохи, поскольку многие европейские авторы занимались китайским языком, не покидая стен университетской библиотеки или своего кабинета и никогда не бывав в Китае. Н. Полевой отмечал это явление в одном из выпусков «Московского телеграфа»: «Почтенный путешественник наш Е. Ф. Тимковский, посланный в Китай с новою миссией и Архимандритом, который сменил Архим. Иакинфа, видел, как Архим. Иакинф с совершенной свободой разговаривал с китайцами и как сами китайцы признавали отличное познание его в их языках. (...) Признаться должно, что вообще знание китайского языка в некоторых европейских ученых, никогда не видавших Китая, несколько подозрительно» [Полевой, 1825: 130]. Не будем забывать, что Полевой был прежде всего издателем и журналистом, а Бичурин – одним из постоянных авторов его журнала, так что подобное хвалебное суждение, вышедшее из-под пера издателя, вполне объяснимо. Между тем история языкознания хранит множество примеров глубокого знания о том или ином языке учеными, не соприкасавшимися с его носителями (к ним принадлежит, например, основатель западной синологии Ж.-П. Абель-Ремюза (1788–1832)).

Интересна формулировка Полевого: «китайцы признавали отличное познание его в *их языках*» – множественное число здесь не случайно. Во-первых, в то время в Китае одновременно и параллельно с собственно китайским использовался маньчжурский как официальный язык Цинской империи. Монгольский и тибетский также были неотъемлемой частью языкового пространства империи. Во-вторых, диалектная палитра Китая, как известно, разнообразна и дифференцирована настолько, что позволяет выделять, например, кантонский диалект в качестве отдельного языка. Именно южные диалекты (хоккиен, фуцзяньский и др.) зачастую ложились в основу западных грамматик китайского языка, составленных католическими миссионерами. Пребывание Бичурина в Пекине сделало его знатоком северной языковой нормы,

но и с особенностями южных диалектов он был, очевидно, знаком, о чем свидетельствуют различные упоминания в источниках (см.: «Хань-вынь ци-мын. Китайская грамматика», с. 3–4). Например, в своей рецензии на книгу П. Добеля «Новейшие путешествия в Китае, Маниле и Индо-китайском архипелаге» о. Иакинф писал: «Что касается до собственных китайских имен, то хотя г-н Автор и говорит, что оныя переложены с китайского наречия, которое отлично от пекинского, но должно еще было присовокупить, что большая часть оных изложена по тому испорченному английскому наречию, на котором китайцы изъясняются с англичанами в Кантоне. Это наречие находится в ближайшем сродстве с русским наречием, употребляемым китайцами в Кяхте»⁴ [Бичурин, 1833: 97].

Кстати, о. Иакинф уделил достаточно внимания кяхтинскому пиджину. В одном из писем, опубликованных в «Московском телеграфе», он приводит пятнадцать расхожих фраз из диалогов кяхтинских торговцев, снабдив их для наглядности русской транскрипцией. Любопытно следующее его наблюдение: «В каждой лавке находится небольшой китайский словарь с русским переводом, написанным китайскими буквами. Но как китайский язык не имеет изменения в словах по окончаниям, и, сверх того, нет в нем созвучных слов для тонического переложения наших слогов, имеющих по две и по три согласных буквы, то из перевода приятелей образовалось особое русское наречие, в котором наши слова, обезображенные произношением, употребляются в том виде, как были внесены в словарь, без малейшего изменения по окончаниям»⁵. Бичурин отметил русский лексический субстрат идиома и его китайское грамматическое оформление, что полно-

⁴ Речь идет о пиджинах – структурно-функциональном типе языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путем существенного упрощения структуры языка-источника, в данном случае – о кяхтинском и кантонском (Chinese Pidgin English). Подробнее см.: *Попова И.* Токио, Т. 2017. Словари кяхтинского пиджина. Институт восточных рукописей РАН (С.-Петербург). М.: Наука; *Перехвальская Е.* Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008; *Perekhval'skaya E.* Chinese Pidgin Russian. Atlas of Pidgin and Creole Language Structures (APiCS) / ed. by S. M. Michaelis, P. Maurer, M. Haspelmath, M. Huber. Oxford: Oxford University Press, 2013; *Ansaldò U.; Matthews S.; Smith G.* China Coast Pidgin: texts and contexts // *Journal of Pidgin and Creole languages.* 2010. 25.1. P. 63–94.

⁵ Отзыв о преподавании И. Бичуриным детям кяхтинских купцов китайского языка // *Московский телеграф.* 1831. Т. XI, II, № 21. С. 141–144.

стью соответствует более поздним описаниям пиджина [Перехвальская 2008, 2013; Shapiro 2010; Попова, Токио 2017].

Множественное число «китайских языков» в представлениях того времени связано также и с разделением языка на книжный (文言) и разговорный (白話), о чем в Предисловии к «Китайской грамматике» читаем: «Китайский язык делится на книжный и разговорный, из коих последний отличается от первого оборотами, ему одному свойственными. Первым пишут все вообще, а последним только романы, повести и песни народные» (...) «Я избрал способ: правила обоих языков, книжного и общенародного, полагать одно за другим в одном месте, дабы через противоположность разительнее оттенить, в чем состоит различие между этими языками» [Бичурин 1835: XVIII–IX, XXI].

Что касается владения Бичуриным прочими восточными языками, в этой связи можно сослаться на о. Николая Адоратского, который в историческом этюде для «Православного собеседника» отмечал: «О. Иакинфу удалось изучить в Пекине один только китайский язык, но зато никто из русских не знал его доселе так хорошо, как наш синолог. По-китайски он объяснялся как самый образованный китаец... Монгольского и тибетского он не знал, по собственному сознанию. Равным образом ему не известны были маньчжурский и корейский языки, иначе он не оставил бы без перевода тех или других произведений на этих языках» (Адоратский 1886: 48). Это наблюдение должно быть дополнено недавним исследованием Т. А. Пан, согласно которому «мы можем сделать вывод, что, во всяком случае, в первые годы своего пребывания во главе Девятой миссии (1807–1821) Бичурин немного владел маньчжурским языком. И действительно, письмо (И. Бичурина в Палату внешних сношений (Лифаньюань) на маньчжурском языке. – К. К.) из коллекции ИВР РАН датировано 3-м днем 7-й луны 16-го года правления Сайчунга фэншэнь (21 августа 1811 г.), т. е. в четвертый год пребывания миссии в Пекине» [Пан 2018: 26].

Вот что писал в этой связи о. Иакинф о себе самом:

«Приобрел небольшое сведение и в разговорном, и в письменном языке, он исподволь начал учиться языкам маньчжурскому, а потом монгольскому; но когда объяснили ему,

что китайская словесность составляет основание словесности и маньчжурской и монгольской, то прекратил упражнение в помянутых двух языках, и остановил все внимание на одном китайском. (...) В наставление путешественникам должно присоветовать, что о. Иакинф рассматривал вещи, не основываясь на предвзятых или на сведениях, сообщенных прежними путешественниками, и потому каждую вещь видел в подлинном ее виде, а не в том, который вещи иногда принимают чрез отражение ложных об них суждений. Сему-то благоразумному правилу о. Иакинф обязан своими успехами в раскрытии разных превратных сведений и ложных мнений, сообщенных Европе прежними путешественниками и ориенталистами» [Бичурин, 1855: 669]⁶.

Итак, длительное «погружение» о. Иакинфа в языковую среду – немаловажный факт биографии ученого. Именно это достижение позволило ему в дальнейшем проявить себя во всех тех областях, которые мы затронем в разговоре о Бичурине-языковеде: это и многочисленные переводы, и преподавательская деятельность, и лексикографические труды, и научное комментирование.

В числе научных трудов Бичурина, освещающих языковые вопросы, – «Китайская грамматика» (1835), дополняющая ее статья «О правильном произношении букв, входящих в состав китайских звуков» (1839) и неизданная рукопись этой статьи⁷, отличающаяся от опубликованного текста, книга «Китай. Его жители, нравы, обычаи и просвещение» (1840), отзыв на китайскую хрестоматию, составленную Д. П. Сивилловым (1840), рецензия и перевод книги французского синолога Каллери о фонетической системе китайского языка (1841), «Статистическое описание китайской империи» (1842), различные отзывы на работы отечественных и европейских синологов.

Известно, что Бичурин, будучи сам образован по классической европейской системе, являлся одновременно сторонником

⁶ Записка написана в третьем лице, как это было принято в то время для документов подобного рода. Считалось, что повествование о себе в третьем лице подчеркивает объективность взгляда составителя.

⁷ Отдел рукописей РГБ. Ф. 273.17.11

продвижения китайской национальной филологической традиции, а потому должен был прилагать усилия к тому, чтобы синтезировать оба подхода – выделять достижения собственно китайской науки о языке, сделав ее при этом доступной и «удобной» для понимания читателями *не-китаеведами*. Вообще вопрос о синтезе различных научных систем – один из наиболее острых в истории востоковедения, и не только лингвистического. Об этом поговорим подробнее в главе «О слове».

Возвращаясь к доводу о «мифологизации» личности Бичурина и стремясь воссоздать его психологический портрет, скажем несколько слов об антагонистах, осмеливавшихся критиковать «патриарха».

Пожалуй, самый неутомимый из всех – немецкий ориенталист Генрих Юлиус Клапрот (Julius von Klapproth, 1783–1835), плодотворно трудившийся в качестве адъюнкта азиатских языков в Императорской Академии наук в Петербурге (с 1807 – академик), участвовавший в посольстве графа Ю. А. Головкина в Китай (1802), покинувший Россию после командировки в Берлин в 1810 г., исключенный «с бесславием» из российской Академии в 1812 г., живший и работавший с тех пор в Париже, где были изданы основные его работы (общим числом свыше трехсот) и где он, в числе прочего, стал одним из учредителей «Азиатского общества» (*Société asiatique*, 1822). Клапрот – сложная и неоднозначная для российской синологии личность и однозначно положительная для синологии европейской. О сложных взаимоотношениях Бичурина и Клапрота московский ученый Н. Щукин писал: «Противники знакомы были еще в молодости и знали кое-какие слабости друг за другом. Наши ученые следовали за этою распрею, и, по слепому пристрастию ко всему иностранному, тайно желали победы Клапроту. Но дело кончилось взаимным истощением доказательств»⁸.

Лучшей иллюстрацией полемического стиля этих двух авторов может служить обмен критическими замечаниями на страницах «Московского телеграфа». В качестве небольшого отступления приведем здесь некоторые выдержки, которые помогут читателю

⁸ Журнал Министерства народного просвещения. 1857. № 9. С. 121.

лучше представить параметры отношений Бичурина как поборника достижений отечественной науки с его западными *vis-à-vis*.

«Ответ г-ну Клапроту на замечания касательно книг, изданных Иакинфом Бичуриным и относящихся к истории монголов:

«В ответ на третье замечание г-на Клапрота, в котором он угрожает мне опровержением, искренне советую ему – не предпринимать труда, сколько несоразмерного с его силами, столько же бесполезного и для Литературы, ибо парадоксы – как бы они ни были прикрашены – всегда останутся парадоксами, так как и различные народы, которыми г-н Клапрот населил Монголию, останутся навсегда в области мечтаний.

(...) Приведу пример. Г-н Клапрот, не быв в Пекине, захотел наугад опровергать г-на Тимковского, что шаманский храм в сей столице называется не Тхан-цзы, а Чжао-чжун-цы. В последнюю бытность мою в Кяхте я сказал об этом одному китайцу, жившему в Пекине, желая узнать его мнение. Приятель (так вообще здесь называют китайцев), сначала улыбнулся, полагая, что я издеваюсь над ним. Но когда я уверил его, что один ученый европеец действительно утверждает это, то приятель в ответ мне сказал: “Не может быть, чтобы это был ученый, а какой-нибудь полуумный или шут. Первый всегда говорит чепуху по недостатку ума, а второй с намерением, чтоб забавляя публику своими глупостями, добыть через то кусок хлеба”. Я надеюсь, что г-н Клапрот не обвинит меня в жестокости выражений китайца»⁹.

В следующем номере в пункте 14 «Замечаний» Клапрот писал:

«...предположения их (Шмидта и о. Иакинфа) следует поставить в число величайших заблуждений, происшедших от недостатка сведений и особенно того критического духа, который день ото дня упадает между учеными»¹⁰.

На что Бичурин язвительно отвечал:

«Сии слова, после всего предыдущего, должны сорвать невольную улыбку с уст мыслящего читателя. В самом деле:

⁹ Московский телеграф. Ч. 39. № 9. С. 82–99.

¹⁰ Московский телеграф. Ч. 39. № 10. С. 210–230.

не забавно ли видеть человека, который, сочиняя небывлицы, говорит о критическом духе? Который едва начал разуметь китайскую грамоту и уже пустился, для доказательства своих небывалых сведений, опровергать Китайскую Историю и труды Комиссии, составленной из учнейших мужей Империи Китайской? Благодарение Вышнему, ежели таковой дух, которому приличнее эпитет Клапротовского, нежели критического, день ото дня упадает между учеными!»¹¹

В советской академической науке Клапрот, очевидно, рассматривался как «перебежчик», поэтому в советский период отношение к его фигуре получило резкий, политически окрашенный резонанс, исследователи неизменно подвергали его роль критике. В одном из сборников «Очерки по истории русского востоковедения» за 1956 г. Н. П. Шастина, выступая в защиту Бичурина, отмечала:

«В своей рецензии Бичурин весьма резко отозвался об исправлениях Клапрота, которые действительно показывали недостаточное знание китайского языка этими учеными и поэтому в большинстве случаев были неточны и неверны. Впоследствии Клапрот не пропускал ни одной книги Бичурина, чтобы не обрушиться на нее с резкой и часто несправедливой критикой, в которой нередко занимал высокомерную позицию по отношению к русским востоковедам. В то же время он использовал материалы книг Бичурина для своих работ, “умножая свои труды”¹² за счет русского исследователя.

(...)

Такая литературная борьба между Бичуриным и Клапротом длилась в течение всей жизни обоих ученых, и по меткому выражению биографа Бичурина “укоризны между обоими ориенталистами превратились в личность”¹³. Дело, конечно, было не в личной неприязни, а в тех принципиально отличных друг от друга позициях, на которых находились Бичурин и Клапрот. Один был не только крупный талантливый

¹¹ Московский телеграф. Ч. 39. № 10. С. 216.

¹² Симоновская Л. В. Бичурин, как историк Китая // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. 1948. Вып. 7. С. 46–61.

¹³ Жукин Н. Иакинф Бичурин // ЖМНП. 1857. № 9. С. 121.

вый ученый, но и прогрессивный, передовой русский ученый, другой же, при немалом даровании, был человеком беспринципным, не даром же Клапрот в 1812 году был исключен из состава Академии наук за недостойное поведение. В разнице принципиальных позиций и следует искать причины споров между ними» [Шастина 1956: 192–193].

Позже резко критическая тональность комментариев заметно смягчилась, и стало возможным, отдавая дань бесспорному вкладу немецкого ученого в развитие ориенталистики, отзываться о нем следующим образом:

«Поэтому не станем обходить молчанием и труды нашего кратковременного соотечественника Г.-Ю. Клапрота, вынужденного покинуть страну в 1812 г. и с 1815 г. обосновавшегося в Париже. В России он выступал как синолог, но в силу распространенного, по крайней мере с XVIII в., мнения о тождестве или сходстве китайской и египетской иероглифических систем он занялся и этой последней, принял самое горячее участие в дискуссии по дешифровке, в которую не внес как будто ничего положительного, но сумел при этом сделать работу, полезную для египтологии...»¹⁴

Или, например, такой комментарий-компромисс:

«В своем стремлении доказать несостоятельность утверждений некоторых западноевропейских ученых, преимущественно миссионеров, в своей полемике с зарубежными и отечественными востоковедами (Г.-Ю. Клапротом, О. И. Сенковским и др.) Бичурин, не замечая и не желая того, иногда сам допускал ошибки из-за пристрастного отношения к Китаю и всему тому, что связано с ним»¹⁵.

Наконец, уже в наши дни наиболее полную и подкрепленную обширными архивными данными оценку деятельности Ю. Клапрота дал его соотечественник, исследователь и биограф Хартмут Вальравенс (Hartmut Walravens), посвятивший целый ряд статей

¹⁴ История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990. Т. 2. С. 232.

¹⁵ Там же. С. 299.

этому периоду в истории синологии¹⁶. Вальравенс характеризует Клапрота как «выдающегося сиолога, блестящего картографа... безусловно влиятельного ученого с обширной сетью научных контактов в Европе»¹⁷.

Ю. Клапрот не был единственным объектом постоянных нападков со стороны Бичурина. Наш синолог славился едкими высказываниями не только в адрес западных коллег, но и сочувствовавших им российских ученых и журналистов. Из письма Погодину от 24 ноября 1846 г.:

«Из это[й] статьи¹⁸ усмотрите, как европейские ученые мечтательны, хвастливы, и до какой глупости влюблены в свою ученость. Англичане в Лондоне мечтают, что они первый в свете народ, который хорошо знает и китайский язык, и Китай. А что читать мне доводилось о Китае из английских сочинений, правы везде пополам с грехом. О наглых французских хинологах и говорить не нужно. Я дивлюсь бесстыдству, с каким они пред целым ученым светом величают друг друга знаменитыми, что сплошь делается и между нашими знаменитостями. Это чисто дети до десятилетнего возраста, а притом дети глупые»¹⁹.

¹⁶ *Walravens H. Julius Klaproth: (1783–1835). Leben und Werk.* Harrassowitz, Wiesbaden, 1999; *Walravens H. Julius Klaproth: (1783–1835). Briefe und Dokumente.* Harrassowitz, Wiesbaden, 1999; *Walravens H. Julius Klaproth: Briefwechsel mit Gelehrten, größenteils aus dem Akademiearchiv in St. Petersburg; mit einem Namenregister zu Julius Klaproth: Briefe und Dokumente.* Harrassowitz, Wiesbaden, 2002; Schilling von Canstadt and His Correspondence with Julius Klaproth in the IOM // *Written Monuments of the Orient.* 2019. No. 5. P. 105–143. DOI: 10.17816/wmo25895-

¹⁷ “He was not only an outstanding Sinologist, he turned out to be an excellent cartographer, created the first typography to print Egyptian hieroglyphs, had a Manchu and a Chinese typography cut, was one of the first scholars to work with Japanese texts, acquired a basic knowledge of Tibetan and Mongolian. He was a feared and relentless critic, and more often than not he was right. Thus he fought against I. J. Schmidt’s theory that the Uighurs had been of Tibetan stock (they were Turks) and Nikita Yakovlevich Bichurin’s, a good Sinologist’s, belief in unfounded Chinese theories, against Joseph Hager’s belief in his own Chinese scholarship, Weston’s Sinological efforts, Langlès’ Manchu pretensions and unveiled deficits in Champollion’s readings of hieroglyphic inscriptions... He certainly was a very influential scholar with a large European network” [Walravens H. 2019. P. 105–143].

¹⁸ Имеется в виду статья Бичурина «Замечания на статью под заглавием: “Друзья по смерти”, напечатанную в VI номере “Москвитянина” за 1846 год». См.: Москвитянин. 1846. Ч. 6. № 11–12. С. 159.

¹⁹ РОГБЛ. Ф. 231. П. 13. Ед. 43. № 15. Автограф. Все письма публикуются в современной орфографии с учетом индивидуальных особенностей правописания автора.

Для полноты картины отметим, что труды самого о. Иакинфа получали самые разные отзывы современников и поздних биографов. Приведем здесь лишь несколько весьма иллюстративных цитат, которые убедят читателя в том, что «мифологизированная» с течением времени фигура Бичурина вовсе не всегда была таковой.

До сих пор не опубликована замечательная рецензия Захара Леонтьевского на работу Бичурина «О правильном произношении китайских звуков», текст которой хранится вместе с оригинальным текстом самой статьи (а он отличается от того, что был опубликован в ЖМНП за 1839, № III) в отделе рукописей РГБ²⁰. Вот начало этой рецензии:

«...Так о. Иакинф достигает своей цели, столь благородной и важной для нашего знания Китая, но еще не достиг вполне, потому что не заметил до сих пор, как он, преданный изучению Китая, иногда ошибается, как он, уча других, сам не учится, как он правилам, предписываемым другим, сам не следует и впадает в противоречия самому себе.

Чтоб увериться в том, что я говорю, стоит только прочесть покойного Полевого прекрасный и дельный о. Иакинфу ответ, помещенный в 55 части Московского Телеграфа 1834 г. на стр. 128–165, 287–318.

В продолжение 16-ти лет я не отвечал о. Иакинфу ни на один его вызов, ни на один упрек, большею частью не имевший никакого основания, никакой причины со стороны моей. Вся вина моя состояла в том, что в статьях моих я руководствовался собственным опытом и не следовал его сбивчивым и затейливым выдумкам и правилам. Но теперь и на мою долю, по предписанию начальства, досталось мне повторить то же самое, что покойный Полевой за 14 лет до сего времени писал: о. Иакинф, говоря столь много об ошибках других в отношении Китая, сам вдался, не замечая своих ошибок и недостатков, в большие излишества, погрешности, противоречия и недостатки, и, щеголяя, под старость, знанием

²⁰ Леонтьевский З. Рецензия на статью И. Бичурина «О правильном произношении китайских звуков». 21 сентября 1848 г. В лист. 10 л. ОР ГБЛ. Ф. 273. № 2888/1. Л. 221–230.

китайского языка, в пылу или в упоении своего щегольства, сам погрешает более других и заставляет невежд, по его разумению, в китайском языке перенимать свои погрешности, прибегая ко всем насилиям и принуждениям.

Но наука требует верности и не допускает пристрастия. О. Иакинф, не замечая, сам произнес над собой беспристрастный, совестливый приговор и сам о себе, а не о других, отозвался очень верно в своей статье: «Русские синологи, напротив, только начинают с робостью показываться на поприще словесности восточных народов. Новость предметов и упражнений почти на каждом шагу приводит их в сомнение, и это колебание приметно даже в различии выговора и начертания одних и тех же китайских звуков».

Из этих нескольких строк можно понять, что идея вступать в прения с авторитетным ученым кажется автору заведомо обреченной, однако он все же дерзает выступить с критикой во имя «науки, требующей верности и не допускающей пристрастия». Кстати, по наблюдению Дацышена, «именно та транскрипция, на которой настаивал З. Ф. Леонтьевский, в основном сохранилась до сегодняшних дней»²¹. Интересно замечание А. Н. Хохлова об оппонентах Бичурина и критике: «Если оппонентом выступал китаист, к тому же менее опытный или менее влиятельный (как было, например, в полемике с З. Ф. Леонтьевским), то Бичурину, как правило, удавалось выйти из спора непобежденным. Но когда обсуждались вопросы кочевников-монголов, тюрок и др. (как было в полемике с Г.-Ю. Клапротом, И.-Я. Шмидтом и отчасти с О. И. Сенковским), его положение было нелегким, так как оппоненты не только указывали на просчеты и фактические ошибки в его книгах, но и оперировали новым, порой недоступным по своему языку материалом»²².

Своеобразным резюме общего настроения в отечественной синологии первой половины XIX в. в отношении к Бичурину

²¹ Дацышен В. Г. К проблеме словарей в русском китаеведении // Общество и государство в Китае. 2018. № 2. С. 851–865.

²² Хохлов А. Н. Предисловие к: Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). [Классика отечественного и зарубежного востоковедения]. М.: Восточный Дом, 2002.

можно считать этот отрывок из письма В. П. Васильева Ковалевскому²³ (из Пекина) от 30 мая 1849 г.:

«При взгляде на столько [восточных] книг мне [часто] представлялся вопрос, не перевести ли их? Вместе с тем подумаешь: кто же будет читать или к чему перевод такой книги, которая не вполне выражает собой буддизм, причем написана в духе исключительно одной школы и т. п. Признаюсь, такое раздумье – враг для всех русских миссионеров, исключая только одного о. Иакинфа [Н. Я. Бичурина]. Кто из них не может переводить так, как он, таким же невзыскательным слогом и с такими же промахами, а он один сделался известным как [большой] знаток китайского языка. Кому из них не попадались маленькие хронологические таблицы, но никому не приходило в голову, что, издав их, можно стяжать славу, которую приобрел какой-то немец, кажется, Габеленц! Мы все думаем, что уж если приложить труд, так чтобы стоило к чему, однако на поверку выходит, что мы или вовсе не трудимся, или труды, лишенные добрых советов, Бог знает, на что похожи»²⁴.

«Невзыскательный слог» и «промахи» – не самая лестная характеристика, не помешавшая, однако, отцу Иакинфу упрочиться на синологическом олимпе, поскольку общий объем его трудов естественно допускал незначительные погрешности. Очевидно, что и один из главных трудов Бичурина по китайскому языку, «Китайская грамматика» (подробнее речь об этой работе пойдет в отдельной главе), также не мог быть безупречен в теоретическом плане хотя бы в силу новаторства поставленной задачи, однако долгое, слишком долгое время оставался основным и даже

²³ «Осип Михайлович Ковалевский (1801–1878) вошел в историю отечественного и зарубежного востоковедения как замечательный ориенталист-педагог, внесший серьезный вклад в изучение истории, филологии и культуры Монголии. Как знаток этой страны он стал известен еще в 30-е годы XIX в., когда в России появились его первые научные труды, посвященные актуальным проблемам Центральной и Восточной Азии. Что касается его биографии, богатой встречами с интересными людьми и необычными житейскими эпизодами, то она стала достоянием широкой публики лишь в 70-е гг. XIX в. благодаря сообщениям прессы» (*Хохлов А. Н. Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры: Собрание трудов / ред.-сост. С. В. Дмитриев, отв. ред. А. Р. Вяткин. М.: ИВ РАН. 2013. С. 492*).

²⁴ НСПбГУ. Отдел рукописей. Фонд О. М. Ковалевского. Ед. хр. 155., Л. 266–267.

единственным пособием по изучению китайского языка на всех ступенях образования вплоть до высшей школы. Вот что писал об этом академик В. М. Алексеев (1881–1951):

«...первая школа китаистов, возглавлявшаяся от своего возникновения до конца (1855–1900) акад. В. П. Васильевым, понимала свою задачу главным образом как руководство упражнениями студентов в чтении и переводе различных китайских текстов, отбирая и располагая их более в учебном, чем в научном, порядке и стараясь охватить свой предмет эклектически: отчасти как бы в историко-литературной, отчасти как бы в чисто практической программе. Так, в первой из них всегда фигурировало “Введение в изучение китайского языка”, которое вряд ли соответствовало “введениям” общеуниверситетского типа, ибо никаких научных установок оно не только не давало, но иногда прямо предупреждало против них как против фантастических и вредных для непосредственного понимания китайского текста. Крайне сборный характер этих “введений” обличал общую половинчатость программ, и, например, еще в 1904 г. “Введение” понималось как “Анализ китайских иероглифов”, “ключи”, “Wade’s 40 lessons”, “анекдоты и житейские правила”, при основном руководственном печатном “Введении в изучение китайского языка” (П. С. Попова), имеющем характер не научной и не практической (по общему типу преподавания) как бы некой грамматики китайского языка. К “введению” всегда пристегивалось чтение “легких текстов” “с попутным объяснением законов построения китайской речи”. В чем заключалась “легкость” этих текстов, нам, воспитанникам этой школы, осталось навсегда непонятным.

Отрицая *ex cathedra* наличность в китайском языке грамматики и предпочитая некоторую как бы обходную ее формулу вроде “Как китайцы обходятся без грамматики”, программы все же ее включали. Мы это видим уже в первом обозрении преподавания китайского языка в 1855 г., где В. П. Васильев обещает “излагать грамматику китайского языка по Иакинфу, Абель-Ремюза и Моррисону” (которые, между прочим, грамматику в китайском языке отнюдь не отрицали) и “занимать студентов” в то же время переводом “легких статей” 2. Ино-

гда для понятия грамматики выбирались обходные термины вроде “основных свойств китайского языка и письменности”. Во всяком случае, основное руководство (для преподавателей и студентов) Н. Бичурина (“Китайская грамматика”) в литографированном издании 1832 г. было рекомендовано и изложено на лекциях мне еще в 1898 г., несмотря на то что эта грамматика не имела никакой связи с наукой, отстала от элементарных стандартов уже при своем появлении и никакого права на рекомендацию через 66 лет после своего появления не имела» [Алексеев 1982: 161].

У него же в одном из примечаний читаем: «“Китайская грамматика” Иакинфа (Бичурина), не говоря о прочих, была лишь кариатурой на известные мне с детства грамматики латинского и греческого языков. “Китайско-русский словарь” П. Кафарова и П. Попова не выдерживал никакой критики по сравнению с большими греческо-русскими словарями того времени» [Алексеев 1935: 3]. Оценки Алексеева соотнесены с общей ситуацией в востоковедном образовании почти столетие спустя после периода, освещаемого в данном исследовании. Прорыв, совершенный Бичуриным и его современниками, не утрачивал своей значимости еще несколько десятилетий кряду, однако прорыв этот не был закреплен методически, что позволило бы преемникам в последующие десятилетия критически доработать и развить добытые достижения.

В советский период (наиболее плодотворный в плане изучения и подготовки к публикациям наследия о. Иакинфа, но в известной степени идеологизированный) П. Е. Скачков в разделе о «“Бичуринском периоде” в отечественной синологии» «Очерков» (с. 89–123) подвел итоги деятельности этого выдающегося русского ученого и привел различные оценки его трудов современниками и потомками. Описывая обмен критикой между китаеведами этого периода, Скачков отмечал: «Однако Бичурин был всегда объективен, стремился увидеть достоинства в рецензируемом им сочинении, и если находил их, то всегда подчеркивал положительные его стороны» [Скачков 1977: 117]. Я позволю себе снова привести характеристику Бичурина, данную Д. И. Тихоновым и поддержанную П. Е. Скачковым:

«Нет нужды приукрашивать или умалять Бичурина: все его научное и литературное наследие следует рассматривать с учетом времени, в конкретный исторический период. Нельзя требовать от него правильного материалистического понимания всех вопросов истории, его заслуга заключалась в том, что он сделал доступными обширные китайские источники, ознакомил русского читателя с Китаем, своими статьями и трудами рассеял ошибочные представления о странах и народах Восточной Азии, решительно выступил против преклонения перед западноевропейскими учеными, отстаивая русскую науку» [Тихонов 1954: 304].

Современная оценка научного вклада Бичурина дана в юбилейной статье И. Ф. Поповой и В. С. Мясникова, которые отметили наиболее актуальные направления в работе с бичуринским наследием в контексте запросов мировой синологии: «Вопрос об издании крупнейших переводов и научных работ Н. Я. Бичурина, неоднократно поднимавшийся в разные годы, остается весьма актуальным, поскольку имеет прямое отношение к проблеме восстановления приоритета отечественного востоковедения по целому ряду направлений. Кроме того, будучи частью российской культуры, свидетельством высокого уровня ее развития, труды Бичурина сами по себе могут расцениваться как исторические источники и памятники переводной литературы» [Мясников, Попова 2002: 1105].

Безусловно, наиболее полным сегодня является всестороннее биографическое исследование П. В. Денисова «Слово о монахе Иакинфе Бичурине» (2007), в котором он, в частности, отмечает еще один важный параметр бичуринских работ – они были написаны на русском языке, и особенность этого выбора не столь очевидна современному читателю:

«Злобствующая реакционная критика предрекла бесславную кончину трудам Бичурина лишь по той причине, что они были созданы на русском языке, который якобы не имеет прав на известность в ученом свете. Так, один из проповедников «европеизации» русской науки О. И. Сенковский, поддерживая западноевропейского востоковеда Ю. Клапрота, настаивал на том, чтобы отец Иакинф следовал по стопам иностранных ученых и писал свои научные труды на европей-

ских языках²⁵. Н. Я. Бичурин был страстным поборником развития отечественной науки и требовал уважительного отношения к русскому языку. Он справедливо считал, что «русский язык так богат словами, что без необходимости вовсе не нужно пестрить его иностранными словами». Прекрасно владея немецким и французским языками, Н. Я. Бичурин предпочитал писать свои произведения на русском. Современники ученого единодушно признавали высокие литературные достоинства его оригинальных трудов и научных переводов с китайского» [Денисов 2007: 212–214].

В последние годы исследовательский интерес к о. Иакинфу не ослабевал, его работы продолжают переосмысливаться в самых разных контекстах – от вклада в преемственность традиций востоковедения до узкоспециальных тем. Особенно заметно участие авторов на родине Бичурина – в Чувашии, Казани и Республике Марий-Эл (Григорьев В. С., Дмитриев В. Д., Петрова Т. Н., Николаев Э. В.), в Иркутске (Кирюхина Л. В.), Санкт-Петербурге (Попова И. Ф., Андреевская С. И., Чэнь Пэйцзюнь). Кроме того, творчество Бичурина продолжает интересовать зарубежных ученых (А. ДиТоро, А. Леопарди, Лиу Жуомэй, Ли Вейли), которые продемонстрировали замечательный диапазон и глубину анализа.

Ретроспективный анализ всего спектра мнений об о. Иакинфе вскрывает одно любопытное обстоятельство – авторство самых едких, колких и откровенно нелицеприятных отзывов о работах и личности Бичурина принадлежит главным образом его современникам и коллегам, а по мере удаления на временной оси от дат жизни нашего синоведа оценки становятся более сбалансированными, критика – более сдержанной, и наконец общее настроение этих оценок оказывается в сфере максимально положительного и хвалебного. Возможно, именно так проявляется действие старинного принципа: *de mortuis aut bene, aut nihil*. Возможно, этого

²⁵ Однако именно Сенковский сумел оставить наиболее объективные и предельные отзывы о работе русского синоведа, о котором писал с уважением [Скачков 1977: 121–123]. Сенковский критиковал Бичурина за «слишком китайскую форму сочинений» [Денисов 2007: 212–214] и неувлекательность изложения. Очевидно, ученый в то время должен был излагать научный текст, не забывая о том, что его будут читать не только коллеги по цеху – издатель любого журнала был заинтересован в широком круге читателей.

требуют законы классической гармонии, когда субдоминанта переходит в доминанту и разрешается тоникой.

Мы так подробно задержались на этих эпизодах с одной только целью – показать, что смена оценок и суждений, или колебания «атмосферы мнений» – неотъемлемая составляющая развития любой отрасли научного знания. Важным компонентом картины отечественного синологического языкознания первой половины XIX в. является ее фон – интеллектуальный, идеологический, эмоциональный. Без осознания научно-полемического контекста и его нюансов вряд ли возможно выявить скрытые механизмы формирования языковой теории. Кроме того, пресловутая научная точность обязывает нас предъявить читателю разносторонний анализ, назовем его «3D» – то есть объемный, такой, который позволит вынести оценку не в одной лишь плоскости суждений «за» и «против», но упомянуть и задействовать самые разные параметры. Как если бы мы держали в руках кубик Рубика, и смещение тех или иных вопросов в разные плоскости все же сохраняло бы целостность системы. Как и при сборке кубика Рубика, мы будем придерживаться определенных алгоритмов, чтобы в итоге нужные грани сложились в единую историю – историю исследования конкретного языка конкретным человеком в конкретную эпоху. Например, отдельные вопросы языкового строя будут рассмотрены с учетом не только собственно лингвистической, но и историко-философской, психологической составляющих, воссоздавая тем самым полноту обстоятельств, в которых пришлось трудиться о. Иакинфу два столетия тому назад.

Важно уделить внимание не только теоретической составляющей текстов языковедного характера, но и особенностям научной компетенции, доступной синологу той эпохи. Раскрытию этого аспекта способствуют письменные свидетельства более частного характера, нежели основные изданные труды Бичурина: комментарии к переводам документов и литературных памятников, заметки лингвистического свойства при составлении словарей и первых учебных пособий, дневниковые записи, эпистолярная полемика с критиками-соотечественниками и представителями зарубежной синологии.

Надеемся, что такие характеристики, как знакомство Бичурина с основными достижениями в своей отрасли научного знания, владение несколькими языками, возможность публиковаться, соотношение уровня его работ с общим уровнем мировой синологии, прозрачность/размытость терминов и определений в области языковых описаний той эпохи, политический климат и многие другие аспекты помогут читателю лучше осознать, почему та или иная мысль или теория тогда не могла быть выражена иначе, чем условными теоретическими средствами, но могла при этом нести в себе огромный потенциал для будущих открытий в синологическом языкознании.

Одна из главных задач настоящего исследования – живописать научный портрет о. Иакинфа Бичурина по возможности беспристрастно, снабдив читателя как можно бóльшим объемом фактов и данных, которые говорили бы сами за себя.

Автор книги приглашает читателя к увлекательному интеллектуальному путешествию и предлагает увидеть, как раскрывалась природа восточных языков для первопроходцев российской синологии, определивших развитие науки об этих языках на столетие вперед. Надеюсь, в ходе этого странствия читатель сумеет разглядеть в подходах к китайскому языку то универсальное и то индивидуальное, причудливая взаимосвязь которого и легла в основу отечественной школы китайского языкознания.

Глава 2 О ЗВУКЕ

*There may be those who doubt that Chinese has a grammar,
but no one has been able to doubt that Chinese has a phonology.*

Ch. Harbsmeier
“Language and Logic in Traditional China” (1998)

Историки китайской лингвистики сходятся во мнении, что, в отличие от грамматики, китайская фонология заняла отдельную теоретическую нишу в сравнительно раннюю эпоху¹. Уже с первых веков н. э. начал формироваться терминологический аппарат и основные концепты для описания фонетических явлений. Это было связано прежде всего с традицией составления таблиц и словарей рифм, столь необходимых для упражнения в поэзии и подражании классикам в ходе подготовки к государственным экзаменам. Сама фонетика 音韵学 yīnyùnxué, а точнее – фонология, сформировалась как специальная отрасль филологического знания несколько позже, чем 训诂学 shùngxué (толкование древних слов) и 文字学 wénzìxué (наука, предметом которой была письменность, особенности структуры и этимологии знаков), однако именно она

¹ Резюмируя соответствующий раздел истории исследований по китайскому языку в обширном труде *Language and Logic in China*, К. Харбсмайер писал: “There is no need here to give a detailed account of phonological sciences in China. The literature on this subject is vast. However, from the point of view of the history of science, we must emphasise that in the field of phonology the Chinese did approach a systematic theoretical method, which we have found lacking in the study of grammar. This important achievement deserves a separate monograph in its own right, and I shall not attempt to summarise it here” [Harbsmeier 1998: 95].

уже в Средние века стала ведущим направлением китайского языкознания². Автор последнего объемного исследования по истории китайской фонологии Чж. Шэнь справедливо отмечает:

«Логографическая природа китайской письменности заметно усложняет исторические исследования фонетической системы. Однако, несмотря на это затруднение, китайские ученые настойчиво занимались фонологией на протяжении более пятнадцати столетий. Плодом столь длительной научной практики стала очень развитая система терминов. Поскольку все эти достижения свершались в условиях отсутствия алфавитного транскрибирования звуков, сформировался категориальный подход в описаниях фонетики: например, сколько тонов, сколько инициалей, сколько разновидностей финалей есть в том или ином диалекте или стандарте. Таким образом, термины – это ключи к пониманию традиционной фонологии» [Shen 2020, P. 1: 1].

Как это ни странно, проблема неоднозначности терминов в различные периоды истории описания отдельных языков не всегда очевидна современному исследователю. Отсылка к источникам, содержащим примеры раннего использования того или иного термина, не может исчерпываться лишь библиографическим указанием на этот источник, но требует внимания к экстралингвистиче-

² Например, в одном из ранних словарей 切韻 *Qīyùn* (ок. 600 г.) были выделены 32 согласные инициалы и 136 финалей, а также дано примечательное в теоретическом отношении предисловие. Как отмечал С. Е. Яхонтов, «большим шагом вперед было создание фонетических таблиц, которые позволяют наглядно представить фонологическую систему китайского языка и отражают все существующие в ней фонологические противопоставления. В таблицах по одной оси расположены инициалы, по другой – финали; на скрещении строк проставляется соответствующий слог. (...) Систематизация слогов в таблицах потребовала сложной и разветвленной терминологии. Первые фонетические таблицы – «Юнь цзин» 韻鏡 («Зеркало рифм») известны по изданию 1161, но составлены значительно раньше (возможно, в конце 8 в.)» [ЛЭС: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/490/kitajskaya-yazykovedcheskaya-tradiciya.htm>]. См. также: Яхонтов С. Е. История языкознания в Китае (XI–XIX вв.) // История лингвистических учений. Средневековый восток. Л.: Наука, 1981, С. 224–247; 王力. 汉语语音史. 北京: 中国社会出版社, 1985 (Ван Ли. История развития фонетики китайского языка. Пекин: Кит. о-во, 1985); 王力. 汉语音韵. 北京: 中华书局, 2003 (Ван Ли. Фонология китайского языка. Пекин: Кит. книга, 2003); Воронина О. Ю. О средствах реконструкции фонологической системы китайского языка: китайская «иньюньсюэ» и особенности ее терминологического аппарата // Известия ВГПУ. 2018. № 9 (132). С. 181.

скому (историко-философскому, социальному) контексту. Об этом пишет, в частности, вдумчивый исследователь истории китайской лингвистической теории Т. М. О'Нейл (O'Neill) в отношении терминологии первого китайского словаря 爾雅 ěr yà:

«Было бы странным полагать, что, поскольку китайские филологи не использовали в своих металингвистических рассуждениях понятные нам / легко узнаваемые термины, такие как эквиваленты для обозначения классов слов “существительное” или “глагол” (которые уходят корнями в греческую метафизику и сами по себе не столь однозначны), то они не обладали равноценными категориями для деления языка и лексикона на значимые единицы и классы единиц» [O'Neill 2016: 163–164].

Синологи исследуемого нами периода, очевидно, уже могли руководствоваться мыслью, что «термины – это ключи к пониманию традиционной филологии», и прекрасно обходились теми описательными инструментами, которые находились в их лингвистическом арсенале. Однако условность этих терминов ставит нас, исследователей XXI в., перед необходимостью интуитивного поиска современных эквивалентов; в той же мере перед этой необходимостью оказывались ученые два столетия тому назад. Так, граница выделения единиц фонетического уровня в работах российских синологов первой половины XIX столетия была очевидно размыта, и денотаты понятий «звук», «слог», «слово», «выговор» или «буква» при переводе на язык современной лингвистической терминологии часто совпадают или оказываются взаимозаменяемыми. У о. Феофилакта (Киселевского) – автора неизданной «Китайской грамматики» – в Главе V («О выговорах символических знаков») говорится: «Поелику китайцы не имеют понятия о составлении слов из слогов, то считают все выговоры своих букв односложными, как и принято в их [...]творстве (неразборчиво. – К. К.). Но в отношении нашей грамматики, выговоры письмен их разделяются на односложные, двусложные и трехсложные: *ма*, *дуань*, *миао*»³.

³ РГБ Ф. 273 к. 18 е. хр. 6, 915–05/94. Феофилакт (Киселевский) «Китайская грамматика и разные материалы по изучению кит. Языка (1831–1840)», микрофильмы.

Киселевский отмечает наличие в китайском языке «416 выговоров (с ударениями – 1106)». Речь идет о фиксированном количестве возможных комбинаторных сочетаний слоговых инициалей и финалей с их тоновыми модификациями.

Практически все русские синологи того времени писали об «ударениях» в китайском языке. Например, у о. Даниила (Сивилова) в его «Конспекте» читаем: об «известных у китайцев пяти звуках или ударениях /у-инь/, с изменением которых происходят не только многие изменения в выговорах слов и их значениях, но отсюда проистекают также и многие изменения в правилах грамматических»⁴. Термин «тон» будет принят позже. В одной из частных записок Бичурин употребляет слово «тон», имея в виду особенности произношения звуков в составе китайских слогов безотносительно тональной просодии:

«Желательно вам знать, по какой причине я переменял буквальное выражение некоторых тонов китайских. Вначале и сам мало находил разницы между Дза и Цза, Жи и Цжи, хотя Ц и Ч несколько больше подходили к тону китайскому. В последствии я нашел китайский тонический словарь, в котором тоны расположены попарно, как то: бан – пхин и п'ан, цзин – цин, чжан – чан. Если написать Джан и сделать его обратным через выпущение Ж, то выйдет Дан, а не Чан, Дзан с выпущением З также произведет Дан, а не Цан. Сие обстоятельство уверило меня, что в оных двух случаях вместо Д надлежит писать Ц и Ч, употребление которых действительно натурально выражает вышеупомянутые тоны»⁵.

Справедливость этого наблюдения подкрепляется историческим фактом – именно в такой транскрипции (*цза* и *чжа*) соответствующие китайские слоги кодифицированы и используются при транскрибировании на русском языке до сих пор.

В те годы, когда о. Иакинф Бичурин разрабатывал теоретические подходы к описанию китайского языка, сам термин «фонетический» еще не вошел в русскоязычный востоковедный обиход.

⁴ Конспект для преподавания китайского языка. НАТР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. Л. 17–23; 25 (автограф)

⁵ Архив востоковедов. Оп. 1. Ф. 7. № 38. С. 108. Записка Окт. 29.

ход. Его введет только В. П. Васильев (1818–1900) в своих работах 50–60 гг. XIX в.

Васильев обратился к долгое время остававшемуся без внимания труду Ж.-М. Каллери *Systema phoneticum scripturae sinicae* (Макао, 1841), дал ему высокую оценку и с энтузиазмом использовал при работе над своей оригинальной графической системой. Так, в книге «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» (1867 г.) читаем: «Ключевой знак легко запомнится, при всякой системе, но комбинационные, называемые фонетическими, нелегко даются и даже ускользают при изучении по ключевой системе» [Васильев 1867, с. IV]. И далее там же: «Фонетическая система есть естественное обращение к изучению составных частей письменности». Сам о. Иакинф при переводе этого труда Каллери использовал исключительно определение «голосовой» в качестве эквивалента латинскому слову *phoneticum*⁶. Об этой работе речь пойдет чуть ниже.

Помимо проблемы терминологической «конвертации» из одной эпохи в другую, существует также проблема отсутствия у некоторых терминов прямых эквивалентов в современной системе. Например, в первой главе «Китайской грамматики» Бичурин оперирует таким понятием, как «тонкое дыхание» (о гласных *а, э, и* в начале слова), имея в виду, по сути, заднюю или переднюю их артикуляцию. Он также отмечает, что согласные *б, г, д* следует произносить как *бп, гк, дт*, «то есть несколько смягчая их твердость», в то время как согласные *пх, тх, кх* «имеют после себя тонкое дыхание, как если бы после них находилось *х*» [Бичурин 1835: 1–3], и это наблюдение абсолютно верно и удивительно современно – в сегодняшней фонетической концепции китайского языка (путунхуа), преподаваемой как официальная, нет противопоставления парных звонких и глухих согласных, а есть только глухие согласные, которые подразделяются на слабые глухие (полувзвонкие) и придыхательные. Впрочем, можно задаться вопросом, насколько разговорный язык жителей Пекина, описанный Бичури-

⁶ Об общих тенденция в формировании лингвистической терминологии см., напр.: Алтаев В. М. Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 17–22.

ным, соответствовал современному нам путунхуа. О. И. Завьялова отмечает:

«предшественником того официального языка, который носит сейчас название путунхуа (гоюй, хуаюй), был устный, в то время не имевший официального статуса наддиалектный язык, который с XII–XIII вв. использовали при общении друг с другом образованные люди – выходцы из разных диалектных районов. (...) Отечественные синологи, начиная с членов Российской православной миссии, живших в Пекине, изучали тот вариант устного китайского языка, на котором говорили образованные пекинцы. По сути дела, именно официальному языку путунхуа была посвящена большая часть работ, написанных в нашей стране позднее, в советский период. В результате термин «китайский язык» в российской синологической традиции имеет два основных значения. Первое – та самая официальная форма китайского языка, которая в современном китаезычном ареале Азии именуется путунхуа (гоюй, хуаюй). Второе значение – китайский язык в целом, включая его региональные и исторические формы, иначе говоря, ханьюй: и по-китайски, и по-русски можно сказать 汉语方言 ханьюй фань-янь – «диалекты китайского языка» [Завьялова 2014: 37–42].

Что касается определения «тонкий» в описаниях о. Иакинфа, оно интересно прямым указанием на связь бичуринского терминологического аппарата с трудами по грамматике М. В. Ломоносова, который писал, в частности, про букву ять: «буквы Е и Ъ в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует <...> в Е дебелости, в Ъ тонкости». Это же определение использует и современник Ломоносова Федор Поликарпов, объяснявший, что буква ять была введена для обозначения «тончайшего от письма <буквы> е произношения» и что она обозначает дифтонг «ие»: «такое е последи положено, а *i* под ним мало отделено и связано сицевым образом: *ie*» [Поликарпов (Бабаева) 2000: 149, 151]. На концептуальную связь бичуринской китайской грамматики с «Российской грамматикой» (1755) Ломоносова указывают и мои предшественницы – исследовательницы «Китайской грамматики» из Пекина и Сиены [Liu Ruomei 2010: 142; Di Toro 2019: 69]. Ж. Лиу, в частности, отмечает, что в анализе китайского слова Бичурин опирался на понятие слова, сформулированное Ломоносовым, в то же время свои идеи

относительно китайской фонетики он черпал из источников цинского периода.

Отец Иакинф был, безусловно, знаком с основными собственно китайскими текстами и словарями, раскрывающими свойства китайской фонетики в толковании самих китайцев. Фонетический аспект китайского языкового строя рассматривался нашим синологом в соответствии с китайской традицией – помимо разделения слога на инициаль и рифму, выделялись пять тонов, отмечалась их морфонологическая смыслоразличительная функция и т. д. В отдельных местах российский синолог прямо дает отсылки к работам китайских филологов, в других отрывках мы можем с уверенностью предположить обращение к китайским источникам. Вторая глава «Китайской грамматики» («О разделении звуков по произношению»), полностью посвященная описанию классов звуков, начинается буквально со следующего высказывания: «Китайские филологи разделяют звуки голоса по органам произношения на следующие разряды: а) зубные тонкие, б) концевые, в) надъязычные, г) губные твердые, д) губные мягкие, е) зубные дебелие, ж) зубные шипящие, з) гортанные, и) пол-язычные» [Бичурин 1835: 4]. Как видим, цинская фонетическая наука обладала вполне развитым представлением об артикуляционных параметрах звукообразования и некоторых оппозициях, например по признаку твердость – мягкость. В концевом примечании к этой главе наш синолог прямо ссылается на словарь 康熙字典 (1710–1716) и принятую в нем классификацию⁷.

⁷ В. М. Алпатов отмечает, что до знакомства с европейской наукой в Китае не было понятия, соответствующего звуку (фонеме): «В китайской традиции имелось единое базовое понятие “цзы”, одновременно соответствующее письменному знаку, тонированному слогу и единичности лексик (см. ниже). Слоговой характер китайского языка повлиял на всю традицию. В качестве первичной единицы фонетики рассматривался слог в целом, а не звук и не мора» [Алпатов 2005: 22–32]. И далее: «Недостаточно развитой была фонетика и в дальневосточных традициях, где, видимо, сказывался характер письменности. Фонетические изыскания в этих странах, развивавшиеся в разное время, были направлены на выяснение фонетических сходств и различий, существовавших во время создания престижных памятников. Сами же фонетические свойства, кроме рифм и тонов в Китае, не представляли для китайских и японских ученых особого интереса» [Алпатов 2018: 27]. Эти наблюдения В. М. Алпатова необходимо все же дополнить и уточнить. В. М. Солнцев в соответствующем разделе «Введения в теорию изолирующих языков», со ссылкой на работы вьет-

Однако Бичурину, по всей видимости, приходилось искать компромисс, чтобы уравновесить обе традиции – классическую европейскую и исконно китайскую. Например, в первой главе «Китайской грамматики» он объясняет фонетическую природу т. н. двугласных: «я, ю, е почитаются составленными из соединения *і* с гласными а, у, э, что можно видеть в китайских словарях при рассечении двух знаков для составления выговора третьего» [Бичурин 1835: 3]. Здесь очевидна отсылка к древнему методу 反切 *fǎnqiē*, появившемуся еще в эпоху Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) и позволявшему фиксировать звучание знака через звучание двух других знаков посредством их «разрезания» на инициали 聲母 *shēngmǔ* (начальный согласный) и финали 韻母 *yùnmǔ* (рифма) для объяснения звучания третьего знака⁸.

Впрочем, «Китайская грамматика» содержит лишь часть наблюдений и размышлений о. Иакинфа о фонетическом устройстве китайского языка. Интересно обратиться и к другим его работам, как опубликованным, так и оставшимся в рукописи, освещающим фонетические аспекты.

Так, в 1839 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» (№ 3) вышло небольшое дополнение к китайской грамма-

намских лингвистов, отмечал, что традиционно «в китайской филологии использовались термины, описывающие фонетические особенности звуков, например: “хоу2” (горловость), “я2” (заднезубность), “ше2” (язычность), “чи3” (переднезубность), “чунь2” (губность) и т. д.» [Солнцев 1995: 46]. Отсылку к этим собственно китайским терминам находим и в бичуринской грамматике. Как видим, отсутствие понятия фонемы в классических работах о чтении или категоризации китайских письменных знаков компенсировалось тем не менее развитыми представлениями об артикуляции и особенностях звукового состава слогов, записываемых иероглифами, о чем свидетельствует и само название этой отрасли знания – 音韵学 *yīnyùnxué* [звук + рифма / финаль + наука]. См. также: Воронина О. Ю. О средствах реконструкции фонологической системы китайского языка: китайская «иньюньсюэ» и особенности ее терминологического аппарата // Известия ВГПУ. 2018. № 9 (132). С. 181.

⁸ Об этом подробнее см., напр., указанную выше статью О. Ю. Ворониной: «Разрезание» позволяло фиксировать звучание знака через звучание двух других знаков. При этом начальная часть первого знака должна совпадать с начальной частью “разрезаемого” знака, а конечная часть второго знака, включая тон, – с конечной частью “разрезаемого”. При подборе инициали учитывались такие характеристики, как твердость и мягкость, а при подборе рифмы – структура рифмы, т. е. наличие в ее составе *серединного элемента*, или *медиали*, а также характеристика рифмы по степени подъема языка при произнесении слогаобразующего гласного» [Воронина 2018: 182].

тике под заглавием «О правильном произношении букв, входящих в состав китайских звуков». В этом дополнении Бичурин писал: «Из букв, входящих в состав китайских звуков, нет ни одной, которой бы не было в русском языке; примечательное же в китайском языке отличие некоторых звуков не составляет новых букв, а происходит от произношения. В изданной мною Китайской Грамматике я показал, в чем состоит это отличие, но не изложил естественных тому причин». Таким образом, содержанием этой небольшой статьи стало краткое разъяснение причин, по которым для записи тех или иных звуков китайского языка Бичурин выбирал эквиваленты из русского алфавита. Причем автор не ограничился пекинским диалектом, но постарался продемонстрировать различия северных и южных вариантов китайской звуковой палитры.

Сама по себе эта публикация является, на первый взгляд, практическим дополнением к тексту «Китайской грамматики», но, как мы вскоре увидим, ряд документов, сохранившихся в Отделе рукописей РГБ (Ф. 273.17.11), позволяет полнее раскрыть теоретический и полемический контексты этой работы. Ценна не только сама рукопись Бичурина «О правильном произношении китайских звуков», более объемная по содержанию в сравнении с опубликованным текстом, но и сопровождающая ее критическая рецензия Захара Леонтьевского, о которой речь шла чуть выше, в первой главе. К делу также приложено письмо Бичурина к председателю Русского географического общества Ф. П. Литке от 24 января 1848 г., в котором он пишет: «на картах Китая, изданных на русском языке, почти все китайские названия мест, гор и рек неправильно изложены, и это происходит единственно от того, что русские наши топографы, заимствуя текст для карт у географов Западной Европы, не знают ключа к правильному произношению слогов, составляющих голосовое переложение китайских звуков европейскими буквами». Необходимость унификации написания китайских топонимов – еще одна важная причина, побудившая о. Иакинфа издать пояснения к транскрипции.

Обращаясь к тексту самой рукописи «О правильном произношении китайских звуков», скажем несколько слов о важной ее составляющей, оставшейся за скобками опубликованной

в «ЖМНП» статьи, а именно – о сопоставительных таблицах «Португальского голосового начертания китайских звуков», «Французского голосового начертания китайских звуков» и «Английского голосового начертания китайских звуков». Очевидно, знакомство с транскрипциями европейских предшественников и анализ этих транскрипций – важнейшая часть объемного труда о. Иакинфа по созданию собственно русской транскрипции китайских слогов. Эти усилия были необходимы Бичурину для утверждения «автономии» отечественной синологической науки, что было целью всех его трудов и делом всей его жизни.

Комментарии и замечания о. Иакинфа относительно европейских вариантов романизации китайских звуков помогают лучше понять, как именно шла работа над русской транскрипцией и проследить ход мысли ее автора. Так, л. 20 рукописи содержит следующее наблюдение: «из сличения троякого голосового начертания (португальского, французского и английского. – *Прим. ред.*) можно видеть, что французское начертание ближе двух прочих выражает китайское произношение». Действительно, португальская система романизации – наиболее ранняя из всех (разрабатывалась в XVI–XVII вв.), французская же система начала формироваться несколько позднее (XVIII в.) с учетом недоработок предшественников [Кожа 2022]. Однако именно английская система полвека спустя ляжет в основу наиболее принятой в западной синологии романизации вплоть до появления алфавита *пиньинь*. Бичурин резюмирует сравнение этих систем, особо настаивая на праве именно русского алфавита быть с успехом примененным для транскрипции китайских звуков:

«Сбивчивость в правильном начертании китайских звуков буквами Западной Европы от того происходит, что в азбуках Западной Европы не достает букв: двух полугласных, двойных гласных и некоторых согласных, как то: ъ, ь, ы, е, э, ю, я, ц, ч. Чтобы заменить сей недостаток в буквах для голосового начертания китайских звуков, китаесловы Западной Европы прибегли к составлению новых слогов: но сии слоги, как выше мы видели, сколь сами по себе сбивчивы, столь же мало достаточны для правильного произношения китай-

ских звуков. И потому не должно русских ученых и литераторов обвинять в том, что они, не зная ключа к правильному произношению новосоставленных слогов, иногда при переводе статей о Китае обезображивают собственные китайские имена до нельзя-более. Жаль только, что они, увлекаясь привычкой и ложным мнением о высоком образовании ученых Западной Европы, пренебрегают русский язык, а звуки русских букв очень близки к произношению китайских звуков. Русские ученые и литераторы, в подражание Западным Европейцам приняли за правило писать “дза” и “джа” вместо “цза” и “чжа”, а того не заметили, что в азбуках Западной Европы нет полных букв “ч” и “ц”» (Л. 20–21).

Помимо аргументации использования тех или иных букв русского алфавита, Бичурин предложил букву «х» для обозначения придыхания в соответствующих слогах: *кхань*, *чху*, *тхан* и т. п., отказавшись от принятого в синологии обозначения придыхания с помощью диакритики «^», «'» и др. Он также настаивал на необходимости избегать склонения китайских слов и наименований при транскрибировании в русском языке, т. е. не наделять их окончаниями сообразно требованиям русской грамматики:

«Еще есть две вещи, на которые новому русскому китаеслову нужно предварительно обращать внимание. Эти вещи суть неизменяемость и правильный выговор слов. Недовольно того, что звуки, т. е. слова в китайском языке не изменяются, но по чрезвычайной краткости своей они неудобны к принятию изменений в окончаниях даже во всех других языках, напр.: *ла*, *я*, *и*, *э*, *е*, *ю* и т. д. Китаесловы Западной Европы заметили это с самого начала занятия их китайским языком и с того времени единогласно приняли за правило не изменять китайских звуков при голосовом переложении их на свои языки. Некоторые из них – для большей ясности – ставят над словами знаки свойственного им ударения, по которым знающий китайский язык может открыть самое значение звуков. Русские китаесловы, напротив, еще не заметили, что русские конечные приставки к китайским словам могут затруднять иностранных переводчиков и даже вводить их в погрешности. Правильный же выговор китайских звуков

наиболее заключается в соблюдении придыханий и ударений, которые одни только определяют значение звуков в речи».

В тексте, опубликованном в «ЖМНП», Бичурин кратко изложил свою систему описания различий в произношении китайских звуков, разделив все звуки (в оригинальном тексте – «буквы») на:

- 1) произносимые в гортань и из гортани (а, к, п, т, ц, ч);
- 2) произносимые в гортань (ж, и, л, м, н, ъ, ю, я);
- 3) произносимые из гортани (с, ф, х, ш) – о них Бичурин пишет, что эти звуки не имеют отличий от произношения в русском языке.

В одноименной рукописи содержится ряд любопытных наблюдений, не вошедших в текст журнальной публикации. Например, о звуке «а» сказано, что «сия буква с началом слова произносимая в гортань образует мягкое “а” подходящее к “а” с придыханием. Напр., 'ай, 'ань, 'ао. Произносимая же из гортани образует мутное “а”, подходящее к «нгай» или «нгань», *а иначе букву “а” невозможно произнести из гортани, или, ближе сказать, из груди: ибо все китайские слова, выговариваемые с придыханием, вытягиваются из полости грудной*» [Курсивом выделен текст, оставшийся в рукописи. Прим. ред.].

Интересно, что термины «в гортань / из гортани» неоднозначны – в ряде случаев это способ описать артикуляционное формирование звука, в других случаях – интуитивная попытка различить классы придыхательных и непридыхательных фонем, в иных – способ различения мягкости или твердости отдельных согласных. Примечательно, что в бичуринской теории придыхательные и непридыхательные фонемы (такие как [к] или [п]) находятся, если говорить о них в терминах современной лингвистики, в дополнительной дистрибуции, очевидно являясь аллофонами, в то время как современная китайская языковая теория различает такие звуки как разные классы фонем.

Очевидно, эта и другие терминологические неоднозначности в разработке Бичурина дали полное основание рецензенту Леонтьевскому говорить о сбивчивости методы, «из-за которой даже его собственные ученики предпочитают следовать не его транскрипции, а собственному опыту, приобретенному в Пекине

за 10 лет жизни там»⁹. Поправки Леонтьевского к предложенной Бичуриным транскрипции очень дельны и логичны, а местами откровенно ироничны: «На картах или в каком-либо сочинении нельзя означать, какое “а” должно быть мягкое, произносимое с придыханием, или “мутное”¹⁰, произносимое из гортани, или из груди, или из полости грудной (!!), да не из брюшной ли полости? Потому что вся ученость, по мнению китайцев, заключается в полости брюшной»¹¹.

Рецензент критикует также варианты южных диалектов, приписанные в таблицы с русским произношением, – зачем запутывать систему? Что должен выбрать переводчик, не знакомый с правильным китайским произношением? Резюмируя разбор этого труда, Захар Федорович напишет: «Наш синолог хотел было вразумить переводчиков нарочно приготовленную им статью, но, вразумляя их, сам сделался непонятен. От души сожалею, что предприятие о. Иакинфа не удалось, а намерение его прекрасно»¹².

Попутно отметим, что разработка систем транскрипции, а именно – романизации, являлась важнейшей программой всех западных миссий, осваивавших китаезычное пространство на протяжении нескольких веков¹³. Унификация транскрипции и ско-

⁹ ОР ГБЛ Ф. 273.17.11.

¹⁰ Справедливости ради отметим, что определение «мутный» не вымышлено Бичуриным, а заимствованно им непосредственно у китайских филологов: «при описании консонантной системы языковеды древнего Китая оперировали такими понятиями, как “тридцать шесть знаков” (三十六字母), “пять/семь звуков” (五/七音), “чистые (清音) и мутные (浊音) согласные» [Воронина 2018: 182].

¹¹ В то же время интересно заметить, что в описании различных произношений гласного [a] Бичурин сумел интуитивно приблизиться к тому, что почти два столетия спустя Н. А. Спешнев будет описывать как комбинаторные оттенки: «на определенном этапе изучения звуко сочетаний возникает необходимость ввести понятие о комбинаторных и позиционных оттенках гласных. Например, следует указать на то, что гласный [Q] перед переднеязычным [n] становится передним [a], а перед заднеязычным [N] становится задним [P]» (См.: *Спешнев Н. А.* Введение в китайский язык: фонетика и разговорный язык. СПб, 2006. С. 16).

¹² *Леонтьевский З.* Рецензия на статью И. Бичурина «О правильном произношении китайских звуков». 21 сентября 1848 г. В лист. 10 л. ОР ГБЛ. Ф. 273. № 2888/1. Л. 221–230.

¹³ *Chen P.* Phonetization of Chinese // *Chen P.* Modern Chinese: History and Sociolinguistics. Cambridge University Press, 1999. P. 164–190; *Концевич Л.* Китайские имена собственные и термины в русском тексте. М., 2002. С. 141–149; *Raini E.* I Sistemi di

рейшее ее распространение в рамках работы отдельной миссии служили залогом ее эффективности – ускоренное обучение новых членов, общение без посредников с носителями наречия региона, в том числе – с представителями местной администрации, и, как следствие, – более успешная реализация главных задач миссии.

Проблема стандартизации транскрипции стояла особенно остро в издательском деле миссий, поскольку разработка типографских шрифтов для издания новых словарей, разговорников, учебных пособий и различных прозелитических материалов требовала не только технических усилий, но и больших финансовых затрат. Как отмечает U. Kuzuoglu, «стандартизация, в особенности для миссионерских издательств, была ключевой задачей в деле основания западной синологии. Начиная с 1841 г. с *Chinese Chrestomathy* Э. Бриджмана, орфография У. Джонса¹⁴ утвердилась для кантонского и южноминьских диалектов¹⁵, а в 1844 г. и для нанкинского – в словаре *An English and Chinese Vocabulary in the Court Dialect* Уильямса. В 1853 г. появляется грамматика шанхайского диалекта Дж. Эдкинса (1823–1905) (*A grammar of colloquial Chinese, as exhibited in the Shanghai dialect*, 1868), который указывал, что опирался во многом на системы Медхерста¹⁶, У. Джонса и Р. Моррисона, представленные в журнале *Chinese Repository* в статье “System of Orthography for Chinese Words”¹⁷. Им сопутствуют десятки

Romanizzazione del Cinese Mandarino nei Secoli XVI–XVIII. 2012; Kuzuoglu U. Codes of Modernity: Infrastructures of Language and Chinese Scripts in an Age of Global Information Revolution. Columbia University, 2018; Кожя К. А. “Confessionario em lingua mandarina” о. Франсиско Варо – неизвестная рукопись известного проповедника // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2022. № 1. С. 113–125.

¹⁴ Уильям Джонс предположил в 1786 г., что греческий, санскрит и латынь обладают общими корнями, заложив, тем самым, основы теории индоевропейских языков. См. *Jones William*. The Third Anniversary Discourse, on the Hindus, delivered 2d of February, 1786 // *The Works of Sir William Jones*. London: Printed for G. G. and J. Robinson, 1799. Vol. 1. P. 19–34.

¹⁵ Или группы хоккьен (Hokkien, Hokkienese, Fukien, Fuchien) – название провинции Фуцзянь по-южноминьски. Чаще применяется только к южноминьским диалектам повсюду в ЮВА.

¹⁶ *Medhurst Walter Henry*. Dictionary of the Hok-k'èèn Dialect of the Chinese Language. – Macao, 1832.

¹⁷ [Неизвестный автор, предположительно Сэмюэл У. Уильямс]. System of Orthography for Chinese Words // *Chinese Repository*. Vol. 5. No. 1 (May, 1836). P. 22–30.

других изданий на всех основных китайских диалектах, активно романизированных миссиями всех конфессий» [Kuzuoglu 2018: 90–93]. Однако даже вокруг наиболее принятых транскрипций неустанно шли дебаты. Например, автор вышеупомянутой статьи в *Chinese Repository* (предположительно С. Уильямс (1812–1884)) отмечает, что «попытки Моррисона усовершенствовать свою изначальную транскрипцию и дополнить ее применительно к кантонскому диалекту в своем словаре, породили еще большее число непоследовательностей и вконец запутали дело» [Williams: 22]¹⁸.

Чтобы нагляднее представить остроту проблемы, приведем здесь наблюдения С. Уильямса – ведущего лексикографа и издателя в Китае середины XIX в.: «Иероглиф 快 записывается как *kuaí, c'oi, kouai, kwae* и *kw'ái*; 生 как *xam, seng, sàng* и *sang*; 妝 как *choam, tchouand, choand, chwang* и *chwáng*. И все это для одних и тех же звуков. С учетом диалектов сложности только возрастают: *eull, olr, ul, ulh, lh, urh, 'rh, í, e, lur, nge, ngí, je* и *jí* – лишь некоторые из способов, задействованных разными авторами для транскрибирования иероглифа 同 в различных диалектах» [Williams 1844: iv]. В качестве еще одной иллюстрации уместно сослаться на Дж. Эдкинса, который в разделе *On sound* [О звуке] своей грамматики шанхайского диалекта предложил следующие обозначения тонов: «апостроф “'” перед словом обозначает второй тон, запятая “,” после слова указывает на третий тон, четвертый тон записывается при помощи финалей *h, k* или *g*. Слова без специальных обозначений читаются первым тоном» [Edkins 1868: 3]. Как видим, даже в рамках одной этой работы система обозначения тонов организована на основе различных принципов – здесь и диакритика, и фонемный состав, и просто нулевая маркировка¹⁹.

¹⁸ Уильямс выступал оппонентом романизации Моррисона и был главным апологетом орфографии Уильяма Джонса.

¹⁹ Попутно Эдкинс справедливо отмечал, что если для описания северного варианта китайского языка (北音 *beiyin*) достаточно говорить о четырех или пяти тонах, то для прочих диалектов это описание не годится – тоновые модуляции в них более сложные и требуют выделения дополнительных тоновых обозначений. Поэтому он разделил систему тонов шанхайского диалекта на два регистра – верхний и нижний, выделив, таким образом, восемь тонов и множество их модуляций в зависимости от сочетаемости между собой [Edkins 1868: 13–58].

Начиная с 1850-х гг. проблемы стандартизации орфографии стремительно нарастали, поскольку все большее число миссионеров включалось в процессы освоения новых языков. В 1854 г. в Лондоне были организованы специальные Алфавитные Конференции (Alphabetical Conferences), имевшие целью выработку единого фонетического алфавита для миссий во всех регионах мира. Идеологом этих конференций выступал Макс Мюллер (1823–1900), выдвигавший, в частности, постулат о необходимости артикуляционного подхода к разработке транскрипции: «звуки бывают велярные, палатальные, лабиальные, дентальные и др. Все они образуются при физиологическом участии речевого аппарата» [Müller 1854: 16]. Постепенно, спустя несколько десятилетий, попытки унифицировать систему романизации (не только для китайского, но и для других языков миссий) привели к созданию, утверждению и распространению алфавита Т. Ф. Уэйда (1818–1895), который, закрепившись после выхода китайско-английского словаря Герберта Джайлза (1845–1935) в 1892 г., просуществовал как основная стандартная транскрипция вплоть до утверждения в качестве таковой алфавита пиньинь.

Отец Иакинф не мог оказаться в стороне от основных течений в синологии своего времени и трудился на стыке различных интересов, отдавая должное наработкам предшественников-миссионеров и одновременно стремясь сделать русскую транскрипцию китайского языка фундаментальной в академическом понимании этого свойства. Мы не станем углубляться в историю эволюции русской транскрипции, поскольку вопрос этот слишком объемнен и служит предметом целого ряда отдельных исследований. Не оставляя намерения критически подойти к участию в данном процессе о. Иакинфа, нельзя не задаться вопросом: действительно ли бичуринская транскрипция оказалась настолько передовой и проработанной, что без нее не мыслилось дальнейшее продвижение этой темы в отечественной синологии? Все же нельзя уйти от мысли об имевшем место «давлении авторитета» и продвижении Бичуриным своей системы за счет более доступных ему возможностей к публикациям. П. Е. Скачков по этому поводу резюмировал следующее: «Несогласие он (Бичурин) выразил только

в отношении произношения. Но, как это будет видно далее, никто из русских китаеведов не принимал предлагавшуюся Бичуриным транскрипцию» [Скачков 1977: 194]. В. Г. Дацышен в своем подробном историческом исследовании также отмечает: «в советской синологии, вопреки фактам и реалиям, звучали такие утверждения, как: “Создание русской традиционной транскрипции китайского языка связано с именем... Н. Я. Бичурина”» [Дацышен 2018: 853]. Все же начатки транскрибирования китайских слов и топонимов русскими буквами следует искать в работах наших синологов XVIII в. [Вебер и др. 1908; Шпринцин 1964; Дацышен 2018: 78–85]. Система Бичурина, заметно отличавшаяся от наработок прежних авторов, все же была естественной частью процесса дальнейшего формирования русской транскрипции и была применена (впрочем, в заметно переработанном виде) в двухтомном «Китайско-русском словаре» архим. Палладия (Н. И. Кафарова) и П. С. Попова, изданном в Пекине в 1886 г.

В свое время Л. Р. Концевич, подробно исследовавший эту тему, отмечал, что преемственность бичуринской транскрипции прослеживается вплоть до издания «Большого китайско-русского словаря» под ред. М. И. Ошанина (4 т. М., 1983–1984) и что «вряд ли целесообразно что-либо кардинально менять в ТРТ (традиционной русской транскрипции) на нынешнем этапе, поскольку в ее применении при всей условности обозначений сложилось общее согласие, ставшее объединяющим фактором в среде сообщества отечественных китаеведов. Эту транскрипцию по всем объективным показателям и целесообразно использовать в дальнейшем, так как она выдержала более чем столетнюю проверку ее практического использования и является ценным достоянием отечественного китаеведения. Она обладает рядом достоинств – удобством и простотой, относительно точной передачей звукового состава и структуры слога китайского языка, системностью и привычностью для специалистов, которые по ней относительно легко могут восстановить чтение иероглифа и нахождение в словаре» [Концевич 2002: 8].

Несмотря на то, что сегодня задача транскрипции китайских слов кириллицей не столь актуальна и синологи всего мира пользуются специально разработанным алфавитом *пиньинь*, под-

черкнем, как того требует наша национальная исследовательская традиция, что русская кириллическая транскрипция состоялась, и вклад о. Иакинфа в разработку принципов и методов описания фонетики китайского языка невозможно переоценить. Свод текстов о фонетическом аспекте китайского языка в разработке российского синолога в очередной раз демонстрирует широту его познаний и скрупулезность научного подхода. Эти качества мы еще не раз сможем оценить в ходе исследования других тематических разделов творчества Бичурина-языковеда.

Глава 3

О СЛОВЕ

*Таков есть механизм китайского языка.
С первого взгляда сколь он ни труден для
нас по своим необыкновенным оборотам, но когда
вникнем в состав его без малейшего предубеждения
со стороны правил собственного языка, то он скоро
становится в самом нашем понятии правильным,
стройным, удобопонятным.*

*И. Бичурин «Статистическое описание
Китайской империи» (2002)*

В разговоре о филологическом наследии первых российских синологов невозможно обойти стороной одну из основных его сокровищниц – словари. Труды по лексикографии членов Российской духовной миссии и их преемников составляют значительную часть архивных фондов XVIII–XIX вв. и привлекают неизменный исследовательский интерес. О становлении отечественной синологической лексикографии можно прочесть в недавних работах И. Ф. Поповой, которая, в частности, отмечает:

«Словари, созданные в XVIII–XIX вв. по семантической, фонетической и графической системе, могли бы стать значительным вкладом русских ученых в мировую синологию, но почти все они составлялись в основном для личного пользования авторов и не были опубликованы, поэтому многие принципиальные достижения русских филологов-китаистов этого периода в сфере лексикографии остались неизвестны мировой науке» [Попова 2014: 291].

Не так давно В. Г. Дацышен посвятил большую статью проблемам словарей в русском китаеведении, истории их создания, издания и сохранения. Позволю себе процитировать ключевую мысль этой статьи:

«...развитие русского китаеведения в части создания словарей имеет устойчивую традицию и явную историческую преемственность на протяжении почти трех веков. Подавляющее большинство русских синологов следовали этой традиции, продолжали ее развивать, а отдельные китаисты, в первую очередь Бичурин и Колоколов, пытались выйти из нее по некоторым базовым направлениям. Несмотря на признание достижений русского китаеведения, советские составители словарей крайне редко упоминают работы своих предшественников среди лексикографических источников. В последние годы традиции русского китаеведения ослабевают, тем не менее именно они являются фундаментом отечественной синологии, независимо от того, осознаются они современниками или нет» [Дацышен 2018: 864].

Скажем несколько слов о лексикографических трудах о. Иакинфа, а именно о тех нескольких словарях, над которыми он трудился на протяжении всей жизни. Внимательный исследователь бичуринского наследия С. Е. Козин писал о шести рукописных словарях. Известно, что только в Архиве востоковедов ИВР РАН хранится пять словарей авторства Бичурина. Об этих словарях можно прочесть у И. Ф. Поповой:

«Многие годы о. Иакинф трудился также над составлением словарей преимущественно для своего собственного пользования, поэтому они не были им подготовлены к печати и остались в рукописи: “Словарь китайско-латинский (фонетический), расположенный по русскому алфавиту”¹, “Краткий китайско-русский фонетический словарь, расположенный по русскому алфавиту”², “Маньчжурско-китайско-рус-

¹ АВ ИВР РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 24–25 (1887 л.).

² Там же. Ед. хр. 28–29 (1277 л.).

ский словарь терминов часового производства”³. О. Иакинф также перевел на русский язык часть маньчжурско-китайского словаря “Зерцало маньчжурского языка (Цин вэнь цзянь 清文鑑)”⁴. Наряду с этими небольшими по объему работами о. Иакинф составил “Словарь китайско-русский, расположенный по русскому алфавиту” в 12 томах⁵. К работе над ним о. Иакинф приступил в Пекине в 1807 г. и продолжал вносить дополнения в течение всей своей жизни. О. Иакинф разработал свою систему транскрибирования китайских звуков с помощью русского кириллического алфавита и большую часть своих лексикографических работ составил по фонетическому принципу, располагая слова в порядке русского алфавита» [Попова 2014: 296–297].

П. Е. Скачков в «Очерках» упоминает три словаря, обнаруженные в Библиотеке Ленинградского университета, один из них – «Тонический китайско-русский словарь» в 9 томах [Скачков 1977: 93]: «очевидно, это и есть тот большой словарь, над составлением которого Бичурин трудился в Пекине». Таким образом, можно сказать, что одни только лексикографические труды о. Иакинфа требуют отдельного филологического исследования. Какие китайские источники были взяты в основу и почему? Какие принципы положены в структуру словарей и как они эволюционировали? Каким образом Бичурин пытался выйти из сложившейся к тому времени в отечественной синологии традиции составления лексиконов? Освящение этих и многих других аспектов рукописного словарного наследия нашего синоведа обогатило бы наши представления о научных связях, исследовательских приоритетах и в целом об истории лексикографии этого периода. Оставляя на будущее комплексный анализ словарей авторства о. Иакинфа, попробуем взглянуть на эти вопросы с неожиданной стороны: не глазами Бичурина-составителя, а глазами Бичурина-комментатора. Речь пойдет об одной малоизвестной, но очень содержательной рукописи – о переводе и комментариях к книге (фонетическому сло-

³ АВ ИВР РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 36 (10 л.).

⁴ Там же. Ед. хр. 30 (424 л.).

⁵ Там же. Ед. хр. 22–23 (1797 л.).

варю) французского синолога итальянского происхождения Дж.-М. Каллери *Systema Phonicum Scripturae Sinicae* (Макао, 1841 г.)⁶. Благодаря развернутому разбору основных теоретических положений и структуры этой работы о. Иакинфом выявляется и собственная его позиция по отбору критериев при составлении китайского словаря и связанных с этим различных вопросов лингвистического свойства. Впрочем, подробнее об этом – в следующей главе...

Спустя несколько лет после кончины Бичурина В. П. Васильев – представитель следующего поколения казанских синологов – в примечании к вводной части «Графической системы» напишет: «Впрочем, говоря о лексическом совершенстве, мы должны заметить, что лексикон такой, какого требует состояние настоящей филологии, никак не может быть составлен прежде, чем будут разобраны основы китайского языка» [1867, с. XV]. Посмотрим внимательнее, как обстояло дело с разбором основ китайского языка в первой половине XIX столетия. Действительно, прежде чем приступить к составлению словаря, желательно составить наиболее полное представление о слове как таковом. Поэтому в следующем разделе поговорим о тех областях языковой теории, где параметры слова – его структура и его функциональные свойства – проявляются наиболее очевидно, то есть о морфологии и синтаксисе китайского языка в представлении о. Иакинфа.

Для начала процитируем его самого:

«В китайском языке собственно нет слов; и то, что мы в оном называем словами, суть звуки, которые, будучи произносимы без связи с предшествовавшей речью или с другими звуками, не представляют определенных понятий; потому что каждому звуку усвоено множество различных понятий» [Бичурин 1835: Ч. 1. Гл. 1: 2].

Так как же вести разговор о параметрах слова в представлении о. Иакинфа, если им отрицается сам факт наличия слов в китайском языке? Расширим контекст и допустим более гибкую интерпретацию, поскольку очевидно, что пытаться оценить уровень изысканий в области китайской морфологии и синтак-

⁶ НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 847. Л. 1–95.

сиса – довольно условная задача, поскольку речь идет о периоде, когда морфология и синтаксис как таковые еще не были выделены в самостоятельные области в системе языкового анализа⁷.

Вопросам китайской морфологии и синтаксиса (грамматического устройства языка, выделения в нем грамматических категорий, частей речи, проблеме факультативности грамматических показателей и проч.) посвящено колоссальное количество исследований, как в России, так и за рубежом – на Западе, в Японии, в самом Китае. В своей обширной обзорной статье о синологических словарях и справочниках Б. Л. Рифтин писал: «Работ по китайскому языку несметное количество, и нет возможности описать их. Можно порекомендовать воспользоваться двухтомной “Библиографией по китайскому языкознанию” (М., 1991–1993), включающей работы на русском, западных, китайском и японском языках. Следует также обратиться к тому “Литература. Язык. Письменность” энциклопедии “Духовная культура Китая” (М., 2008), в котором дана библиография русских работ по китайскому языкознанию по 2007 г. Из японских справочников следует назвать “Библиографию трудов по китайскому языкознанию” 中国语学文献目录. 1945.8–1957.7. 东京: 中国语学会, 1957. Как видно из заглавия, библиография включает только работы, опубликованные за 12 лет. Это книги и статьи по исторической фонетике, иероглифике, грамматике, вопросам преподавания китайского языка, а также описание словарей и индексов, изданных в Японии» [Рифтин 2013: 349]. Очевидно, что даже приблизительная историография языковедческих исследований в синологии способна быть

⁷ По наблюдению В. М. Алпатова в соответствующем разделе «Истории лингвистических учений»: «Большинство традиций, кроме китайской, связаны с языками, имеющими богатую морфологию. Сама морфология могла пониматься по-разному, но всегда требовала подробной фиксации. Поэтому центральное место грамматики, прежде всего морфологии, в самых разных традициях закономерно. Именно поэтому в Европе термин “грамматика” поначалу означал изучение языка вообще, а позднее приобрел современное значение. (...) Принципиально иное положение в Китае. Здесь не было необходимости выделять грамматику в особую дисциплину и создавать особый вид описания. В китайском языке нет словоизменения и грамматической аффиксации, а грамматические исследования помимо синтаксиса сводятся к изучению служебных (“пустых”) слов. Как уже упоминалось выше, такие элементы изучались в Китае в рамках лексикографии и составлялись их особые словари» [Алпатов 2005: 28].

отдельной монографией⁸. Пытаться охватить спектр окололингвистической проблематики в работах синологов XIX в. – также задача для отдельного масштабного исследования. Тем не менее разговор о научном лингвистическом вкладе о. Иакинфа должен быть продолжен, и в этом разговоре нельзя обойтись без анализа теоретических воззрений нашего сиолога на грамматическое устройство китайского языка.

Для языковедов начала XIX в. характерна сосредоточенность на материале какого-либо конкретного языка или нескольких языков как объектов практического применения авторской методологии исследования. Многие выдающиеся лингвисты своего времени – современники Бичурина (Расмус Раск (1787–1832), Якоб Гримм (1785–1863), Александр Христофорович Востоков (Остенек) (1781–1864), Франц Бопп (1791–1867) – были не только философами-энциклопедистами, в круг интересов которых входили *a priori* и языковые проблемы, но были в первую очередь теоретиками-полиглитами, пытавшимися формировать собственно языковую теорию. Таким образом, есть все основания полагать, что именно в первой половине XIX столетия происходил переход от описательной универсальной (или рациональной) грамматики в духе Пор-Рояля к грамматике сравнительно-историче-

⁸ Так, в открытом доступе можно ознакомиться с внушительной, но все же не исчерпывающей библиографией В. Вана к недавно опубликованной им книге *Linguistics in East Asia and South East Asia* (Wang, W. S.-Y. *Bibliography of chinese linguistics. Linguistics in East Asia and South East Asia*, edited by Chao Yuen Ren, Richard B. Noss and Joseph. K. Yamagiwa, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2019. P. 188–500. <https://doi.org/10.1515/9783110814637-009>). В онлайн-библиотеках можно ознакомиться с изданием: Sybesma R., Behr W., Gu Y., Handel Z., Huang C. J., Myers J., Liversedge S. P., Tian J., Zang C., Cui L., & Bai X. (Eds.). (n. d.). 2016. *Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics*. Leiden, The Netherlands: Brill. Retrieved Jun 23, 2022. <https://brill.com/view/db/eclo>. Отечественное научное наследие хранит двухтомную монографию С. Б. Янкивер и В. М., Н. В. Солнцева «Библиография по китайскому языкознанию» (АН СССР, Ин-т востоковедения, Ин-т языкознания; сост. С. Б. Янкивер [и др.]. М.: Наука, 1991–1993. Кн. 1, 2. 588 с.). В сжатом виде история синологического языкознания представлена в замечательной книге: О. И. Завьялова. *Большой мир китайского языка* / О. И. Завьялова; Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 2010. 287 с.). По охвату проблематики и степени логического обобщения выделяется вклад проф. К. Харбсмайера в проект Дж. Нидхэма “Science and Civilization in China” в виде тома “Language and Logic” (Needham J., Harbsmeier Ch. *Language and Logic in Traditional China* // Science and Civilisation in China. Vol. 7. The Social Background. Part I. Cambridge, 1998).

ской. Началось долгое и кропотливое строительство сравнительной фонетики и сравнительной грамматики индоевропейских языков. Кроме того, были разработаны и заложены первые теоретические опоры для будущего перехода от чистой морфемики к грамматической семантике.

Безусловно, в разговоре о теоретическом фундаменте языкознания первой половины XIX столетия невозможно оставить в тени мощную фигуру Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835), синтезировавшего в своих трудах философский и общетеоретический подходы к языку. Об этом и о связи теоретических постулатов Гумбольдта о китайском языке с находками о. Иакинфа (Бичурина) поразмышляем особо чуть ниже.

Отец Иакинф оказался ярким и самобытным участником описанных процессов. Он стал автором не только первой российской «Китайской грамматики» (1835), но и ряда специализированных статей, рецензий и комментариев языковедной тематики. Кроме того, он неоднократно включал разделы о китайском языке в различные свои труды по истории, географии, этнографии или социальному устройству Китая, Тибета, Монголии. В настоящей главе будут рассмотрены теоретические воззрения нашего синолога на внутреннее устройство и особенности системы китайского языка и выработанные им принципы описания этих особенностей.

«Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом» по праву считается средоточием теоретического осмысления языкового материала⁹. Примечательно, что эта грамматика написана автором в соответствии с традиционной концепцией и структурой описательных грамматик предшественников. Ряд исследователей отмечают ее прямую связь с текстами Премара, Гонсалвиша, Абель-Ремюзы [Di Toro 2019; Liu 2010; Leopardi 2021]. В то же время русскую китайскую грамматику отличает одно немаловажное обстоятельство: практически все грамматики, с которыми удалось ознакомиться Бичурину, принадлежали к классу так называемых «миссионерских грамматик» (*missionary grammars*), написанных

⁹ Здесь и далее исследование ведется с опорой на текст «Китайской грамматики» в литографии Гемильяна 1835 г. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=sShHAAAACAAJ&pg=GBS.PP4&hl=ru> [ограниченный доступ].

членами духовных миссий в целях подготовки будущих проповедников со знанием местного наречия. Это определение для текстов такого рода впервые предложила С. Брайтенбах – известная исследовательница истории миссионерской лингвистики в странах Азии. В своем предисловии к изданию грамматики Ф. Варо [см. Varo 1703] она подробно описала ключевые параметры создания западными миссионерами грамматик для восточных языков, особо отмечая тенденцию экстраполяции модели латинской грамматики на материал языков Восточной и Юго-Восточной Азии.

Позже Х. Чаппел и А. Пэйро в своей статье для журнала *Language and History* (2014) развили основные положения теории миссионерской лингвистики, подробно исследовав все основные грамматики, написанные для китайского языка в рамках работы не только западных миссий, но и светских школ. Приведем их в том порядке, в котором их в свое время привел и о. Иакинф в предисловии к своей китайской грамматике: *Arte de la lengua mandarina* Франсиско Варо (F. Varo, 1703), *Museum Sinicum* Т. З. Байера (G. S. Bayer, 1730), *Linguae Sinarum Mandarinicae hieroglyphicae grammatica duplex Latine et cum characteribus Sinensium* 中國官話 Этьена Фурмона (E. Fourmont, 1742); *Notitia linguae Sinicae* Жозефа Премара (J. Prémare, 1831); *Clavis Sinica* Жошуа Маршмана (J. Marshman, 1814); *A Grammar of the Chinese Language* 通用漢言之法 Роберта Мориссона (R. Morrison, 1815); *Eléments de la grammaire chinoise* 漢文啓蒙 Абель-Ремюза (J.-P. Abel-Rémusat, 1833); *Arte China constante de alfabeto e grammatica comprehendendo modelos des diferentes composicoens* 漢字文法 Альфонса Гонсалвиша (A. Gonçalves, 1829)¹⁰.

Для нас важно попытаться определить, в какой степени о. Иакинф был связан с традициями миссионерских грамматик, что послужило концептуальным стержнем его представлений об устройстве китайского языка и методики описания этого устройства.

¹⁰ Здесь и далее португальская фамилия Gonçalves передана в соответствии с современной нормой произношения – Гонсалвиш. Однако этот вариант отличается от транскрипции, которую применял Бичурин, поэтому далее во всех цитатах мы сохраним бичуринское написание фамилии этого португальского автора – Гонзалвес.

В поисках ответа на эти вопросы обратимся к прагматическим целям создания русской китайской грамматики. Мы увидим, что грамматика, созданная бывшим главой 9-й Духовной Миссии в Пекине (1807–1821), предназначалась в действительности аудитории, которая практически ничем не была связана с миссионерской деятельностью, – это пособие было задумано для обучения китайскому языку будущих переводчиков для торговых дел в Кяхте, на границе России и Китая [Скачков 1977: 108–115; Liu 2004: 302–317; Дацышен 2011: 54–60; Попова and Tokyo 2017: 27; Di Toro 2019: 58–59]. В силу этого лексический акцент бичуринской грамматики сделан на словах и расхожих фразах из сферы торговли¹¹. Таким образом, изначально подход о. Иакинфа к этому тексту не был отягощен прозелитическими задачами, что являлось бы неотъемлемой сутью любой собственно миссионерской грамматики. Дидактический посыл «Китайской грамматики» коренным образом отличается от аналогичных миссионерских программных текстов отсутствием у него важного параметра – так называемого «эзотерического вовлечения», “esoteric implication” [Breitenbach 2008: 25], и это свойство распространяется и на все последующие заметки о. Иакинфа о китайском языке. Это «отмежевание» русской китайской грамматики от аналогичных текстов, созданных в миссионерской среде, особенно важно иметь в виду при попытках так или иначе включить работу о. Иакинфа в общий список китайских грамматик на иностранных языках – эта работа, безусловно, является частью исторического процесса разработки языковой теории и должна быть отнесена к классическим светским учебным пособиям по иностранному языку.

В свое время целый ряд лингвистов (Ю. Рождественский, Ruomei Liu 留若梅, A. Di Toro, автор этой книги и, в особенности, A. Leopardi) так или иначе касались вопроса о связях между

¹¹ В рабочей записке Бичурина перед поездкой в Кяхту с Шиллингом в 1830 г. говорится: «1. Нужно составить пространную грамматику языка китайского, что удобнее могу сделать в Кяхте, получая нужные по сему предмету сведения от китайцев лично» (АВПР, ф. СПб. Главный архив. IV-6, 1830–1836 гг. Д. 1. Л. 20). Как видим, наш синолог при составлении грамматики работал с носителями языка. Такая возможность была доступна далеко не всем авторам китайских грамматик в то время – параметр, который важно иметь в виду при анализе текстов этого рода.

русской китайской грамматикой и западноевропейской практикой описания восточных языков. Несмотря на различия во взглядах этих авторов на некоторые аспекты, все они сходятся во мнении, что «Китайскую грамматику» о. Иакинфа следует считать уникальным образцом синтеза европейской и китайской филологических традиций, а реализованный в «Грамматике» общий подход к китайскому языку и ряд озвученных о. Иакинфом идей свидетельствуют о выходе на новый виток в осмыслении вопросов лингвистического плана [Liu 2010: 8; Di Toro 2019: 73; Leopardi 2019: 80–82]. По мнению А. Ди Торо, «Китайская грамматика» стала очередным шагом на пути интеграции китайских и европейских грамматических представлений, а раздел «О размещении пустых букв» является абсолютно новым словом в истории европейских китайских грамматик, поскольку изложение этой темы впервые дано в нем в полном соответствии с собственно китайской традицией [Di Toro 2019: 73].

Анализируя китайскую филологическую традицию, большинство европейских исследователей сходятся во мнении, что грамматические описания в традиционной китайской филологии имеют периферийное значение и выполняют сопроводительную роль по отношению к заметно более развитой в теоретическом плане лексикографии и фонологии [Harbsmeier 1998: 85; Chappel & Peyraube 2014: 131; Алпатов 2005: 28]. Эту тему в свое время подробно исследовал блестящий специалист – профессор Кристоф Харбсмайер (Christoph Harbsmeier, University of Oslo). Наблюдения Харбсмайера ценны не только в силу невероятной эрудиции и философского осмысления, которое обнаруживают его тексты и лекции, но и благодаря множеству ссылок на китайские источники, как классические, так и современные. Он, в частности, писал:

«То, что соотносится в восприятии китайцев с европейской грамматикой, является, по сути, частью науки об иероглифах, которую мы подробно обсуждали в разделе о лексикографии. Насколько далеко возможно проследить существование грамматики в традиционном Китае, она существовала в виде объяснительных глосс к грамматическим частицам и –

позже – в виде словарей грамматических частиц. Грамматика как специальное, систематическое, не-лексикографическое направление оформилась поздно» [Харбсмайер 1998: 86].

Таким образом, европейские авторы китайских грамматик имели дело с заведомо неравновесными системами, и приведение их к общему теоретическому «знаменателю» вряд ли могло быть выполнимо. В свое время Ю. В. Рождественский, разбирая в книге «Понятие формы слова в истории грамматики китайского языка: Очерки по истории китаеведения» работы бичуринских предшественников и современников, отметил:

«Считая слова китайского языка не имеющими формы, аморфными, авторы универсальных грамматик видели, что китайский язык вполне способен передать любую мысль, любое грамматическое значение, которые могут быть выражены на западных языках». При этом «Большинство рассматриваемых грамматик, исходя из установок универсальной грамматики, фактически переводили значение отдельных грамматических форм на китайский язык и этому переводу присваивали названия грамматических категорий. На это указывал и Бичурин. Однако проблема сохранялась еще довольно долго. Так, Жульен (*Syntax nouvelle*... 1849, с. 12) выделил в китайском 8 падежей». Однако «...универсальные грамматики этого направления не могли ответить на вопрос, что является первичным: формирует ли грамматические свойства слова лингвистическое окружение или определенные грамматические свойства уже присущи слову и лишь реализуются в определенном контексте» [Рождественский 1958: 9–15].

Действительно, критически разбирая работы предшественников, о. Иакинф отмечал устойчивую, но практически неэффективную тенденцию толковать правила китайского языка следуя механизму европейских грамматик на латинской основе. Вместе с тем, он особо выделил труд *Notitia Linguae Sinicae* Жозефа Премара (J. H. M. de Prémare, 1666–1736), который «много занимался Китайским языком в самом Китае, совершенно постиг свойства сего языка, и с большою точностию показал оные в своей Грамматике, не при-

вязываясь к грамматическому порядку Европейских языков, как не имеющих никакого сходства с Китайским языком» [Бичурин, 1908: IX], а также грамматику Ж.-П. Абель Ремюзы [Abel-Rémusat, 1822], структуру которой во многом позаимствовал.

По наблюдению А. Ди Торо, поворотной точкой в направлении к исконной китайской традиции послужила книга Премара, “с последующим развитием этих идей Бичуриным. Наиболее примечательно в работах обоих этих авторов то, что они адаптировали структуру своих грамматик к новым трактовкам, почерпнутым ими из китайских лингвистических работ” [Di Toro 2019: 68 – пер. К. К.]. Так, у Премара читаем:

«Мне, конечно же, известно, что люди, которые сочиняют грамматики, по обыкновению разделяют частицы на классы и типы, такие как соединительные, разделительные, противительные, уменьшительные и т. п., но следовать им было бы бессмысленно. Меньше всего желаю я применять правила наших языков к языку китайскому. Напротив, я хочу, чтобы миссионеры освободили свою грамматическую мысль, отделили ее от своих родных языков и облекли эту обнаженную мысль в китайские одежды.

Так что прощайте, Despauterus и Alvarus, наши латинские грамматики! Я стану объяснять китайские частицы одну за другой в восемнадцати разделах» [Prémare 1831: 153]

Вообще отход от превалирующей латинской модели в разработке грамматик можно считать идейным течением уже в первой половине XVIII столетия, к которой и относится текст Премара, – подобное стремление можно видеть и в «Российской грамматике» (1755) М. Ломоносова: “Beaucoup commettent l’erreur, en composant de grammaires, de les ramener de force aux autres langues” [Многие совершают ошибку при составлении грамматик, принудительно сводя их к переводу с других языков]¹².

Так как же ушел от необходимости выделять падежи отец Иакинф? Отмечая новаторство идей в работе Бичурина, первое,

¹² Цит. по: Di Toro A. The Kitajskaja Grammatika (1835) and Bičurin’s ideas on the ‘mechanism’ of Chinese between European and Chinese grammatical traditions // *Histoire Epistémologie Langage*. 2019. 41:1.57–77. doi: <https://doi.org/10.1051/hel/2019002>

о чем мы будем говорить – это *теория умственного словоизменения*, которая по праву занимает центральное место во всей грамматической системе, разработанной русским синологом. На особую значимость этой теории указывал Ю. В. Рождественский:

«Среди универсальных грамматик китайского языка была одна грамматика, которая в значительной мере избежала недостатков, связанных с методом определения грамматических категорий китайского языка универсальными грамматиками. Это – “Китайская грамматика” выдающегося русского китаевода Н. Я. Бичурина. Бичурин сознавал, что универсальная грамматика на Западе при изучении грамматических категорий объективно учитывает также и грамматическую форму, и поэтому пытался согласовать установки универсальной грамматики с особенностями форм китайского языка. Н. Я. Бичурин выдвинул теорию умственного словоизменения в китайском языке, в которой пытался согласовать понятия универсальной грамматики с грамматическими особенностями китайского слова (...) Теория умственного словоизменения позволяла Н. Я. Бичурину не искать непременно в китайском языке категорий, подобных европейским языкам. Так, Бичурин отверг падежи для китайского языка» [Рождественский 1958: 34–35].

Об этом пишет и итальянский исследователь бичуринской грамматики А. Леопарди: «простота и линейность, свойственные китайскому языку, будь то хорошо или плохо, предполагали применение иной парадигмы, в меньшей степени внимательной к факультативным морфологическим вариациям и в большей степени акцентирующей синтаксис и использование регистров» [Leopardi 2019: 41]. Ключ к решению этой дилеммы сумел подобрать Бичурин, предложив концепцию умственного словоизменения.

Впервые мысль об умственных изменениях была сформулирована о. Иакинфом в «Китайской грамматике»:

«Китайский язык вместо словоизменения в окончаниях по склонениям и спряжениям, по родам и числам имеет изменение умственное, не подходящее под правила грамматик всех прочих языков, и сим только умственным изменением отте-

няются в нем качество, действие, состояние, взаимное отношение предметов и связь суждений».

Там же: «умственное изменение китайских слов состоит в изменении самого смысла их так, что соответствует переменах в окончаниях, введенным в прочих языках для означения качеств действия, состояния, взаимного отношения предметов и связи между суждениями» [Бичурин 1835, II: 57].

Стараясь, таким образом, избежать излишне навязчивых грамматико-категориальных ассоциаций, Бичурин создает свою оригинальную теорию, к которой будет неоднократно возвращаться в последующих работах. Так, спустя несколько лет о. Иакинф снова повторит эти мысли в книге «Китай. Его жители, нравы, обычаи и просвещение»:

«Китайский язык совершенно отличен от всех известных и древних и новейших языков, и отличен изумляющею странностию в том, что нет в нем ни словопроизводства от корней, ни изменения слов по окончаниям; даже, если можно так сказать, нет в нем и слов, а китайцы говорят звуками, которые без связи с другими звуками не могут представлять определительных понятий; потому что число всех звуков не простирается выше 446, и каждый из них заключает в себе множество различных понятий; а если случится выразить что-нибудь одним звуком не в связи с другими звуками, то нужно бывает присовокуплять к оному другой звук, составляющий с ним известное выражение, или сказать условный знак (букву) произнесенного звука. <...> Столь странные свойства и языка и письма китайского представляют иностранцу их изучение очень трудным: но сия трудность скоро и легко уравнивается при внимательном рассматривании состава их.

В китайском языке есть умственное изменение, которое оттеняет в нем качества, действие, состояние, взаимное отношение предметов и связь суждений и таким образом вполне заменяет употребляемое для сего во всех других языках словоизменение в окончаниях по склонениям и спряжениям, по родам и числам. Умственное изменение в китайских звуках заключается в изменении самого смысла их и есть двоякое: словопроизводное, определяющее разряды слов, и грамматическое, которое показывает изменение в окончаниях сообразно сло-

восочинению того языка, на который делается переложение с китайского. Словопроизводное изменение состоит в том, что одно и то же слово принимает качества разных частей речи по одному отношению к месту, которое занимает оно в связи с прочими словами, составляющими речь. По правилам же грамматического изменения имена существительные и прилагательные умственно изменяются в окончаниях соответственно своему значению в речи и тем словам, с которыми они в связи; таким же образом и глаголы изменяются в окончании сообразно обстоятельствам речи. Вместе с китайскими звуками и таким же точно образом изменяются и условные знаки – неизменяемые в начертании» [Бичурин 1840: 1–3].

Дальнейшее развитие эта идея получила в вышедшей несколькими годами позже объемной работе «Статистическое описание китайской империи», где в разделе «Язык» автор писал:

«Китайский язык совершенно отличен от всех известных до ныне и мертвых и живых языков. Китайцы говорят не словами, а звуками, которых в их языке считается 446. Сии звуки не изменяются в окончаниях и сами по себе отдельно ничего не выражают, а между тем каждый звук принимает известные значения и качества частей речи, употреблением ему усвоенные в связи с другими звуками.

Вместо словоизменения в окончаниях, употребляемого более или менее в других языках, китайцы ввели изменение умственное, которое ясно оттеняет качества, действие, состояние и взаимное отношение предметов, и связь суждений. Сие умственное изменение состоит в изменении самого значения звуков, и вполне заменяет перемены в окончаниях, введенные в других языках для оттенка смысла речи. Оно так же, как и в прочих языках буквальное изменение, есть двойное: словопроизводное и грамматическое. В отношении к словопроизводному изменению один и тот же звук принимает качества разных частей речи по месту, которое занимает он в связи с другими звуками. В отношении к грамматическому изменению звуки, означающие имена, умственно изменяются в окончаниях соответственно своему значению в речи и тем звукам, с которыми они в связи поставлены; а глаголы таким же образом изменяются в окончаниях

соответственно обстоятельствам речи. Таков есть механизм китайского языка. С первого взгляда сколь он ни труден для нас по своим необыкновенным оборотам, но когда вникнем в состав его без малейшего предубеждения со стороны правил собственного языка, то он скоро становится в самом нашем понятии правильным, стройным, удобопонятным» [Бичурин, 2002: 1–2].

Размышляя о том, как и откуда могла проникнуть эта своеобразная теория в лингвистические рассуждения русского синолога, мы можем с уверенностью сказать, что Бичурин своевременно знакомился со всеми значимыми в этой области трудами своих предшественников и современников: через миссионерские контакты в Пекине он имел доступ к библиотекам отцов-иезуитов, впоследствии, уже в Петербурге, к нему на рецензию поступали многие синологические работы европейских авторов. Однако ни в одном из предшествующих текстов о природе и свойствах китайского языка нельзя напасть на след идей, сколько-нибудь близких бичуринской теории «умственных изменений».

Итальянская исследовательница этой темы Анна Ди Торо отмечает: «теория умственного словоизменения совершенно оригинальна и отражает глубинные механизмы китайского языка. Ее возможно соотнести с известным спором начала 19-го века о природе китайского языка. Один из значимых этапов этой дискуссии приходится на период 1821–1831 и находит свое отражение в переписке между Ж.-П. Абель-Ремюзой и В. фон Гумбольдтом» [Di Toro 2019: 71]. Так, важнейшее письмо Гумбольдта к Абель-Ремюзе в 1827 г. «и по сей день остается, вероятно, самым замечательным введением в философские и общелингвистические вопросы, поднятые китайским языком» [Harbsmeier 1998: 18]¹³

Научная доминанта Вильгельма фон Гумбольдта в теоретическом языкознании первой половины XIX столетия неоспорима. Любопытно обратиться к содержанию некоторых работ и писем

¹³ Это письмо, датированное 7 марта 1826 г., было опубликовано в 1827 г. См.: Humboldt W. von, Abel-Rémusat J.-P. Lettre à M. Abel-Rémusat sur la nature des formes grammaticales et sur le génie de la langue chinoise en particulier (1821–1831) (ed. by Rousseau & Thouard, 1999), Presses Universitaires du Septentrion.

немецкого философа-лингвиста и попытаться отыскать в них источники философского осмысления языкового устройства и возможные отправные идеи бичуринской концепции умственного словоизменения. Лучшим подспорьем в этом могут быть работы К. Харбсмайера (1979), Руссо и Туар (1999), Цзе-вань Квань 關子尹 (2001) и Венцель (2010), каждый из которых разбирает воззрения Гумбольдта на китайский язык и влияние, оказанное этими воззрениями на последующее развитие китайского языкознания.

В действительности Гумбольдт был первым лингвистом и философом, который всерьез задумался о подходящем месте для китайского языка среди языков мира. Конечно, до него уже были братья Шлегели и их типологическая классификация¹⁴, однако, как мы увидим, уровень философского осмысления Гумбольдтом языковой природы и процессов не знал precedентов. Кроме того, Гумбольдт первым из европейских языковедов включил антропологический фактор в систему изучения языков. Эта характерная черта его философии получила в дальнейшем развитие в трудах неогумбольдтианцев¹⁵.

Особенности мышления носителей китайского языка, отражение ментальных процессов в структуре речи, изоляция грамматических форм, «скудность» звуковых сочетаний и многие другие языковые особенности были в той или иной мере затронуты Гумбольдтом в его уникальной манере – сочетании лингвистического и философского осмысления [Humboldt 1827, 1836, 1883]. В письме к Абель-Ремюзе Гумбольдт размышляет об абстрактной сущности грамматических категорий и необязательном характере маркированности этих категорий в речи. Он, в числе прочего, полагает, что грамматические категории существуют “*dans l'esprit*” или

¹⁴ Август (1767–1845) и Фридрих (1772–1829) Шлегели – немецкие писатели, лингвисты и философы. Главные теоретики немецкого (йенского) романтизма. Авторы первой научной типологической классификации языков, согласно которой языки флективного строя объявлялись наиболее совершенными. Выделение языков «без грамматической структуры», позже названных аморфными или изолирующими, обозначило еще один параметр классификации – синтетизм/анализм. В дальнейшем В. фон Гумбольдт, опираясь на классификацию Шлегелей, выделил три класса языков: изолирующие, агглютинирующие и флективные. Об этом см., например, [Ramet 1987].

¹⁵ См., например: Даниленко В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. М., 2010. 216 с. ISBN 978–5–397–00479–4.

в уме говорящего. В поиске подходящего выражения грамматических категорий в китайском он обнаруживает следующее:

“...il est possible de parler et d’être compris, sans s’assujétir à marquer ou même à distinguer exactement les formes grammaticales des mots. Ces formes ne s’en trouvent pas moins **dans l’esprit de celui qui en use ainsi**; il n’en suit pas moins les lois, mais il exprime sa pensée, en se bornant a une application générale de ces lois” [Humboldt 1827: 6].

«...можно говорить и быть понятым без необходимости обозначать или хотя бы точно различать грамматические формы слов. Эти формы тем не менее существуют в уме того, кто использует их таким образом; говорящий, в любом случае, следует законам, но выражает свои мысли, ограничиваясь общим применением этих законов» [пер. К. К.]

“Car la grammaire, bien plus que toute autre partie de la langue, existe essentiellement dans l’esprit, auquel elle offre la manière de lier les mots pour exprimer et concevoir des idées... La véritable grammaire d’une langue s’y présente d’une manière reconnaissable, à des marques inhérentes aux mots, ou à des termes grammaticaux, ou à la position fixée d’après des lois constantes, ou enfin elle existe, sous-entendue dans l’esprit de ceux qui la parlent, mais se manifestant par la coupe et la tournure des phrases” [Humboldt 1827: 9–10].

«Ибо грамматика в большей степени, нежели какая-либо другая часть языка, существует, по сути, в уме, которому она предлагает способ связи слов для выражения и понимания идей... Истинная грамматика языка представляется уму узнаваемой – по маркерам, присущим словам, или по грамматическим терминам, или по порядку, зафиксированному постоянно действующими законами, или, наконец, она существует в сознании говорящих, но проявляется в сокращении и оборотах высказываний» [пер. К. К.].

В этом отрывке выдвинут тезис о возможности проявления грамматических форм *в уме* говорящего. И этот тезис немедленно переадресует нас к бичуринскому постулату об изменемости китайских грамматических форм *в уме*. Тем не менее само понятие сферы *ментального* у обоих авторов различно. Для Гумбольдта

движение ума (*esprit*) неизменно сопряжено с философским концептом *geistige Entwicklung* (в традиционном переводе «умственное развитие»), описывающим ментальные или духовные проявления в широком культурологическом контексте. Согласно этому подходу, Гумбольдт связывает отсутствие флексии в китайском с эволюционными механизмами и их стимулирующей ролью в развитии ментальности отдельного народа (в данном случае – китайского)¹⁶. Он выдвигает следующий любопытный тезис: значение в чистом виде, не будучи облачено в некую грамматическую форму, стимулирует языковое мышление к тому, чтобы реконструировать исходную семантическую структуру и таким образом развивает умственные способности (напр., [Rousseau & Thouard 1999: 166]):

“L'absence des formes grammaticales rappelle le parler des enfans, qui placent ordinairement les paroles sans les lier suffisamment entr'elles. On suppose une enfance aux nations, comme aux individus, et rien ne serait d'abord plus naturel que de dire que la langue chinoise s'est arrêtée à cette époque du développement général des langues” [Humboldt 1827: 70].

«Отсутствие грамматических форм напоминает речь детей, которые обычно расставляют слова, не связывая их между собой в достаточной мере. Мы предполагаем детство у народов, как и у отдельных людей, и нет ничего более естественного, чем сказать, что китайский язык задержался в этом периоде общего развития языков» [пер. К. К.].

Во «Введении» к гумбольдтовскому «О языке» в английском переводе П. Хита (P. Neath), Лозонский отмечает:

¹⁶ «Правда, тут же В. фон Гумбольдт вынужден констатировать, что в данную схему с трудом укладывается китайский язык, составляющий, по его мнению, “самый необычный пример”; другой сходный пример представлял и древнеегипетский язык. Оказывается, что “два самых необычных народа были в состоянии достигнуть высокой ступени интеллектуального развития, обладая языками совершенно или большей частью лишенными грамматических форм”. Однако В. фон Гумбольдт не склонен данные примеры считать опровержением своей точки зрения: “Там, где человеческий дух действует при сочетании благоприятных условий и счастливого напряжения своих сил, он в любом случае достигает цели, пусть даже пройдя к ней трудным и долгим путем. Трудности при этом не уменьшаются оттого, что духу приходится их преодолевать”. Все-таки к языкам, “обладающим истинным строем грамматических форм”, относятся, согласно В. фон Гумбольдту, санскрит, семитские языки и, наконец, классические языки Европы с греческим на вершине» [Алпатов 2005: 63].

“Humboldt believes that the quality of a language is a function of how well it contributes to the mental development of people, and a language that fuses ‘sound-from and inner-shaping’ the most contributes the most to mental development... The reason inflecting languages better support mental development than isolating languages is that they exhibit grammatical form with sounds while isolating languages ‘consign all *grammatical form*... to the *work of mind*’. This calls for ‘inner effort’ to compensate for what is missing in the language” [Losonsky 1999: XXI].

«Гумбольдт убежден, что качество языка – это производная от того, насколько хорошо этот язык способствует ментальному развитию народа, поэтому язык, который лучше всего сочетает “звуковую форму и внутреннее устройство”, более всего способствует ментальному развитию... Флективные языки более способствуют ментальному развитию, поскольку выражают грамматическую форму в звуках, в то время как изолирующие языки “помещают грамматическую форму в область ментального”. Это вызывает необходимость компенсировать то, чего не достает в языке за счет “внутренних усилий”» [пер. К. К.].

Для Бичурина концептуализация умственных изменений в китайском языке не выходит за рамки лингвистических рассуждений – для него это лишь теоретический инструмент описания грамматических проявлений в речи и в уме носителей. Более того, Бичурин не пытался использовать это понятие как некий теоретический аргумент для апологии эволюционной развитости грамматической системы китайского языка – он просто придумал этот термин, чтобы сделать свои рассуждения более понятными для учеников. В действительности «умственное словоизменение» было адресовано не профессиональной академической аудитории, но обычным читателям и ученикам, поскольку для них как для носителей русского языка – языка со сложной морфологией и развитой флексией – необходима была подходящая интерпретация языкового устройства, скрывавшегося за экзотическим фасадом китайской письменности. О. Иакинф, очевидно, не стремился придать своей идее об «умственном словоизменении» экстралингвистическую значимость и не претендовал на особый вклад в эволюцию языковой

теории. Перед ним стояли предельно практические задачи, и теория «умственного словоизменения» оформилась по ходу выполнения этих задач. Тем не менее Бичурину, бесспорно, принадлежит открытие и пионерская попытка теоретического обоснования необязательности флективной маркировки грамматических категорий в китайском, и это открытие не следует недооценивать.

Некоторое время тому назад Л. В. Кирюхина, исследуя «падежный вопрос» в китайском языке, уделила особое внимание первой собственно китайской грамматике Ма Цзяньчжуна («马氏文通» (Ма ши вэнь тун 'Грамматика господина Ма', 1898), в которой, опять же, были выделены падежи. Что примечательно, господин Ма «при определении падежей основывался на синтаксической функции слов. Падеж он назвал словом 次 *cì* и дал ему следующее определение: 凡名代诸字在句读中所序之位, 曰“次”. [Место, которое существительное или местоимение занимает в предложении или фразе, называется падежом]. <...> Все это дает основание считать, что китайский грамматист Ма Цзяньчжун (как позднее и американский ученый Филлмор) выделял падежи, основываясь на синтаксических отношениях между словами, не принимая во внимание словоизменение (поверхностную структуру)» [Кирюхина 2011: 75–76].

С «делом о падеже» связана и другая, одна из наиболее острых в китайском языкознании, проблема – проблема выделения частей речи. Явления 一词多累 *yī cí duō lèi* [одно слово – много разрядов], или конверсии, 词类活用 *cílèi huóyòng* [«подвижное» (свободное) функционирование частей речи], 移用 *yí yòng* передвинутое употребление, 转品转类 *zhuàn pǐn zhuàn lèi* [изменять объект – изменять разряд] (стилистический прием временного «перехода» слова в другой разряд), 假借 *jiǎjiè* «заимствование» или употребление слова в несвойственной для него функции – лишь часть явлений, сопряженных с проблемой выделяемости частеречных параметров [Ма Цзяньчжун 1898; Драгунов 1952; Коротков и др. 1961; Солнцев 1995; Го Жуй 2019 и др.]

Бичуринская концепция «умственных изменений» уже включала в себя понимание того, что отношения грамматической семантики и синтаксиса не всегда выражаются императивно в словоизменении по моделям аналитических языков. Кроме того, внешние

морфологические признаки – не единственное обязательное условие при определении принадлежности слова к тому или иному классу. Говоря о словопроизводном умственном изменении, русский синолог совершенно точно указал на возможность функциональных транспозиций (синтаксической и конверсионной), широко распространенных в китайском языке¹⁷. В первой главе второй части «Грамматики» он прекрасно показывает это на примере слова 善 *shàn* ‘добро’:

имя существительное: 至善 *zhìshàn* ‘высочайшее добро’

имя прилагательное: 善心 *shàn xīn* ‘доброе сердце’

глагол: 善之 *shàn zhī* ‘добряк’ («потому что имя существительное или прилагательное в конце речи имеющее после себя дополнительное слово 之 *chī* получают силу глагола» [Бичурин 1835: 58].

наречие: 善馬射 *shàn mǎshè* ‘искусно стрелять из лука с лошади’, «потому что слова *ma-shi* конная стрельба из лука составляют неизменяемое выражение» [там же].

В 11-й Главе о существенных (знаменательных) словах о. Иакинф описывает механизм адаптации китайского синтаксического устройства к падежной структуре русского языка при переводе и формулирует следующее положение:

«179. Размещение существенных букв есть порядок, по которому они должны быть расположены в речи для выражения

¹⁷ См., например: *Коротков Н. Н.* Основные особенности морфологического строя китайского языка: грамматическая природа слова. М.: Наука, 1968. С. 397; *Горелов В. И.* Лексикология китайского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1984. С. 92–97; *Кирюхина Л. В.* Китайская грамматика Н. Я. Бичурина: ретроспективный взгляд. Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 81–83. В свое время Ю. В. Рождественский, анализируя эту проблему, отмечал, что во всех ранних («универсальных») грамматиках «основным признаком частеречной отнесенности было смысловое значение слова», а важным этапом в осмыслении этой проблемы стала разработка «правила позиции, под которым понимается лингвистическое окружение слова (как грамматический, так и смысловой контекст), конкретизирующее слово как в грамматическом, так и в смысловом отношении» [Рождественский 1958: 13]. Рождественский отметил, что «правило позиции было для своего времени открытием исключительной важности. Это правило фактически представляло собой попытку придать «неизменяемому, неспрягаемому и несклоняемому», по определению Жульена, китайскому слову грамматическую характеристику» и выделил три системы: 1) система Маршмана и большинства универсальных грамматик (включая Бичурина), 2) система Габеленца, 3) система Ма Цзянь-чжуна [там же: 12].

известной мысли; следовательно, в порядке существенных букв, как основе речи, заключается самое расположение мыслей или предложений.

180. В простом или повествовательном предложении, при глаголах действительном, среднем или другом каком либо, прежде поставляется или подразумевается именительный падеж, потом глагол, а за ним управляемое им, т. е. винительный или другой какой либо падеж.

186. Родительный падеж, управляемый существительным именем или прилагательным в сравнительной степени, полагается прежде оных.

187. Когда же родительный падеж управлется числительными словами, означающими количество, меру, вес и собрание чего, то полагается после своего управляющего».

[Бичурин 1835: 114–117].

О поисках автором грамматики «падежного компромисса» свидетельствует, например, Примечание на стр. 118:

«Употреблению падежей, особенно предложных, должно более учиться из упражнения [т.е. на практике – прим. К. К.], потому что в китайском языке много глаголов, заключающих в своем значении и предлоги, посредством которых в европейских языках глаголы требуют предложных падежей:

出門 чу-мынь *выхожу из дому*;

告人 гао-жинь *доношу на него*;

投河 тхоу-хэ *бросаться в реку*» [там же: 119].

Приведенные выше выдержки и формулировки из текста русской «Китайской грамматики» свидетельствуют не только об оригинальном лингвистическом мышлении автора, но и о том, что он сумел интуитивно приблизиться к пониманию природы семантико-синтаксических отношений и внутренней сущности изоляции синтаксических форм, которые позже, столетие спустя, будут описаны в терминах функционального синтаксиса, синтаксической семантики в частности и теории изолирующих языков в целом¹⁸.

¹⁸ О «несинтаксической морфологии» в изолирующих языках см.: Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков: В связи с общ. особенностями человеч. яз. М.: Вост. лит., 1995. С. 10.

Отец Иакинф сумел последовательно реализовать в тексте грамматики свое наблюдение о том, что отсутствие привычного словоизменения «в окончаниях по склонениям и спряжениям, по родам и числам» означает, в сущности, особую значимость контекста для реализации грамматических функций слов: для европейца грамматическая значимость высказывания может быть не столь очевидной или же не совпадать по семантическому объему с восприятием китайца.

Пожалуй, наиболее близкой по замыслу репликой этого наблюдения можно считать интересные рассуждения К. Харбсмайера в самом конце XX века. Приведу здесь несколько отрывков как иллюстрацию интеллектуальной дуги, которую преодолела лингвистическая мысль за эти полтора столетия. Опираясь на анализ литературных, культурологически значимых маркеров китайской философии, немецкий синолог интерпретирует особенности китайского языкового мышления согласно памятнику даосской мысли «Чжуанцзы»:

«Речь – не [просто] дыхание. Говорящий произносит слова, но то, о чем он говорит, совершенно неопределенно. Действительно ли существует речь? Или никогда не было речи? Считают ее иной, чем чириканье птенца, но отличается она от чириканья или не отличается?»¹⁹

«Мы видим в этих строках теоретическое обоснование неопределенности, присущей китайскому языку, – пишет Харбсмайер. – Слова полагаются не удерживающими адекватное отображение реальности, как это было для авторов, писавших на санскрите. Для даосов слова лишь указывают в направлении реальности, которой они в действительности не достигают. Это понимание природы языка, как мне видится, эндемично в китайской литературной культуре, даже если эта культура была по большей части конфуцианской. Она же проявляется и в абсолютно значимом, хотя

¹⁹ «Чжуанцзы» (2:23). Русский вариант дан в переводе Л. Д. Позднеевой [Мудрецы Китая 1994: 7]. Харбсмайер дает англ. перевод со ссылкой на [Graham 1964: 52]: “Saying is not blowing breath. Saying says something. The only trouble is that what it says is never quite fixed. Do we really say something? Or have we never said anything? If you think it different from the twitter of fledglings, is there proof of the distinction?”

и не слишком популярном, понятии “картина в картине” в китайском искусстве и в приеме “смысл вне слов” 言外之意 в китайской поэзии. Если мое видение китайской грамматики верно, то такой образ мышления мог повлиять и на грамматическую систему китайского языка в том числе» [Harbsmeier 1998: 49].

И далее, но уже с отсылкой к Конфуцию:

«Мне кажется, что особый *génie de la langue chinoise* составляет то, что он грамматически не навязывает и не институционализирует эксплицитность или семантическую полноту там, где она считается коммуникативно нефункциональной, учитывая знания целевой аудитории. С другой стороны, китайцы часто склонны считать эксплицитность ненужной там, где мы считаем ее интеллектуально важной или даже решающей, особенно в философских контекстах. (...) Китайские предложения, как правило, совершенно очевидно предназначены не для того, чтобы сделать сообщение *развернутым*, а только для того, чтобы *сообщить* тот смысл, который в них заложен. (...) Стилистический идеал классического китайского языка поощряет использование грамматических возможностей многоточия: идеал состоит в том, чтобы опустить все, что можно понять из контекста. Конфуций одновременно выражает и иллюстрирует этот идеал в следующем часто цитируемом высказывании:

辭達而已 *cí dá ér yì*

«Words (should) get (the point) across and that is all

[Слова должны доносить мысль, и только]».

Проблема в том, что того, что было достаточно, чтобы донести мысль до аудитории учеников Конфуция и, следовательно, соответствовать его идеалу, не всегда может быть достаточно, чтобы донести эту мысль до более поздних толкователей, таких как мы. Платоновский Сократ постоянно следил за тем, чтоб не оказаться непонятым (даже самим собой!) и старался избежать такой опасности за счет подчеркнутой эксплицитности высказываний и утверждений. (...) Конфуций, напротив, *мог бы* быть более эксплицитным, но он предпочел этого не делать, и его выбор был типичен для куль-

туры, к которой он принадлежал. Возникает вопрос, какое значение мы придаем этой имплицитной форме общения, типизированной Конфуцием и поощряемой системой китайской грамматики [Harbsmeier 1998: 145–146].

При всем глубоком уважении к автору этих строк, метафорическое соотношение некоторых образов китайской философии с природой китайской грамматики кажется мне наделенным избыточной эксплицитностью, как того и требует укоренившийся в каждом из нас, европейцев, платоновский Сократ. Например, цитата из «Джуанцзы», если вернуть ее в контекст соответствующего параграфа оригинала, адресует нас скорее к мысли о напрасности излишнего красноречия и частных суетных суждений, лишь затемняющих Путь, чем к мысли о зыбкости «адекватного отображения реальности»²⁰. Комментируя этот же отрывок, Л. Позднеева замечает: «Чжуанцзы признает возможность выразить речью все многообразие объективного мира, но отрицает роль красноречия, которое затемняет содержание» [Позднеева 1994: 7].

Выдвигая тезис об «имплицитной форме общения, типизированной Конфуцием и поощряемой системой китайской грамматики», Харбсмайер, безусловно, привел веские аргументы. Но мне хотелось бы проиллюстрировать этот тезис другим наблюдением:

«199. Как в китайском языке буквы от места принимают значение, относительные же местоимения имеют употребление весьма ограниченное, то для ясности и избежания двусмысленности в речи имена существительные и глаголы по большей части повторяются и во втором предложении, хотя бы сие по смыслу было непосредственно связано с первым, а без повторения нередко смысл речи потемняется или совершенно изменяется, напр.:

²⁰ «Насколько же скрыт путь, если [могли] появиться истина и ложь, насколько же темны речи, если [могли] появиться правда и неправда! Путь повсюду, где же его нет! Речь существует, чего же она не способна [выразить]? Путь затемняют ничтожные учения. Речь затемняют цветистые [выражения]. Поэтому и пошли споры между конфуцианцами и монетами: одни утверждают то, что другие отрицают, и отрицают то, что другие утверждают. Чтобы это понять, лучше всего утверждать то, что они отрицают, и отрицать то, что они утверждают» [Позднеева 1994: 7].

孟子前喪父後喪母

Мын-цзы цянь сан фу хоу сан му

«Мэн-цзы прежде лишился отца, потом лишился матери»

Ежели опустить второе слово «лишился», то китайский текст получит следующий смысл: «Мын-цзы прежде лишился отца и мачехи», потому что оставшиеся слова 後母, вместе поставленные, означают «мачеха» [Бичурин 1835: 124].

В этом параграфе автор «Грамматики» буквально отмечает обратное Харбсмайеру: китайский синтаксис избегает использования грамматических возможностей многоточия (в данном примере это, скорее, тире) – и показывает, как легко европейский язык мог бы обойтись без лишнего повтора, грамматически обязательного в китайском.

Впрочем, нарушая заветы Чжуанцзы, не станем отрицать красоту подобранных профессором концептуальных метафор. Иными словами, можно соглашаться с Харбсмайером или нет, но главная идея этих теоретических поисков останется очевидной: каркас грамматической системы любого из языков мира скрепляется сложнейшим раствором из множества компонентов, и ментальность носителей, особенности традиционной философии, разговорного и письменного стиля – лишь некоторые из них. Но даже этих факторов достаточно, чтобы осознать невозможность применения некоего единого виртуального шаблона для изложения грамматических основ различных языков. Принятие этой аксиомы, как мы увидели, было свойственно далеко не всем синологам XIX (равно как и XX) века.

В заключение скажем несколько слов о научной судьбе «Китайской грамматики», а именно о тех критических оценках, которые она получала с течением времени. Это важно потому, что все сказанное выше погрузило нас в определенный временной контекст, и намеренный выход за границы этого контекста позволит нам вынести по возможности беспристрастную оценку научной значимости бичуринского вклада.

Отзывы современников о. Иакинфа достаточно изучены в синологической литературе. Главным образом, это пространная рецензия Н. Полевого [Полевой 1838], в которой подробно изло-

жено содержание грамматики и дана ее критическая оценка в хвалебном тоне. Долгое время не имея опубликованных аналогов, «Грамматика» прочно закрепилась в учебных программах тех заведений, где преподавался китайский язык [Дацышен 2000; Скачков 1977; Хохлов 1978; Мясников, Попова 2002 и др.].

Интересно отметить, что наиболее близкими по времени создания работами о китайском языке были «Разные мысли и замечания» о. Феофилакта (Киселевского)²¹ и «Конспект для преподавания китайского языка» о. Даниила (Сивиллова) [Скачков 1975, 1977: 193–195; Дацышен 2000; Кожа 2018]. Оба этих текста были методическими инструментами, которые использовались авторами в их многолетней преподавательской деятельности в числе прочих подготовленных ими учебных пособий. Вот что писал о лингвистических наработках о. Даниила Н. Хохлов:

«Возглавив кафедру китайского языка, Даниил Сивиллов из-за отсутствия учебных пособий приступил к обучению студентов этому языку соответственно своей методе: слушателям 1-го курса он объяснял “ключи, или первообразные слова”, обучал написанию прописей через тонкую бумагу, разъяснял начальные грамматические правила и предлагал им вести “китайские разговоры” с переводом на русский язык. (...) 23 октября 1839 г. он сообщил о написании хрестоматии, составленной из произведений древнекитайской философии. Снабженная словарем его “китайская хрестоматия” была передана на рецензию наиболее авторитетному “хинезисту” – Н. Я. Бичурину, который в своем первом отзыве особенно упорно защищал свою далеко не безупречную транскрипцию китайских слов. Считаясь с мнением столь известного китаевода, М. Н. Мусин-Пушкин потребовал обязательного внесения в рукопись Даниила Сивиллова необходимых исправлений, без чего ее нельзя было издать за счет казны»²² [Хохлов 2014: 498].

²¹ *Феофилакт (Киселевский)*. Китайская грамматика и разные материалы по изучению китайского языка (1831–1840). РГБ. Ф. 273. К. 18. Ед. хр. 6, 915–05/94 (микрофильмы).

²² Хохлов также упоминает, что в 1834 г. Д. П. Сивиллов опубликовал в журнале «Отечественные записки» некоторые сведения о китайской грамматике. Эту ссылку не удалось уточнить, поскольку журнал был закрыт в 1831 г. и возобновлен в 1838 г.

Из этого отрывка можно было бы заключить, что хрестоматия не была издана из-за критической оценки Бичурина. Однако это не так. В своем отзыве Бичурин писал: «Внутренний состав китайского языка раскрыт в предисловии к сей книге настолько основательно и удовлетворительно, что сия часть хрестоматии заслуживает быть переданной Европе на всех общих европейских языках»²³. Но даже после внесенных поправок хрестоматия издана не была, и педагогический труд о. Даниила не мог быть положен в основу преподавания китайского языка будущих школ и кафедр в силу того, что оставался рукописным.

Что касается трудов по китайскому языку о. Феофилакта (Киселевского), о них мы также можем судить лишь по крупным сведениям, сохранившимся в рукописи. Например, в фондах РГБ есть возможность ознакомиться с «Китайской грамматикой и разными материалами по изучению китайского языка (1831–1840)» в виде микрофильмов. Это довольно объемная работа, не уступающая по своему содержанию любому иному пособию по изучению языка. В предыдущей главе я уже приводила несколько фрагментов из этой работы касательно слога китайского языка в представлении о. Феофилакта. Здесь же предлагаю вниманию читателя некоторые наблюдения о его грамматических свойствах. Изложение языковых фактов о. Феофилактом носит описательный характер, автор не стремится сводить частные грамматические явления к общим закономерностям, предлагая читателю/учащемуся следовать конкретным правилам и использовать те или иные языковые обороты как инструменты реализации конкретных коммуникативных задач. Например:

Параграф 24: «...но если прилагательное стоит после существительного, как то в вопросах, или без существительного, как то в ответах, или в качестве сказуемого или причастия, то придается к нему в простом и разговорном слогах вспомогательное слово *ди*. Сим же образом употребляют прилагательные, превращенные из существительных, напр.:

- Вам какое кольцо потребно?
- Цзинь ди (Золотое)».

²³ СПбФ АРАН. Ф.1. Оп. 2. 1840 г. № 5. П. 96.

Параграф 32: «Имена числительные порядочные (*чит. «порядковые»* – К. К.) делаются из имен числительных количественных через прибавление начертания *ди*, которое обыкновенно полагается перед числом».

Параграф 39: «Относительно местоимений *чжэ* (сей) и *на* (оний) надобно знать, что они в разговорном слоге принимают частицу множественного числа *мэнь* в двух смыслах, как то: *чжэмынь* значит “сим образом”, *чжэ гэ* (счетное слово) *мэнь* “эти”; *намынь* “таким образом”, *на гэ мэнь* “оние”. В некоторых случаях говорится *чжэ сие* “столько”, *на сие* “столько-то”»²⁴.

Несмотря на то, что сам автор много лет использовал свои наработки в преподавательской практике, широкого распространения этот текст не имел, поскольку, как и «Конспект» о. Даниила, не был издан.

Таким образом, «Китайская грамматика» Бичурина оказалась единственным «официальным» пособием к изучению основ китайского языка в русскоязычной учебной среде на многие и многие годы... Столетие спустя после ее выхода академик В. М. Алексеев, который в свое время анализировал развитие синологического языкознания в указанный период, отмечал плачевное положение дел в сфере учебных пособий: «основное руководство (для преподавателей и студентов) Н. Бичурина («Китайская грамматика») в литографированном издании 1832 г. было рекомендовано и изложено на лекциях мне еще в 1898 г., несмотря на то что эта грамматика не имела никакой связи с наукой, отстала от элементарных стандартов уже при своем появлении и никакого права на рекомендацию через 66 лет после своего появления не имела» [Алексеев 1982: 161]. Современный читатель не преминет согласиться с академиком Алексеевым, поскольку очевидно, что изучать какой-либо разговорный язык по пособию почти семидесятилетней давности мучительно и малоэффективно. Как если бы современному школьнику предложили изучать английский язык по ставшему классическим учебнику Н. А. Бонк первого издания²⁵.

²⁴ РГБ Ф. 273. К. 18. Ед. хр. 6 915-05/94.

²⁵ Бонк Н. А., Котий Г. А., Лукьянова Н. А. Учебник английского языка. М.: Внешторгиздат., 1961.

И все же учебник Бонк многократно перерабатывался, дополнялся и переиздавался, так что и автору настоящей монографии довелось изучать по нему английский язык с большим успехом. Очевидно, что «Китайская грамматика» Бичурина, будь она пересмыслена, переработана и дополнена последующими преподавателями китайского, вполне могла бы отвечать требованиям к учебному пособию для начального языкового курса. Однако в 1908 г. она была переиздана в издательстве Русской Духовной миссии в Пекине в практически неизменном виде, являя собой уже скорее литературный памятник, нежели актуальное пособие. Как видим, интерес к этому памятнику не только не угасает, но, напротив, привлекает все большее количество исследователей, в том числе зарубежных.

Глава 4

О ЗНАКЕ

Иероглифическая письменность китайского языка – его визитная карточка. Сложное строение иероглифики и обилие самих письменных знаков давно стало притчей во языцех. Недавно в русском языке родилось выражение «китайская грамота» – то есть некие запутанные письмена, которые мудрено понять. Любопытно, что в английском этому соответствует фраза “it’s all Greek to me” [как по мне, так это все какой-то греческий!]. Для всякого начинающего изучать китайский язык его письменность представляется особым препятствием, которое, подобно Великой китайской стене, нужно настойчиво штурмовать, чтобы проникнуть в заветные пределы Поднебесной¹.

У современного студента-китаиста определенно меньше поводов жаловаться на судьбу – к его услугам огромное число учебных пособий, россыпи тренировочных карточек для запоминания иероглифов, онлайн-словари любой тематики и т. п. Однако двести лет тому назад для нашего героя дела обстояли иначе. Овладеть китайской письменностью приходилось по ходу углубления в языковую среду, часто под руководством случайных наставников, без особой системы. В силу этих обстоятельств восприятие природы китайского письменного знака о. Иакинфом носило, как мы вскоре увидим, характер интуитивных интерпретаций, оформившихся позже (по мере знакомства с китайскими источниками) в устойчивую теорию, постулировавшую главенство смыслового компонента иероглифики и общую идеографическую (от *греч.*

¹ Подробнее об истории письменности можно прочесть, например, в разделе «Прошлое, настоящее и будущее китайской письменности» [Завьялова 2014: 163–200].

Идея – идея + γραφή – пишу) сущность китайской письменности. Однако уже в то время подобного рода постулат не был определяющим для целого ряда синологов и идея фонетической природы иероглифических письменностей не просто витала в воздухе, а была озвучена и получила определенное развитие [Кожа 2020]. Чем же ознаменовалась «встреча» о. Иакинфа Бичурина с представителями этого нового теоретического веяния? Об этом узнаем совсем скоро.

Осенью 1842 г. министру народного просвещения и президенту Императорской Академии наук графу С. С. Уварову (1786–1855) из Парижа был прислан экземпляр изданной в 1841 г. Макао книги французского синоведа итальянского происхождения Ж.-М. Каллери (1810–1862) *Systema Phoneticum Scripturae Sinicae*². Книга была передана автором в российскую Академию в надежде на содействие в издании задуманного им масштабного труда *Dictionnaire encyclopédique de la langue chinoise*³. Академия по традиции направила книгу на рассмотрение своему основному рецензенту-китаеведу – о. Иакинфу Бичурину. Отец Иакинф не только скрупулезно перевел отрывки текста оригинала с латинского языка на русский (перевод представляет собой своеобразный конспект объемного труда Каллери), но и представил развернутый научный анализ этой работы. Текст, подготовленный Бичуриным, остался в рукописи.

Вероятнее всего, этот труд изначально не предназначался к опубликованию как своего рода аналитическая записка в ответ на одно из текущих поручений Академии. Известны два экземп-

² РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 391 (1843 г.). Л. 3–39. Об этом см. также: Журнал Министерства народного просвещения. 1843 г. Октябрь. Отделение III. С. 18: «Поручено Г. Броссе – Г. Ж. М. Каллери (J. M. Callery) прислал Г. Президенту Академии экземпляр фонетической системы Китайского языка, изданной им в Китае в двух томах и уведомлял, что он намерен издать Энциклопедический Лексикон Китайского языка, просит содействия Г. Министра в этом предприятии. Положено просить Монаха Иакинфа рассмотреть труд Г. Каллери и представить отчет, после чего Г. Броссе предложит свое мнение».

³ Каллери опубликовал эссе-проспекты на французском (Париж, 1842) и на английском (Лондон, 1842) языках, в которых изложил свое видение устройства этого объемного и амбициозного издания. Последовала рецензия издательского дома Firmin Didot Freres в журнале *Chinese Repository*. 1842. Vol. XI. P. 300–308. Издание такой энциклопедии было признано нецелесообразным.

ляра этой работы – черновик, содержащий собственно переводы из книги Каллери с комментариями, многочисленными вставками и исправлениями (хранится в фонде Казанской духовной академии Национального архива Республики Татарстан в Казани)⁴ и чистовой вариант, содержащий только комментарии Бичурина (хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей в С.-Петербурге)⁵. Ранее оба варианта этого текста были кратко описаны А. А. Петровым в выпуске «Библиография Востока» за 1936 г.: «Голосовая система китайского языка и письма». 97 лл. без переплета и титульного листа. Хрон. кат. БКДА. № 1852. На первом листе приписка И. Бичурина: «Голосовая система с замечаниями, написанными мною для Академии Наук в 1842 году». А. Любимов называет эту рукопись: «Мнение о. Иакинфа о сочинении Каллери под заглавием *Systema phoneticum scripturae sinicae*». Сочинение полемического характера; изложение ведется параллельно – Бичурин сначала дает текст Каллери и затем, под тем же самым подзаголовком, излагает свои замечания и возражения. Авторство Бичурина бесспорно: так, в тексте есть ссылка: «в 1838 г. я перевел китайскую нумизматику с японского языка, вовсе не зная выговоров или слов сего языка...» (ср.: «Описание китайских монет». Переведено с японского монахом Иакинфом. СПб., 1838).

В архиве Института востоковедения Академии Наук СССР хранится другой экземпляр этой рукописи: «Изложение голосовой системы китайского языка» (Ind. Sect. III, 95 a), написанный тем же самым почерком (переписчика) с исправлениями И. Бичурина. Здесь, в отличие от казанской рукописи, дается изложение замечаний и возражений Бичурина, а переводов из книги Каллери нет. Это, по-видимому, беловой экземпляр, оставленный автором, при отсылке своих материалов в Казань, у себя» [Петров 1936: 10]⁶.

⁴ НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 847. Л. 1–95.

⁵ Изложение голосовой системы китайского письма. – Почерк – писарский, исправления – автограф. 1842 г. В лист. 43 л. Архив востоковедов ИРВ РАН.Ф. 7. № 35. Помета Н. Я. Бичурина: «Для хранения в азиатском музее».

⁶ Петров А. А. Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве АТССР и в библиотеке Казанского университета // Библиография Востока. Вып. 10. М. – Л., 1936. С. 139–155.

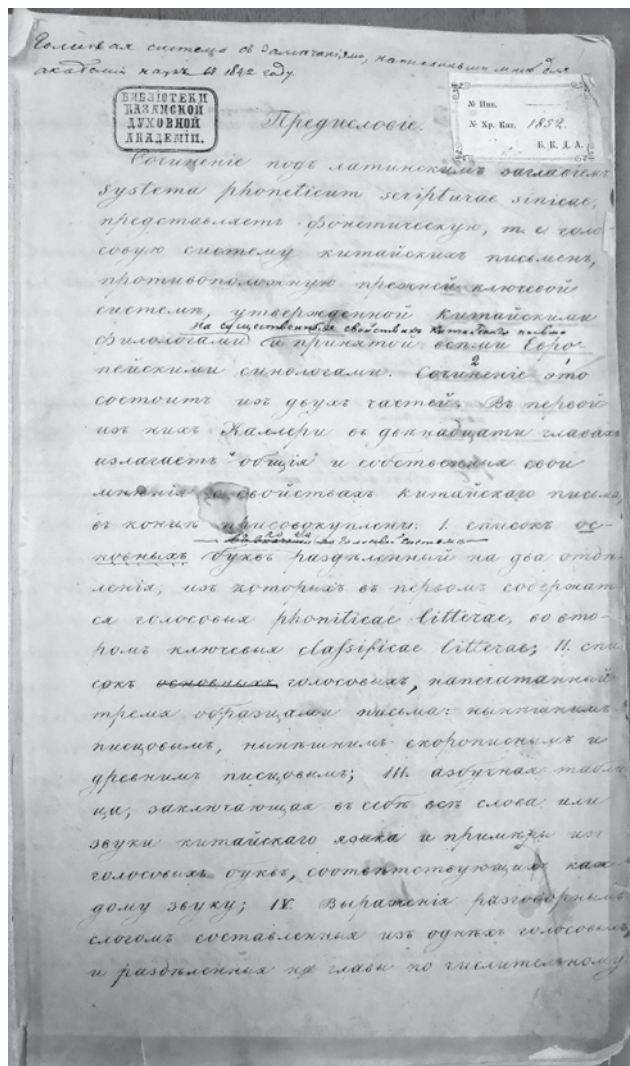
Рукопись оказалась в Казани в числе прочих книг и материалов бичуринской личной библиотеки, направленной им из Петербурга на хранение и в дар родной Духовной академии⁷.

В книге, которую вы держите в руках, речь пойдет о казанском экземпляре рукописи, поскольку именно этот вариант содержит выборочный перевод работы Каллери, ранее не публиковавшейся на русском языке. Кроме того, все правки, вставки, переносы и заметки на полях именно этого архивного документа-черновика, помогают живее представить ход мысли русского переводчика и комментатора. В научно-вспомогательном указателе трудов Бичурина, изданном Национальной библиотекой Чувашской республики в 2009 г.,⁸ упомянута только петербургская рукопись «Голосовой системы», и этот пробел необходимо восполнить – в Приложении впервые публикуется эта замечательная работа о. Иакинфа. Настоящее издание рукописи задумано с тем, чтобы профессиональные исследователи и просто любознательные читатели имели возможность обратиться к этому тексту как к оригинальной зарисовке процесса формирования европейской синологической теории в синхронном срезе первой половины XIX в.

Перевод и замечания к «Голосовой системе китайской письменности» – уникальный памятник отечественного синологического наследия, всестороннее изложение научных представлений о китайском языке той эпохи, изобилующее отсылками к китайским первоисточникам и свидетельствующее о глубоком понимании затронутых теоретических вопросов комментатором. Ценность, а точнее, бесценность этого текста – в критическом характере его содержания, открывающего для современного исследователя возможность сопоставить и проанализировать механизмы формирования двух синологических традиций – отечественной и западноевропейской.

⁷ Оригинал письма к ректору Казанской академии хранится в НАРТ (Ф. 10. Оп. 1. Д. 812. Л. 28–31об.). Впервые опубликовано в: *Бичурин (Иакинф) Н. Я.* Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991.

⁸ Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853): научно-вспомогательный указатель / Нац. Б-ка Чуваш. Респ.; сост.: Н. А. Епишина, В. В. Григорьева; науч. ред. П. В. Денисов. Чебоксары, 2009. 109 с.

Развернувшийся на страницах рукописи заочный диалог двух синологов – автора и комментатора – раскрывает такие многогранные темы, как генезис иероглифической письменности, внутреннее устройство и функции письменного знака, широкий спектр

фонетических вопросов (особенности фонетического устройства китайского языка, принципиальные различия письменного и разговорного вариантов, диалекты, трудности произношения и транскрибирования). Большой раздел работы посвящен критическому разбору всех основных китайских словарей, составленных китайскими и европейскими предшественниками, рассмотрены принципы организации словарей, даны рекомендации по изучению и преподаванию языка. Разработка терминологического аппарата, логика построения системы аргументации, решение общетеоретических вопросов – именно этому уделено основное внимание двух ученых. Оба автора предстают профессиональными, самобытными исследователями, являясь в значительной мере первопроходцами в области китайского языкознания⁹.

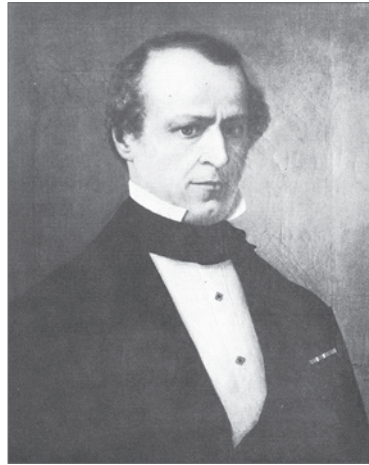
В предыдущих главах мы уже неоднократно отмечали особый научный вклад о. Иакинфа – обращение к китайским источникам. Он целенаправленно ввел в исследовательскую практику объемный китайский корпус научных текстов по истории, географии, литературе, лексикографии и др. Комментарии к «Голосовой системе» – характерный пример реализации этого подхода. Другая яркая черта авторского стиля – яркий, экспрессивный заряд текста комментария. Как мы знаем из многочисленных упоминаний современников, Бичурин был не только слишком увлечен китайской культурой, но и откровенно недолюбливал укоренившуюся практику принятия «западных» оценок того или иного явления китайского мира, вообще порицая приоритет европейских стандартов научного мышления в российской научной публицистике. Именно этим объясняется обилие в рукописи эмоциональных высказываний и колких замечаний в адрес европейских коллег. Бичурин готовил этот текст не для научных журналов, редакторы которых зачастую вынуждены были просить его сменить тон заме-

⁹ Кожа К. У истоков традиции критического лингвистического анализа. «Фонетическая система китайской письменности» Дж. Каллери в прочтении И. Бичурина (по рукописным материалам первой половины XIX в.) // Материалы II Съезда молодых востоковедов стран СНГ. Баку, 2014. С. 521–532; Кожа К. «Голосовая система китайской письменности» Ж.-М. Каллери, замечания к ней о. Иакинфа (Бичурина), критическая переоценка В. П. Васильевым: три грани одного вопроса // Вестник ИВ РАН. 2019. № 3 (9). С. 258–266.

чаний на более деликатный. На этот раз необходимо было профессиональное оценочное мнение о. Иакинфа, и сам текст мог быть написан в более свободной форме. Комментатор не упустил возможности в целом ряде случаев противопоставить данным европейских синологов многочисленные отсылки к корпусу китайской научной литературы.

Скажем несколько слов о самом первоисточнике – тексте Ж.-М. Каллери, в отношении которого в западной синологии на протяжении многих лет после публикации продолжали звучать мнения *pro et contra*.

Джузеппе Мария Каллери или Жозеф-Мари Каллери (Giuseppe Gaetano Pietro Massimo Maria Calleri или Joseph-Marie Callery, 1810–1862) – французский дипломат, синолог и натуралист итальянского происхождения, начавший карьеру в качестве священника-миссионера и окончивший ее в должности переводчика с китайского языка в Министерстве иностранных дел Франции¹⁰. По оценке итальянского биографа Д. Бертуччиоли, «Дж. Каллери принадлежал к тому типу

итальянцев, которые на рубеже XVIII-го – XIX-го веков колесили по свету в поисках возможностей, недоступных в то время в самой Италии»¹¹. *Systema Phoneticum...* явилась первой самостоятельной филологической работой Каллери, отмеченной специалистами и проторившей автору дорогу к дипломатической службе.

В основание этого труда положено представление, что фонетические компоненты в составе китайских иероглифов, будучи противопоставлены компонентам смысловым, могут служить стержнем нового подхода к устройству китайской письменности,

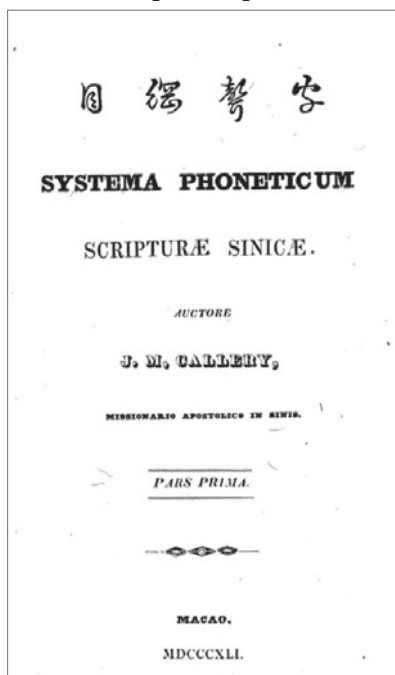
¹⁰ Bertuccioli G. Giuseppe Maria Calleri: un piemontese al servizio della Francia in Cina // Collana di biografie e saggi diretta da Oscar Botto. Torino, 1986. P. 5.

¹¹ Ibid. P. 19.

призванного снять иероглифические барьеры при усвоении этой письменности иностранцами.

Действительно, классическое строение китайского словаря основано на поиске значения иероглифов по смысловым индикаторам – ключам, вынесенным с этой целью в отдельную таблицу. Каллери же предложил альтернативную систему, где в основе таблицы для словарного поиска – фонетические компоненты иероглифов. Для удобства читателей Каллери снабдил свой словарь указателем, в котором соотнес список иероглифов постранично классической системой словарного расположения по порядку и количеству черт.

Systema Phoneticum... состоит из двух частей. Первый том содержит 12 теоретических глав, в которых пространно изложено и обосновано мнение автора о фонетической природе китайской письменности, раскрыт его подход к переустройству китайского словаря. Вторая часть содержит собственно словарь китай-

ского языка, скомпонованный по новому, разработанному и последовательно примененному автором фонетическому принципу: иероглифы собраны в одну словарную статью по признаку наличия в их составе общего фонетического элемента. Всего таких статей у Каллери оформилось 1040. При этом чтения знаков, оказавшихся в одной статье, зачастую действительно схожи или даже идентичны, но часто и во все расходятся.

В качестве инструмента изложения своей теории французский синолог избрал латинский язык, что сделало его работу доступной для мировой синологии и, в частности, для автора

русского перевода – о. Иакинфа. В то же время универсальность латинского языка заслонила один любопытный параметр текста – национальность автора. Комментарии Бичурина к главе IX содержат ремарку о том, что «в Европе нет ни одного языка, в котором письменные знаки были бы достаточны для точного изображения всех звуков голоса, сродных китайскому языку. Каллери преимущество в этом отдает языкам итальянскому и французскому, а особенно родному своему португальскому» (л. 54). Как видим, Бичурин был уверен, что автор рецензируемой им работы – португалец: действительно, *Systema Phoneticum...* была опубликована в Макао, бывшем в то время португальским торговым портом; кроме того, Каллери постоянно упоминает, что руководствовался работами своего учителя и друга – португальского миссионера Альфонсо Гонсалвиша. Другими указаниями на происхождение автора латинского текста Бичурин попросту не располагал.

В основу сочинения Дж. Каллери положена антитеза *идеографичность* – *фонетичность*, противопоставление гипотезы об идеографических письменных системах (*scripturas ideographicas*) фактам о системах фонетических (*scripturas phoneticas*) – в этом, по его мнению, заключено новаторство его работы. Автор стремился опровергнуть приписываемую китайской письменности отнесенность к идеографическим системам и доказать, что китайское письмо в своей сущности нацелено на передачу/запись звуков речи, как и всякая другая иероглифическая письменность.

К тому времени, о котором мы ведем повествование, В. фон Гумбольдт уже опубликовал свои основные работы о языке, овладев умами филологов по всему миру, а Ж.-Ф. Шампольон только что нашел ключ к расшифровке текста Розеттского камня, пронизав лингвистическую научную среду идеями о фонетической природе иероглифических письменностей¹². Не удивительно, что имена этих уче-

¹² Главный труд Ж.-Ф. Шампольона *Grammaire Égyptienne, ou Principes Généraux de l'écriture sacrée égyptienne appliqué à la représentation de la langue parlée* [Египетская грамматика, или Общие принципы священного письма египтян с представлением разговорной речи] был опубликован в 1830–1840 гг. уже после его смерти и произвел революцию в теории иероглифических письменностей. Отметим, что в англоязычном мире пионером в этой области принято считать Т. Юнга (1773–1829), вклад которого безусловно значим. «Ученые России не остались в стороне

ных появляются уже на первой странице предисловия книги Каллери, подсказывая источник идейного вдохновения автора. Еще одним таким идейным откликом, прозвучавшим в удаленной от Макао части света, явились труды замечательного американского ученого, президента Американского философского общества, Питера С. Дюпонсо (1760–1844), в ряде своих работ развившего мысль о невозможности существования письма, которое выражало бы значения в отрыве от звучания. Так, в 1838 г. Дюпонсо опубликовал свои изыскания в отношении китайской иероглифики, где утверждал, «что китайская система письменности не является, как это всегда полагалось, идеографической; что иероглифы не представляют идеи, но слова, и поэтому я назвал эту систему лексикографической. Идеографическое письмо – плод воображения и не может существовать кроме как для очень ограниченных целей, которые не дают ему права называться письмом» [DuPonseau 1838: XXXI – *пер. К. К.*].

Примечательно, что в том же 1838 г. британский натуралист и дипломат Джордж Лэй (1799–1845) опубликовал исследование под названием *A new analysis of the Chinese language* [Новый анализ китайского языка], в котором уделил особое внимание фонетическим элементам в составе китайских иероглифов и предложил свою систему распределения иероглифов по группам для удобства их запоминания. Не утаим от читателей и тот факт, что позже эта публикация Лэя стала поводом для обвинений Каллери в бессовестном плагиате. Впрочем, автор *Systema phoneticum...* счел нужным оправдаться на страницах следующих выпусков *Chinese Repository*, доказав, что вел активную работу над своей системой еще до публикации статьи Лэя¹³. Все перипетии этой истории – эле-

от вопроса, волновавшего весь культурный мир, однако их выступление было неудачным. Клапрот и И. А. Гулянов были противниками Шампольона. Конечно, долгое время вопрос о том, действительно ли удалась Шампольону дешифровка или нет, оставался открытым, и самое строгое критическое отношение к его результатам, строго научное *sub judice*, казалось оправданным, более того, необходимым. Но где-то была перейдена граница, до которой успех (разумеется, вместе с Шампольоном) еще был возможен для каждого. После же все труды Гульянова, Зейфарта, Улеманна – уже холостой ход науки» (См.: История отечественного востоковедения до середины XIX в. М.: Наука, 1990. Гл. 5., С. 230).

¹³ J.-M. Callery. Reply to G. T. Lay's strictures on his Phonetic System of Chinese Writing // *Chinese Repository*. 1843. Vol. XII. P. 371–379.

менты мозаики, отображающей судьбу отдельной лингвистической работы в тот короткий отрезок времени, о котором идет речь. Яркая деталь этой картины – комментарии о. Иакинфа (Бичурина) к работе Каллери.

К моменту написания рецензии на «Голосовую систему» Бичурин уже выпустил в свет «Китайскую грамматику», в которой детально представил свои взгляды на устройство китайского языка и письменности. В частности, в 3-й главе «О китайском письме» читаем:

«Китайцы не имеют букв для изображения звуков голоса, а письма их состоят из условных знаков, представляющих или предмет, или понятие. Условные знаки суть не что иное, как арифметические числа, которые понятны для разных народов. Японец, кореец, сиамец и тункинец, не зная языков друг друга, свободно разговаривают между собою на китайском письме» [Бичурин 1835: 6].

Любопытно, что подобную интернациональную экстраполяцию иероглифики отмечал и английский философ Ф. Бэкон (1561–1626) за два столетия до того:

“...it is the use of China, and the kingdoms of the High Levant, to write in Characters Real, which express neither letters nor words in gross, but Things or Notions; insomuch as countries and provinces, which understand not one another’s language, can nevertheless read one another’s writings, because the characters are accepted more generally than the languages do extend” [Bacon 1968: 399–400].

«...в обычае Китая и царств Высокого Леванта¹⁴ писать иероглифами, которые выражают не буквы, не слова в целом, но вещи и понятия [ср. «предмет или понятие» в тексте Бичурина – *прим. ред.*]; таким образом, страны и провинции, жители которых не понимают языка друг друга, могут тем не менее сообщаться письменно, поскольку иероглифы имеют более широкое распространение, чем сами эти языки» [Бэкон 1968: 399–400 – *пер. К. К.*].

¹⁴ High Levant – этим термином в XVI–XVII вв. обозначали страны Дальнего Востока.

Однако далее в примечании к 3-й главе «Грамматики» читаем: «простые знаки в составе сложных разделяются на побочные 子 *цзы* (сын) и коренные 母 *му* (мать). Первые показывают выговор сложного знака, а последние – род или качество означаемого им предмета» [Бичурин 1835: 6–7]. Значит, в состав иероглифа все-таки входят компоненты, указывающие на его произношение (= «выговор»)? В следующей главе отдельно описана категория «тоно-согласительных» (т. е., по сути, фонетических) письменных знаков. Как видим, автор русской «Китайской грамматики» осознавал, что иероглифика записывает звучащую речь, однако денотатом иероглифа является именно смысловое значение.

В фонде Бичурина Архива востоковедов ИВР РАН хранится один из ранних набросков будущей «Китайской грамматики», датированный 1821 г. (Кяхта), в котором можно найти любопытную попытку определения письма, не вошедшую в текст изданной позже грамматики:

«...письмо состоит из букв, которыми отдельно или в соединении одной с другою можно изобразить звуки голоса. Через соединение простых или сложных звуков составляют предложения, выражающие мысль. Такого рода есть письмо у всех известных ныне народов. Но китайцы употребляют для сего не буквы, а условные знаки, названные у нас иероглифами¹⁵, потому что каждый из них представляет собой понятие о какой-либо вещи умственной или физической, от которой и название заимствует»¹⁶.

В конечном тексте «Грамматики» 1835 года издания, в 8-й главе «О выговоре условных знаков» читаем следующее:

«Условные знаки суть знаменатели предметов чувственных, умственных и отвлеченных, то есть знаки понятий самых, а не звуков, составляющих слова: почему каждый знак выговаривается названием представляемого им предмета» [Бичурин 1835: 22].

¹⁵ Это одно из тех немногих мест, где Бичурин использует слово «иероглиф», от которого он, очевидно, намеренно отказался в более поздних работах.

¹⁶ ИВР РАН. Ф. 7. Д. 33. Л. 4–5.

Возвращаясь к анализу работы Каллери и бичуринского комментария к ней, отметим, что именно различие в интерпретациях механизма китайской письменности, соотношения параметров смысл / звук / знак в алфавитных и иероглифических письменных системах, различное толкование самого термина «идеографический» послужили основной причиной расхождений во взглядах итальянского автора и его русского комментатора, став лейтмотивом критического разбора, проведенного о. Иакинфом.

Сравним, например, определение «идеографичности» у обоих авторов. У Каллери читаем:

«Идеографическим называется такое письмо, в котором понятия представляются немymi знаками или знаменательными изображениями, совершенно не имеющими выговора. Такое письмо, по его происхождению, разделяется на живописное *pictorica* и знаменательное *symbolica scriptura*. Живописное, иначе – подражательное, письмо представляет видимые предметы очертаниями внешнего устройства. В знаменательном письме отображаемые предметы не то значат, что представляют собой, но по своим свойствам или, по общему мнению, заключают в себе понятие об отвлеченных вещах, которых без знаков каких-либо невозможно представить видимыми. Сии два способа представлять понятия мало разнятся от живописи, и посему не могут, собственно, называться системами письма.

Голосовым называется такое письмо, в котором сами слова изображаются известными какими-либо знаками. А так как знаками можно представлять целые слова или слоги слов, или буквы для составления слогов, то и голосовое письмо может быть разделено на словописное *lexicographica*¹⁷, слоговое *sillabica* и буквенное *alphabetica scriptura*.

В словописном письме каждый знак заключает в себе выговор целого слова без отношения к составным частям знака. К этому виду принадлежат древние мексиканские и нынешние китайские письмена, равно и числительные знаки, которые в каждом языке соответствуют известному слову. <...>

¹⁷ «Словописный» в переводе о. Иакинфа – калька латинского термина. Здесь и далее в оригинальном тексте Каллери использует слово *lexigraphicum* [Calleri 1841: 10].

Хотя знаки, употребляемые в голосовом письме, изобретены для приведения слов на память, но ничто не препятствует им представлять взору сразу и внешнее очертание предметов и качества их, так как и в письме идеографическом. Сим образом древние египетские иероглифы и китайские письмена нередко представляют собой название и образ видимых вещей» [Голосовая система... 1842: 36–46].

Отец Иакинф в комментарии к этому разделу писал:

«Слоговое и буквенное письмо, подобно идеографическому, состоит из условных же знаков. В первом знаками изображаются слоги для составления слов, а во втором – звуки голоса для составления слогов. Но слоги и звуки никаких понятий не заключают в себе. Напротив, идеографическое письмо состоит из условных знаков, определенных для представления понятий о вещах. Таково есть общее мнение и китайских филологов, и европейских китаесловов о китайском письме, и мнение самое непогрешительное. Но Каллери под идеографическим письмом в сей главе разумеет очерки предметов. Почему в общем определении он говорит, что в идеографических буквах понятия о вещах представляются немymi знаками, или знаменательными изображениями, совершенно не имеющими выговора» [Голосовая система...: 4–5].

Теоретическая позиция о. Иакинфа вполне представлена в следующем отрывке текста комментария:

«Слова суть названия вещей и нераздельны с понятиями означаемых ими вещей; следовательно, в слоговом и буквенном письме [имеются в виду алфавитные письменности – *прим. ред.*] сами слова заключают в себе понятия о вещах, и такое письмо есть чисто голосовое, когда по изучении азбуки можно читать и ничего не понимать. В китайском языке, напротив, нет слов, а китайцы говорят звуками, из коих каждый, порознь взятый, совершенно не имеет положительного значения, а получает оное, когда употребляется в связи с другими звуками. На письме для выражения каждого звука, взятого в известном каком-либо значении, вымышлен отличительный знак, условно представляющий понятие об означаемой звуком вещи. И как знаки назва-

ние, т. е. свой выговор, получили от вещей, ими означаемых, то следует, что в самом знаке, а не в выговоре знака заключается понятие о вещи. Таково есть в существе своем китайское письмо, и такое письмо есть чисто идеографическое» [Голосовая система... 1842: 6–7].

Эти формулировки свидетельствуют о том, что автор *Systema phoneticum*... и его русский комментатор, стремясь обосновать каждый свое видение иероглифической письменности, заложили в основу определений разноплановые параметры. При этом о. Иакинф развивает свою мысль в бескомпромиссном ключе, «уходя» от возможности теоретического диалога. В своем комментарии к этой главе сочинения Каллери Бичурин высказывает явное неприятие самого подхода и дает этому следующее обоснование:

«Таковой неточностью в определениях Каллери думал опровергнуть всеми признанный идеографизм китайских письмен, и через то проложить себе свободный путь к тем ложным положениям, на которых предполагал основать голосовую систему китайского письма. Очевидно, что он в определении идеографического письма с намерением опустил слово условный, которое одно разрушает удивительное основание голосовой системы его. На сей конец вместо слова “условный” употребил “немые знаки без выговоров”, а для устранения затруднительных противоречий допустил голосовым буквам иногда представлять собою внешнее очертание предметов и качеств их, так как в письме идеографическом. (...) Не имею перед собой сочинений европейских китаесловов о китайском письме и потому не могу сказать, включали ли они в определение идеографических букв условность, а условность есть существенное и главное свойство идеографизма, которое, может быть, остановило бы Каллери на новом пути, пролагаемом для голосовой системы» [Там же: Л. 5–6].

Примечательно, что полтора столетия спустя после издания работы Каллери американский лингвист Дж. Дефрансис в отдельной главе *The Ideographic Myth* (Идеографический миф) его ставшей классической книги *The Chinese Language: Fact and Fantasy* (Китайский язык: правда и вымысел) напишет:

«Сам термин [идеографический] послужил причиной многочисленных недоразумений и должен быть заменен, поскольку его постоянное использование, так же, как и техника большой лжи, и сублиминальная реклама, скрыто воздействует на наше сознание, оставляя пространство для укоренения идеи о том, что взаимосвязь графемы и слова/морфемы [в китайском языке] носит не фонетический, а именно “идеографический” оттенок. Только принятие такого термина, как, например “морфосиллабический”, который содержал бы в себе указание на фонетический аспект, сможет рассеять заблуждения, имеющие место в отношении природных свойств китайской письменности» [DeFrancis 1984: 147 – *пер. с англ. К. К.*].

Ко времени, к которому принадлежат описываемые работы, в европейской синологии был накоплен объемный терминологический инструментарий, позволявший описывать различные языковые явления и полемизировать о них. Однако вопрос об унификации терминологии не только не мог быть решен в рамках пионерского исследовательского периода, но даже и не был еще поставлен.

Среди затруднений терминологического спектра исследуемого нами текста – использование слова «ударение» в рассуждениях о тонах и просодии, устойчивый перевод слова «фонетический [phonetica]» словом «голосовой», слова «алфавитный [alphabetica]» словом «буквенный» в русском анализе; при этом граница выделения единиц фонетического уровня очевидно размыта и денотаты понятий «звук», «слог», «слово», «выговор» или «буква» при переводе на язык современной лингвистики часто совпадают или оказываются взаимозаменяемыми. Например, «слово-производство букв»¹⁸ – частый оборот, используемый Бичуриным и в переводе, и в комментариях. Этот и подобные ему примеры – важное свидетельство определенного этапа в формировании терминологической базы синологической филологии.

Завершая краткий обзор теоретического содержания рукописи и одновременно предваряя более близкое знакомство с ней, приведем здесь заключение Бичурина-рецензента:

¹⁸ Как правило, речь идет о деривационных процессах внутри иероглифического знака.

«Идеофонетический словарь Каллери требовал продолжительного и утомительного труда; весьма любопытен для европейских синологов, и, в заключение сказать, совершенно не нужен, потому что бесполезен для упражняющихся в китайском языке. Приискивание букв в нем, по запутанности их расположения, весьма затруднительно. Сам Каллери желающим пользоваться его словарем советует предварительно выучить их на память, между тем как в китайском ключевом словаре мальчик, учившийся в Кяхтинском училище не более четырех месяцев, легко приискивает буквы по правилу, ему показанному. Сверх того, Каллери не объяснил, где он поместил 2425 букв, не принадлежащих к разряду тоносогласительных букв» [л. 95].

Оценка о. Иакинфа широко аргументирована и справедлива в контексте той филологической традиции, приверженцем которой русский синолог оставался на протяжении всей жизни. Бичурин не принял новаторских разработок Каллери, критически оценив саму попытку пересмотреть традиционные взгляды на устройство китайской письменности и словаря. Вместе с тем очевидно, что сама суть теоретических постулатов Каллери и уровень их проработки относят эту работу к более поздним этапам исследований китайского языка в Европе.

О словаре Каллери – как и о его подходе в целом – еще долгое время шли дебаты на страницах европейских и американских научных журналов¹⁹. Например, американский синолог Эндрю в своем исследовании иероглифических письменностей несколько лет спустя отмечал:

“The Chinese written system is not to be considered as *invention*, as Mr. Callery seems to do, but as a *growth*, perhaps of several ages, quite similar to the gradual formation of spoken languages in other countries. The law of its growth is to be sought in the spoken language of China which previously existed. It is the greatest of

¹⁹ См. об этом, напр.: Barreto C. Clavis sinica: A Short History of the Long Battle for the Chinese Writing System in the West between the XVI and XIX Centuries. Vol. 61, № 1. San Paulo: Alfa, 2017. P. 197–222; Lay G. T. Phonetic System of the Chinese Writing by J. M. Callery // Chinese Repository. Vol. XII. 1843. P. 253–258; Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 1 (May, 1846 – May, 1848). P. 51–56.

mistakes to suppose the written system to be something quite distinct from and disconnected with the spoken" [Andrews 1847: 56].

«Китайскую письменную систему следует рассматривать не как *изобретение*, как делает это г-н Каллери, но как *развитие*, продолжавшееся, вероятно, в течение нескольких столетий, наравне с формированием разговорных языков в других странах. И законы этого развития следует искать в китайском разговорном языке, который существовал ранее. Величайшая из ошибок – полагать, что письменная система может быть чем-то обособленным и отделенным от разговорной» [пер. К. К.].

В течение нескольких последующих десятилетий концепция Каллери многократно подвергалась критике и в итоге была вытеснена на периферию синологического лингвистического пространства вплоть до обращения к ней Б. Карлгрена в его «Аналитическом словаре» в 1923 г.²⁰

В этой связи безусловного внимания заслуживает тот факт, что уже четверть века спустя после выхода в свет труда французского синолога В. П. Васильев (1818–1900) в своей работе «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» (1867) выступил в защиту подхода Каллери, оценив заложенные в нем перспективы и укорив современников автора в недальновидности и предвзятости суждений в отношении этой новаторской работы:

«Но только в 1841 г. появился первый дельный труд по этой части. Мы разумеем китайский словарь г. Каллери *Systema Phoneticum*, Масао. Этот труд, кажется, не был оценен достаточно. Европейские синологи, запасшись уже хорошими словарями, изданными во Франции и Англии по ключевой системе, конечно, не могли руководствоваться словарем Каллери, о котором не было ни одной фразы. Кажется, они не старались рекомендовать этот труд и своим ученикам. Вообще, кажется, можно сказать, что приобретшие известность в Европе синологи затерли г. Каллери. Между тем, если бы метода г. Каллери (который издал не один только этот труд) продолжала разра-

²⁰ *Karlgren B. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris: Paul Geuthner, 1923. 436 p.*

батываться, то теперь, через 25 с лишком лет не о чем было бы вздыхать: мы имели бы отличнейшие лексиконы.

Потому что в Европе есть лексиконы, которые могут удовлетворить, стоит только расположить их по системе Каллери, а между тем, как мы знаем, в настоящее время гг. Потье и Жульен готовят новые лексиконы по той же ключевой системе. Мы полагаем, что эта упрямая приверженность к старой рутине только может задержать успехи изучения китайского языка. Фонетическая система есть естественное обращение к изучению составных частей письменности» [Васильев 1867: IV].

Васильев сумел вычленить самые передовые тезисы Каллери о функциональном назначении фонетических компонентов иероглифов, грамотно и аргументированно использовал их и тем сумел обеспечить развитие самой идеи в наиболее перспективном русле. Если выводы о. Иакинфа демонстрировали устойчивую приверженность классическим аксиомам, например:

«Невыгодное о себе мнение подаст тот синолог, который примет на себя труд судить о внутреннем достоинстве китайских словарей. Для этого нужно глубоко проникнуть в тайны китайской словесности, что и для ученых китайцев не совсем возможно» [Голосовая система...: 76–77].

то В. П. Васильев в «Анализе китайских иероглифов» (1866) не побоялся подать «невыгодное о себе мнение» и уже постулировал отход от традиционной догмы – привязки к ключевой системе:

«Это одно уже показывает, что не ключи, а фонетические знаки составляют сущность иероглифа. Некоторые называют ключи радикалами (radicals), и с последним словом составилось понятие, что ключ открывает сущность китайского иероглифа. Между тем ключ есть не что иное, как известный лексический прием к отысканию иероглифов или расположению их в известном ряду. Это придает ему не больше значения, как, например, значение буквы “б” во всех словах алфавитного лексикона, начинающихся с этой буквы. Между тем название “радикал” предполагает, что в ключе заключается сущность значения, а все прочие части, и черты, и фигуры, как бы они ни были сложны, суть в роде добавочных» [Васильев 1898: 39].

Словарь Каллери явился пионерской попыткой синтеза традиционной лексикографической системы «по ключам» и новой кодификации иероглифики с учетом ее фонетического параметра: сходно звучащие иероглифы помещались в одну фонетическую группу или гнездо, внутри которой применялась организация по порядку возрастания числа черт. Предлагаем читателю сравнить несколько гнезд со страницы словаря Каллери с аналогичными фонетическими группами знакомого каждому китаисту «шанхайского» Китайско-русского словаря, выдержавшего несколько изданий²¹:

(33)			
Chén	十 火 引 參 占 辰 車 東 威 甚 眞	F	乏 发 去 伐 發
Cheu	鹿 暫 座	Fa	方
	寸 丑 兄 由 舟 州	Fam	凡 反 乏 汜 弁
Cho	取 帶 周 秋 錫 矣	Fan	頁 風 拂 番 肥 飛
	鬼 黃 聚 壽	Féi	犬 市 弗 非 肥 飛
Chó	勺 石 若 翟 蜀	Fen	發
Chó	出 豕 殺 卓 蜀	Fen	分 奔 賁 華
Chu	刀 子 由 午 宁 主 亢	Fen	不 銛 否 父 友 弗 孚
Chu	兄 由 出 朱 余 助	Fen	几 卜 夫 伏 甫 阜
	豕 畜 芻 零 區 慮	Fu	包 付 兆 伏 甫 阜
Chua	筑 楚 蜀 壽 尉 慮	Fam	府 帶 服 復 昌 頁
	屬		尊 無 復
Chua	過		奉 封 風 冒 逢
Chuam	月 壯 忽 倉 爽 從		條 豐
Chuan	童 贛	ŃG	
Chuan	儿 牙 公 象 端 專	Ńgai	父 矣 委 尋 盍 豈 愛
Chuái	屏 異 蠱	Ńgam	疑 仰
Chuai	欠 殺 垂 佳 端 進	Ńgan	干 安 奄 音 彦 奔
Chuen	敖 魏	Ńgan	黑 嚴 救 契
Chun	屯 享 佳 春 盾	Ńgan	天 盈 救 契
Chun	公 中 冬 充 宗 重	Ńgan	禹 區
	眾 聚 龍	Ńgan	厄 可 安 我 於 奄
		Ńgan	亞 阿 曷 罇 盍 益
		Ńgo	惡 盟
ELL			
Ell	而 耳 兒 貳 爾		

²¹ Китайско-русский словарь (коллектив авторов Шанхайского института иностр. яз.). Пекин, Шан'ю иньшугуань 商务印书馆, 2004 г. 1250 с.

Например, слог [fa]:

набор соответствующих элементов у Каллери: 乏 发 去 伐 發;

набор соответствующих иероглифов (с учетом тонов) в китайско-русском словаре:

fā: 发 馱; fā: 乏 伐 阙 罚 筏; fǎ: 法 砒; fā: 发 珐.

Можно видеть, что абсолютно все выделенные Каллери «фонетики» присутствуют в составе современного иероглифического ряда с чтением [fa]. Мы ставим здесь слово «фонетики» в кавычки, поскольку, как показывает общий анализ словаря французского синолога, в действительности не все графические элементы того или иного гнезда относятся к фонетикам в современной классификации.

То же самое можно сказать и о «фонетиках» в составе иероглифов с чтением [fei]:

Каллери отнес к этой группе элементы: 非 肥 妃 飛 發 市 犬.

Действительно, все эти элементы можно увидеть в составе соответствующего чтению [fei] иероглифического ряда современного китайско-русского словаря, хотя не все они (как и в случае с группой [fa]) являются именно фонетиками в составе иероглифических знаков.

Даже беглое сравнение списков транскрибированных китайских слогов двух этих словарей выявляет заметное число иероглифических совпадений в соответствующих друг другу фонетических гнездах. Не будем забывать, что словарь Каллери представлял собой лишь попытку классификации иероглифов по фонетическим компонентам в их составе, хотя и попытку грандиозную по замыслу и объему. Кроме того, оба эти словаря разработаны на различных диалектных базисах – словарь Каллери отображает произносительные нормы кантонского диалекта, в то время как в основе китайско-русского словаря – путунхуа. Тем не менее для истории лингвистики важен сам подход, выработанный Каллери, – распределение иероглифов по фонетическим группам. И этот замысел позволил ему издать словарь, в своей указательной части имеющий практически современное нам строение. Однако эта разработка французского синолога не была подхвачена или развита современниками и при составлении все новых европей-

ско-китайских словарей проще оказалось принять в основу собственно китайскую ключевую систему, основанную на поиске значений иероглифов по порядку черт.

Интересной деталью казанского варианта публикуемой рукописи являются карандашные пометы на полях, сделанные «третьей» рукой. Очевидно, невидимый читатель работал с рукописью уже после ее поступления в библиотеку Духовной академии и обратился к ней именно как исследователь-профессионал. Замечания на полях относятся главным образом к разделу рукописи, содержащему анализ китайских и двуязычных словарей. Все это позволяет угадать в авторе карандашных заметок В. П. Васильева, работавшего в Казани после возвращения из Пекина в 1851 г. Васильев начал активную исследовательскую и научно-публицистическую деятельность и, безусловно, работал с материалами Бичурина, переданными им в библиотеку Казанской Духовной академии. Тогда же началась работа над замечательным проектом, завершившимся уже в Петербурге изданием «Анализа китайских иероглифов» (1866).

О чем же говорят нам рукописные ремарки? Например, на полях л. 45, текст которого содержит бичуринские комментарии о порядке черт в китайских письменных знаках, имеется короткое замечание в карандаше: «Недостаточно сих шести черточек!» Действительно, традиционно выделяемые китайцами и переходящие из работы в работу европейских авторов шесть базовых черт иероглифики были пересмотрены Васильевым в «Графической системе» и дополнены их разнописями. При этом он писал:

«Что касается до счисления черт в китайской письменности, то в этом не согласны сами китайцы. [...] Однако если эти 8 черт и могут служить определением главных отделов, которые мы приняли было более десяти лет перед этим, то по внимательном рассмотрении мы убедились, что, чем более черт мы примем, тем удобнее будет приискивание и запоматование иероглифов. [...] Таким образом, мы приняли для распределения всей письменности 19 черт» [Васильев 1867: IX]

В этом отрывке мы видим, как ожила и оформилась мысль Василия Павловича о необходимости пересмотра количества базо-

вых иероглифических черт, некогда уже запавшая в его теоретические представления при чтении рукописного перевода «Системы» Каллери и высказанная тогда мимолетно в виде короткой заметки на полях.

Еще одно замечание к бичуринскому комментарию находим на полях л. 80 рукописи: напротив фразы «Словарь его [Гонсалвиша – *прим. ред.*], как и голосовой словарь Каллери, содержит в себе краткий перевод букв, расположенный не по числу, а по числительному порядку черт в начертании» читаем: «Напротив, по числу и принятому порядку черт в начертании!» А фразу комментатора «В тоническом его словаре смешение букв, имеющих придыхание, с не имеющими оногo, производит затруднение в приискивании букв» сопровождает помета на полях: «Совершенная неправда! Сказано слишком мало» [л. 80]. Очевидно, автор карандашных высказываний не был удовлетворен оценкой ряда словарей, данной Бичуриным. Кроме того, Васильев прокомментировал и наблюдения самого Каллери. Например, относительно словаря Моррисона тот пишет: «сочинитель [Моррисон] позабыл сказать, что эта часть есть не что иное как английский перевод тонического, ранее веропрповедниками переведенного на латинский язык словаря, коего экземпляр в рукописи имею под своими глазами». Автор же ремарки с этим не согласен: «Впрочем, в этом словаре много и разницы от старых, переведенных на латинский язык» [л. 84]. Замечание Каллери о том, что «перевод [Св. Писания] на китайский язык приписывают Моррисону, хотя заподлинно известно, что это есть издание оставленного иезуитами перевода... (см. Гл. XI наст. изд.)» сопровождается карандашным восклицанием: «Неправда! Иезуитский перевод гораздо лучше» [л. 84б]. И так далее. Таким образом, можно видеть, как содержание текста рукописи отразилось в теоретических размышлениях следующего поколения русских китаеведов, став подспорьем для рождения важнейшей концепции устройства китайского словаря – графической системы В. П. Васильева²².

²² Шишмарева Т., Готлиб О., Кремнев Е. Идеи В. П. Васильева о категориях китайских письменных знаков // *Crede Experto*: транспорт, общество, образование, язык. 2015. № 4 (07). С. 70–85.

Надеемся, в немногих строках нам удалось обрисовать историю как самого публикуемого текста, так и связанного с ним периода развития востоковедного языкознания – теоретический поиск в описаниях китайского языкового устройства, а также судьбы людей, причастных к этому тексту. Эпизод важного этапа в формировании востоковедной науки, ранее остававшийся как бы за кадром, в карандаше на полях, обретает более четкие контуры...

Как знать, быть может, именно для того, чтобы мы, читатели и исследователи ХХI в. могли яснее представить глубинные «нейронные» связи формирования отечественной востоковедной лингвистики, до наших дней и дошел удивительный рукописный памятник – «Голосовая система китайского языка и письма», написанная о. Иакинфом (Бичуриным) для Российской Академии наук. Безупречный перевод о. Иакинфа, подкрепленный его энциклопедическими фоновыми знаниями о Китае, внесенные его рукой исправления и пометы, весьма пристрастные, колкие критические замечания, все это – штрихи, живописующие интеллектуальный портрет эпохи. Жемчужины китаеведной лингвистической мысли словно рассыпаны по страницам манускрипта щедрой рукой о. Иакинфа, и нам остается лишь собрать их в настоящем издании, бережно нанизав на протянувшуюся сквозь века нить преемственности востоковедного знания.

Post scriptum

При компоновке текста издания мы, безусловно, стремились сохранить структуру рукописи: тексты перевода и комментария даны последовательно, по главам, с указанием соответствующих номеров архивных листов. Все пояснения автора и примечания редактора к тексту комментариев оформлены в виде сносок со сквозной нумерацией. Примеры на китайском языке даны в том же виде, в каком они приведены в тексте оригинала – в традиционной иероглифике в сопровождении транскрипции буквами русского алфавита, разработанной о. Иакинфом. Бичурин не пользуется кавычками – им всюду соответствуют подчеркивания отдельных слов или целых фраз-цитат. Пометы на полях

в карандаше (там, где возможно было их расшифровать) помещены в конце соответствующих параграфов, выделены курсивом и взяты в квадратные скобки.

При обработке рукописи мы необходимо сверялись с оригинальным текстом Каллери на латинском языке, изданном в Макао в 1841 г. и находящемся в открытом доступе нескольких архивных веб-ресурсов²³. Текст оригинала изобилует отсылками к работам предшественников и современников, раскрывает источники и позволяет сформировать представление о научном аппарате франко-итальянского синолога. Весь этот пласт материала, естественно, остался за рамками переводческой и комментаторской работы Бичурина, однако исследование рукописи требовало сверки с первоисточником. Редакторы сочли важным проиллюстрировать издание некоторыми страницами оригинального текста Каллери, чтобы читатель мог лучше представлять механизм и объемы диалога между автором и комментатором.

Одной из важных задач издания было передать язык рукописи в точном соответствии с оригиналом, пожертвовав ятями и ерами, но сохранив все стилистические и лексические анахронизмы с целью представить первоисточник как один из памятников русского языка и научной полемики той эпохи. Следуя принятым канонам, мы во многом опирались на недавнее великолепное издание «Путешествия в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» Е. Ф. Тимковского – современника и доброго знакомого о. Иакинфа²⁴.

Осуществление данного проекта было бы невозможно силами одного ученого, поэтому поспешим отдать дань тем, кто с искренним профессиональным энтузиазмом участвовал в подготовке рукописи и ее издании: Лесько (Масягиной) Оксане за большой труд и помощь в оцифровке и расшифровке текста и всем сотрудникам Отдела языков Института востоковедения РАН за вдумчивое коллегиальное участие.

²³ https://archive.org/details/bub_gb_0ljjyN-uSd0gC/mode/2up

²⁴ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах (с введением, статьями и научным комментарием) / ред. Васильев Д. Д., Дубровская Д. В. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. 656 с. ISBN 978–5–89282–729–4.

В КАЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В отечественной синологии принято считать, что заложенный Бичуриным принцип научного анализа с опорой на китайские источники, бережным отношением к национальной филологической традиции, неизменным уважением к исследуемому этносу как к самостоятельному цивилизационному явлению обусловил формирование сущности отечественной востоковедной традиции. Примечательно, что путь о. Иакинфа в науку, начавшийся в стенах модернизированной на европейский лад Казанской семинарии, прошел через погружение в необъятный океан китайских национальных литературных источников и в конечном итоге вывел нашего синолога на тропу воинствующего неприятия европейских академических авторитетов, сформировав его научно-философскую программу в духе будущего евразийства.

В то же время, будучи во многом самобытным и независимым исследователем, Бичурин не упускал случая подчеркнуть свое отмежевание от «закоснелых» отечественных китаесловов, предшественников и современников, которые, «увлекаясь привычкой и ложным мнением о высоком образовании ученых Западной Европы» [Голосовая система...: 20–21], не вкладывались, на его взгляд, в разработку русскоязычной синологической платформы. Такая позиция обусловила неприятие со стороны коллег-соотечественников целого ряда бичуринских наработок, в том числе – его кириллической транскрипции китайского произношения. Кроме того, как мы стремились показать в настоящем исследовании, «черно-белое» изображение Бичуриным ситуации в отечественной синологии вовсе не было таковым. В стенах Пекинской миссии трудились не покладая рук те самые предшественники и современники о. Иакинфа, перерабатывая колоссальный объем китай-

ских текстов, описывая сам язык и разрабатывая попутно терминологический синологический инструментарий, успешно полемизируя с европейскими коллегами и публикуясь в меру скромных возможностей.

Пожалуй, стоит признать, что научный портрет о. Иакинфа в точности соответствует автопортрету живописному (из собрания Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге)¹:

Европейская техника живописи в китайской стилистике. Русский ученый в costume китайского чиновника. Православный миссионер, никого не обративший в христианство, но явивший миру «религию ученых»².

Минуя всплески оценочных суждений в адрес архимандрита 9-й духовной миссии в Пекине, сопровождавшие исследования его личности и трудов за прошедшие 170 лет, признаем бесспорное в отношении лингвистических изысканий о. Иакинфа – все они свидетельствуют о неустанном стремлении русского синолога представить миру как можно больший объем фактологического материала о китайском языке, его природе и свойствах. Глубоко проникнув в недра китайской национальной филологической традиции и явно симпатизируя китайским ученым, составителям словарей и кодификаторам иерогли-

¹ Отец Иакинф, автопортрет 1810-х гг., написанный на бумаге акварелью, из собрания ИВР РАН. На обороте работы надпись: «Портрет собств...»

² Иакинф (Бичурин Н. Я.). Описание религии ученых: [Одно из религ. учений Китая «Жу-цзяо»]: С прил. черт.: жертв. одеяния, утвари, жертвенников, храмов и расположения в них лиц, столов и жертв. вещей во время жертвоприношения / сост. трудами монаха Иакинфа. 1844. Пекин: тип. Успенского монастыря, при Рус. духов. миссии, 1906. 77 с. Шифр: 38.12.2.35.

фики, о. Иакинф одновременно стремился к критическому осмыслению не-китайских источников: грамматик и словарей предшественников и современников, транскрипций, комментариев и переводов, различных публикаций российских и зарубежных коллег, в той или иной степени освещавших вопросы языковедной тематики. Именно этот параметр позволяет говорить о преемственности в рамках отечественной востоковедной школы – выработанный Бичуриным подход, эволюционировав в работах китайедов последующих поколений, обеспечил неразрывную связь российской синологии с мировым востоковедением и пополнение его сокровищницы трудами целой плеяды российских ориенталистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Адоратский Н.* Отец Иакинф Бичурин: (Исторический этюд). Казань: Тип. ун-та, 1886. 125 с.
2. *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае за двести лет ее существования. Вып. II: История Пекинской Духовной Миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Казань, 1887. 364 с.
3. *Алексахин А. Н.* Теоретическая фонетика китайского языка. М.: Восток-Запад, 2006. 204 с.
4. *Алексеев В. М.* Сергей Федорович Ольденбург как организатор и руководитель ориенталистов // Записки Института востоковедения Академии Наук СССР. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1935. [Том] IV. С. 31–57.
5. *Алексеев М. П.* Пушкин и Китай // Пушкин и Сибирь. Москва – Иркутск, 1937. С. 108–145.
6. *Алпатов В. М.* История лингвистических учений. 4-е изд. М., 2005. 368 с.
7. *Алпатов В. М.* Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 253 с.
8. *Андреевская С. И.* Деятельность Н. Я. Бичурина в качестве главы IX Российской Духовной Миссии в Китае: 1801–1821 гг.: дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2006. 182 с.
9. *Арно А., Лансло Кл.* Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М.: Прогресс, 1990. 272 с.
10. *Белкин Д. И.* А. С. Пушкин и китаевед о. Иакинф (Н. Я. Бичурин) // НАА. 1974. № 6. С. 126–134.
11. Библиография по китайскому языкознанию / АН СССР, Ин-т востоковедения, Ин-т языкознания; сост. С. Б. Янкивер [и др.]. М.: Наука, 1991. Кн. 2. М.: Наука; Изд. фирма "Вост. лит.", 1993. 522 с. ISBN5–02–017116–6.
12. *Благовещенский А. А.* История Казанской духовной семинарии с восемью низшими училищами за XVIII–XIX стол. Казань: Ред. Православ. собеседника, 1881. 468 с.

13. *Васильев В. П.* Анализ китайских иероглифов. Ч. 1. Изд. 2-е. СПб., 1898.
14. *Васильев В. П.* Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого русско-китайского словаря / В. П. Васильев. Репр. изд. СПб.: НП-Принт, 2010. 456 с. ISBN978-5-91542-100-3.
15. *Вебер К., Иванов А., Котвич Вл., Руднев А.* К вопросу о русской транскрипции китайских иероглифов // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб.: Типография имп. Акад. наук, 1908. Т. XVIII. Вып. 1. С. 074–096.
16. *Воронина О. Ю.* О средствах реконструкции фонологической системы китайского языка: китайская «иньюньсюэ» и особенности ее терминологического аппарата // Известия ВГПУ. 2018. № 9 (132). С. 181–185.
17. *Воронов К.* Паллачёлхесё, аста кусарусё: [Н. Я. Бичурин синчен] // Пурнаё сулёпе. 1997.
18. *Горелов В. И.* Лексикология китайского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1984. 216 с.
19. *Готлиб О. М.* Основы грамматики китайской письменности. М., 2007. 284 с. ISBN978-5-17-039260-5.
20. *Григорьев В. С.* Новые книги об основоположнике российского научного Китаеведения Иакинфе Бичурине // Проблемы Дальнего Востока, 2017, № 1. С. 136–141.
21. *Григорьев В. С.* Вклад Китаеведа Н. Я. Бичурина в формирование преемственности традиций просвещения народов России // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов XII Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2019. С. 137–145.
22. *Даниил (Сивиллов), архим.* Конспект для преподавания китайского языка. НАТР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. Л. 17–23; 25 (автограф).
23. *Даниленко В. П.* Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. М., 2010. 216 с. ISBN978-5-397-00479-4.
24. *Дацышен В. Г.* История изучения китайского языка в Российской империи: Монография. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2000. – 108, [2] с. ISBN5-7638-0232-2
25. *Дацышен В. Г.* История изучения китайского языка в Российской империи. Изд. 2-е, испр. и дополн. Благовещенск, 2006. – 183 с.
26. *Дацышен В. Г.* Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX вв.): Учебное пособие. Новосибирск, 2011. – 196 с.

27. Дацышен В. Г. К проблеме словарей в русском китаеведении. Общество и государство в Китае. 2018. 48 (2). С. 851–865.
28. Дацышен В. Г. История русского китаеведения, 1917–1945. М.: Весь Мир, 2015. 349 с. ISBN978–5–7777–0662–1.
29. Денисов П. В. Никита Яковлевич Бичурин: Очерк жизни и творческой деятельности ученого-востоковеда: к 200-летию со дня рождения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. Ч. 1–2. – 143 с.
30. Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине [изд. 2-е, доп.]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 334 с.
31. Димитриев В. Д. П. С. Адоратский – исследователь жизни и деятельности Н. Я. Бичурина и истории российской духовной миссии в Пекине / Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С. 494–498.
32. Димитриев В. Д. Востоковед Н. Я. Бичурин и Чувашия / В. Д. Димитриев; Нац. акад. наук и иск-в Чуваш. Респ.; С.-Петерб. гос. инж.-экон. ун-т, Ин-т туризма и сервиса (Чебоксары); отв. ред., авт. вступ. ст. А. С. Никитин. Чебоксары: Ин-т туризма и сервиса, 2002. 59 с.
33. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Т. 1: Части речи. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 231 с.
34. Завьялова О. И. Большой мир китайского языка. Изд. 2-е. М.: Восточная литература, 2014. 317 с. ISBN978–5–7873–0790–0.
35. Звегинцев В. А. Вводная статья к разделу «В. Гумбольдт» // Звегинцев. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964. С. 67–73.
36. Иакинф (Бичурин), архим. Голосовая система китайской письменности Каллери. Перевод и замечания, написанные для Академии наук в 1842 г. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 847. Оп. 5. Д. 10. Л. 1–95.
37. Иакинф (Бичурин), архим. Автобиографическая записка // Ученые записки Акад. Наук по I и III отделениям. Том III. СПб., 1855. С. 665–672.
38. Иакинф (Бичурин), архим. Замечание о Китае и китайцах. [Рец. на кн.] «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Манилле и Индо-Китайском Архипелаге Петра Добе-ля и проч. СПб., 1833, 2 тома». Московский телеграф. 1833. Ч. 50. № V. С. 83–97.
39. Иакинф (Бичурин), архим. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1840. 442 с.
40. Иакинф (Бичурин), архим. Статистическое описание Китайской империи: В 2 ч. М.: Вост. дом, 2002. 463 с.
41. Иакинф (Бичурин), архим. Хань-вынь ци-мын. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом. Пекин: Пекин. духов. миссия, 1908. XVI, 118, [1] с.

42. История отечественного востоковедения до середины XIX в. / П. М. Шаститко, А. А. Вигасин, А. М. Куликова и др.; редкол.: А. П. Базиняц и др.; АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1990. 439 с. ISBN5–02–016933–1.

43. *Карезина И. П.* Образ о. Иакинфа (Бичурина): детали и уточнения // Общество и государство в Китае. 2014. № 2. С. 391–399.

44. *Кирюхина Л. В.* Китайская «падежная грамматика» // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2011. № 4. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17686009_89101235.pdf.

45. *Кирюхина Л. В.* Китайская грамматика Н. Я. Бичурина: ретроспективный взгляд. Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 74–86.

46. Китайско-русский словарь (коллектив авторов Шанхаского института иностр. яз.). Пекин: Шанъу иньшугуань 商务印书馆, 2004 г. 1250 с.

47. *Кожа К. А.* У истоков традиции критического лингвистического анализа. «Фонетическая система китайской письменности» Дж. Каллери в прочтении И. Бичурина (по рукописным материалам первой половины XIX в.) // Материалы II Съезда молодых востоковедов стран СНГ. Баку, 2014. С. 521–532.

48. *Кожа К. А.* О развитии метода исследования идеографических письменностей в истории синологической лингвистики (по работам авторов XIX в.) // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 4. С. 210–218. DOI: 10.31696/2618–7302–2020–4–210–218.

49. *Кожа К. А.* Несколько слов о теории «умственного изменения» в китаеведных лингвистических трудах о. Иакинфа (Бичурина) // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 5. С. 179–184.

50. *Кожа К. А.* «Голосовая система китайской письменности» Ж.-М. Каллери, замечания к ней о. Иакинфа (Бичурина), критическая переоценка В. П. Васильевым: три грани одного вопроса // Вестник ИВ РАН. 2019. № 3 (9). С. 258–266.

51. *Кожа К. А.* “Confessionario em lingua mandarina” о. Франсиско Варо – неизвестная рукопись известного проповедника // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2022. № 1. С. 113–125.

52. *Козин С. А.* О неизданных работах Иакинфа Бичурина // Известия АН. Отделение гуманитарных наук. 1929. № 5. С. 399–412.

53. *Концевич Л.* Китайские имена собственные и термины в русском тексте. М., 2002. С. 141–149.

54. *Коротков Н. Н., Рождественский Ю. В., Сердюченко Г. П., Солнцев В. М.* Китайский язык. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 135 с.

55. *Коротков Н. Н.* Основные особенности морфологического строя китайского языка: грамматическая природа слова. М.: Наука, 1968. 399 с.

56. *Ли Вэйли.* Элосы ханьсюэдэ тайян – Бицюлинь: [Светило российской китаистики – Н. Я. Бичурин]. Пекин: Изд-во коммерческой прессы, 2015. 200 с.; [пер. с кит. Поспеловой М.]. Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2017. 164 с.

57. *Линь Юйшань.* Ханьюй юйфасюэ ши [История грамматики китайского языка]. Хунань Цзяоюй чубаньшэ, 1983. 359 с.

58. *Липаков Е. В.* Митрополит Амвросий и казанские духовные школы // Материалы научной конференции «Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов) 1742–1818. К 190-летию со дня кончины высокопреосвященного Амвросия». М., 2010. С. 88–99.

59. *Можаровский А. Ф.* История Казанской духовной семинарии. Казань: Губ. Тип., [1868]. 62 с.

60. *Моллер И. С.* Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внуки // Русская старина. 1888. Т. LIX. № 8. С. 271–300.

61. *Мудрецы Китая.* Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы / пер. с кит. Л. Д. Позднеевой, ред. В. В. Манатов. СПб.: «Санкт-Петербург – XXI век», 1994. 416 с.

62. *Мясников В. С., Попова И. Ф.* Вклад о. Иакинфа в мировую синологию. К 225-летию со дня рождения члена-корреспондента Н. Я. Бичурина // Вестник Российской Академии наук. 2002. Т. 72. № 12. С. 1099–1106.

63. *Мясников В. С.* Избрание отца Иакинфа (Бичурина) в Академию наук // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 124–132.

64. *Н. Я. (Иакинф) Бичурин и его вклад в русское востоковедение: (К 200-летию со дня рождения): Материалы конф. Ч. 1–2 / сост. А. Н. Хохлов.* М.: Наука, 1977. 270 с.

65. *Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853): научно-вспомогательный указатель / сост.: Н. А. Епишина, В. В. Григорьева; науч. ред. П. В. Денисов.* Чебоксары, 2009. 104 с.

66. *Николаев Э. В., Петрова Т. Н.* Аксиологические основы социально-философских и педагогических идей Н. Я. Бичурина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 2 (98). С. 220–230.

67. *Николаев Э. В., Петрова Т. Н.* Основные факторы формирования личности Н. Я. Бичурина как ученого и просветителя (казанский период) // Вестник Марийского государственного университета. 2019. № 2 (34).

68. Письмо И. Бичурина в Палату внешних сношений (Лифаньюань) / предисл., пер. с маньчжур., примеч. Т. А. Пан // Письменные памятники Востока. Том 15. № 2 (33). 2018. С. 25–31.

69. *Перехвальская Е. В.* Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008. 263 с.

70. *Перехвальская Е. В.* Русско-китайский пиджин и русский «Интерязык» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2013. № 3. С. 205–222.

71. *Петров А. А.* Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве АТССР и в библиотеке Казанского университета // Библиография Востока. Вып. 10 (1936). М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 139–155.

72. Московский телеграф: Журнал литературы, критики, наук и художеств, изд. Николаем Полевым. 1825. Ч. 1. С. 130–132.

73. *Полевой Н.* Хань-вынь-ци Мын. Китайская Грамматика, сочиненная монахом Иакинфом. Напечатанная по Высочайшему повелению. СПб. в литографии Гемильяна, 1838 г., в 4, XXII и 237 стр. // Сын отечества и Северный архив: Журнал словесности, истории и политики. Изд. А. Смирдин. 1838. Т. IV, отд. IV. С. 1–36.

74. *Поликарпов Ф.* Технологія. Искусство грамматики. Изд. и иссл. Е. Бабаевой. СПб, ИНА-Пресс, 2000. ISBN5–87135–092–5.

75. *Попова И. Ф.* Становление лексикографии китайского языка в России // Страны и народы Востока. Вып. XXXV. 2014. С. 296–298. ISBN: 978–5–02–036581–0 Словари кяхтинского пиджина / пер. с кит., публ., транскр., иссл. и прил. И. Ф. Поповой и Т. Токио. М.: Наука – Вост. лит., 2017. 603 с. (Памятники письменности Востока). ISBN: 978–5–02–036552–0

76. *Попова И. Ф.* Об изучении научного наследия Н. Я. Бичурина (1777–1853) в XX в. // Записки Восточного отделения российского археологического общества. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2006. С. 581–585. EDN YXNHRO.

77. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования: Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам иером. Николая (Адоратского), смотрителя Херсонского духовного училища. Вып. 1–2. Вып. 2: История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Казань, 1887. – 369 с.

78. *Рифтин Б. Л.* О синологических словарях и справочниках, старых и новых // Архив российской китаистики. Т. I. М.: Вост. лит., 2013. С. 331–432.

79. *Скачков П. Е.* О рукописном наследии Н. Я. Бичурина в ГПБ (Ленинград) // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 2. 1956. С. 198–206.

80. Скачков П. Е. «Бичуринский период» русской синологии // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 1. С. 180–186.
81. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. 505 с.
82. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков: В связи с общими особенностями человеческого языка. М.: Восточная литература, 1995. 352,[1] с.; ISBN5–02–017768–7
83. Спешнев Н. А. Введение в китайский язык: Фонетика и разговорный язык. СПб.: КАРО, 2008. – 256 с.
84. Тихвинский С. Л. Выдающийся русский китаевед Н. Я. Бичурин // Новая и новейшая история. 1977. № 5. С. 146–159.
85. Тихонов Д. И. Русский китаевед первой половины XIX века Иакинф Бичурин // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 179. Серия востоковедческих наук. Вып. 4: История и филология стран Востока. Л., 1954. С. 281–306.
86. Феофилакт (Киселевский). Китайская грамматика и разные материалы по изучению кит. языка (1831–1840) (микрофильмы). РГБ Ф. 273. К. 18. Ед. хр. 6915–05/94.
87. Филлмор Ч. Дело о падеже [пер. с англ. Е. Н. Саввиной] // Новое в зарубежной лингвистике, 1981. Вып. X. М.: Прогресс. С. 369–495.
88. Хохлов А. Н. Китаист Д. П. Сивиллов и его русские переводы древнекитайской классики // Общество и государство в Китае. 2014. № 1. С. 484–512.
89. Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и Российская Академия наук // Юбилейная конференция Института востоковедения. М., 1978, № 6, стр. 115–125.
90. Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды о Цинском Китае: Предисловие // Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). М.: Восточный Дом, 2002. 463 с. ISBN5–89737–100–8.
91. Хохлов А. Н., Белкин Д. И. Н. Я. Бичурин и Российская Академия наук // Юбилейная конференция Института востоковедения. Из истории науки. 1978. № 6. С. 115–125.
92. Чугуевский. Бичуринский фонд в Архиве Института востоковедения // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 136–147.
93. Чэнь Пэйцзюнь. Лингвистическое комментирование как один из способов этнографического описания в трудах о. Иакинфа (Бичурина) // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 157–164. DOI: 10.25513/2413–6182.2018.4.157–164.

94. Чэнь Пэйцзюнь. Отец Иакинф (Бичурин) в современном Китае // Вестник ЧГУ. 2017. № 4. С. 256–263.
95. Чэнь Пэйцзюнь. Неологизмы Н. Я. Бичурина (на материале сочинения «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение») // МИРС. 2018. № 4. С. 29–32.
96. Чэнь Пэйцзюнь. Публикации Н. Я. Бичурина в «Отечественных записках»: особенности стиля и языка // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2018. № 3 (99). С. 113–119.
97. Чэнь Пэйцзюнь. Эволюция научного стиля в трудах Н. Я. Бичурина (на материале сборника «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение») // Известия ВГПУ. 2019. № 3 (136). С. 143–148.
98. Шишмарева Т., Готлиб О., Кремнев Е. Идеи В. П. Васильева о категориях китайских письменных знаков // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. № 4 (07). 2015. Москва. С. 70–85.
99. Шпринцин А. Г. О русской транскрипции китайских географических названий // Страны и народы Востока / под ред. А. В. Королева, И. В. Сахарова. М.: Наука, 1964. С. 83–98.
100. Шукин Н. С. Иакинф Бичурин. [СПб., 1857]. 16 с.
101. Яхонтов С. Е. История языкознания в Китае (XI–XIX вв.) // История лингвистических учений. Средневековый восток. Л.: Наука, 1981. С. 224–247.
102. Яхонтов С. Е. Китайская языковедческая традиция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 1990. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/490/kitajskaya-yazykovedcheskaya-tradiciya.htm> //.

Литература на иностранных языках

1. Afanogenov G. Spies and Scholars: Chinese Secrets and Imperial Russia's Quest for World Power. Harvard University Press, 2020. 384 p.
2. Andrews S. P. Discoveries in Chinese, or, The symbolism of the Primitive Characters of the Chinese System of Writing. As a Contribution to Philology and Ethnology and a Practical Aid in the Acquisition of the Chinese Language. New York, 1854. 150 p.
3. Andrews S. P. Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, 291st Meeting. Vol. I. May, 1846. P. 51–56. URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/item/28039#page/42/mode/lup>
4. Ansaldo U., Matthews S., Smith G. China Coast Pidgin: texts and contexts. Journal of Pidgin and Creole languages. 2010. No. 25.1. P. 63–94.

5. Bacon F. The Advancement of Learning // *The Works of Francis Bacon*, 14 vols. Vol. VI / Ed by J. Spedding, R. Ellis, and D. Heath. New York: Garret Press, 1968. P. 399–400.

6. Barreto C. Clavis sinica: A Short History of the Long Battle for the Chinese Writing System in the West between the XVI and XIX Centuries. Alfa, 61 (1). Sao Paulo, 2017. P. 201–225.

7. Bertuccioli G. Giuseppe Maria Calleri: un piemontese al servizio della Francia in Cina // Collana di biografie e saggi diretta da Oscar Botto. Torino, 1986. Pp. 5–29.

8. Breitenbach S. Missionary Linguistics in East Asia: The Origins of Religious Language in the Shaping of Christianity. Frankfurt: Peter Lang, 2008. 221 p.

9. Bridgman E. C. (comp.). A Chinese chrestomathy in the Canton dialect. 1841, Macao: S. W. Williams.

10. Callery J.-M. Systema Phonicum Scripturae Sinicae. Vol. 1, 2. Macao, 1841. – 500 p.

11. Callery J.-M. Reply to G. T. Lay's strictures on his Phonetic System of Chinese Writing // Chinese Repository. 1843. Vol. XII (July). P. 371–379.

12. Chen P. Phonetization of Chinese // *Chen P. Modern Chinese: History and Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 164–190.

13. Creel H. G. On the Nature of Chinese Ideography. T'ong pao. 1936. 32. P. 85–161.

14. DeFrancis J. The Chinese Language: Fact and Fantasy. Honolulu, 1984. 330 p.

15. Di Toro A. The *Kitajskaja Grammatika* (1835) and Bičurin's ideas on the 'mechanism' of Chinese between European and Chinese grammatical traditions // *Histoire Epistémologie Langage*. 2019. Vol. 41 (1). P. 57–77. DOI: <https://doi.org/10.1051/hel/2019002>

16. Drocourt Zh. Abel-Rémusat et sa pensée linguistique sur le chinois // *Actes en ligne du Ve Congrès de la Société des études romantiques et dix-neuviémistes. Le XIXe siècle et ses langues*. 2013. P. 1–16.

17. DuPonceau P. S. Dissertation on the Nature and Character of the Chinese System of Writing // American Philosophical Society. Historical and Literary Committee. Transactions, 2. Philadelphia, 1838. 375 p.

18. Edkins J. A grammar of colloquial Chinese, as exhibited in the Shanghai dialect. 1868. Shanghai: Presbyterian mission Press. 225 p.

19. Graham A. C. The Place of Reason in the Chinese Philosophical Tradition // In R. Dawson (ed.), *The Legacy of China*. Oxford: Oxford University Press, 1964. P. 28–56.

20. *Guo Rui*. Modern Chinese Parts of Speech: Classification Theory. Routledge, 2019. 218 p.

21. *Harbsmeier Ch.* Wilhelm von Humboldts. Brief an Abel-Rémusat und die philosophische Grammatik des Altchinesischen // *Grammatica Universalis*. Vol. 17. Stuttgart, 1979. 297 p.

22. *Harbsmeier Ch.* Language and Logic in Traditional China // *Science and Civilisation in China* (ed. J. Needham). Vol. 7. The Social Background. Part 1. Cambridge, 1998. – 504 p.

23. *Humboldt W. von, Abel-Rémusat J.-P.* Lettres à M. Abel-Rémusat sur la nature des formes grammaticales et sur le génie de la langue chinoise en particulier (1821–1831) / ed. by Rousseau & Thouard. Lille: Presses Universitaires du Septentrion, 1999. 344 p.

24. *Humboldt W. von.* Lettre à M. Abel-Rémusat sur la nature des formes grammaticales en général et sur le génie de la langue chinoise en particulier. Paris, 1827. 122 p. Digitized by BnF/Gallica: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5469694j.r>

25. *Humboldt W. von.* Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues: und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836. 511 p.

26. *Humboldt W. von.* Die Sprachphilosophischen Werke Wilhelm von Humboldts. Ed. by Heymann Steinthal. Berlin: F. Dümmler, 1883. 699 p.

27. *Jones W.* The Third Anniversary Discourse, on the Hindus, delivered 2d of February, 1786 // *The Works of Sir William Jones*. Vol. 1. London: Printed for G. G. and J. Robinson, 1799. P. 19–34.

28. *Karlgren B.* Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris: Paul Geuthner, 1923. 436 p.

29. *Kuzuoglu U.* Codes of Modernity: Infrastructures of Language and Chinese Scripts in an Age of Global Information Revolution. Thesis. New York: Columbia University Press, 2018. 328 p. URL: <https://doi.org/10.7916/D80C6C6B>.

30. *Kwan Tze-wan 關子尹.* Wilhelm von Humboldt on the Chinese language: Interrelation and reconstruction. 威海姆·冯·洪堡特的汉语理论: 解释与重建 // *Journal of Chinese Linguistics*. 2001. Vol. 29. No. 2. P. 169–242.

31. *Lay G. T.* Phonetic System of the Chinese Writing by J. M. Callery // *Chinese Repository*. 1843. Vol. XII. P. 253–258.

32. *Lay G. T.* A new analysis of the Chinese language. Its nature explained, with some reflections on its use in the development of native science and philosophy // *Chinese Repository*. 1838. Vol. VII (May). P. 255–264.

33. *Losonsky M.* Introduction // *Humboldt*. “On Language”. On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental

Development of the Human Species (Cambridge Texts in the History of Philosophy) / ed. by Michael Losonsky, trans. by Peter Heath. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. VII–XXXIV.

34. *Lundbæk K. T. S. Bayer (1694–1738): Pioneer Sinologist // Monograph series: Scandinavian Institute of Asian Studies. Curzon Press. 1986. 256 p.*

35. *Lundbæk K. Joseph De Premare (1666–1736): Chinese Philology & Figurism. Aarhus: Aarhus University Press, 1991. 240 p.*

36. *Medhurst W. H. Dictionary of the Hok-këèn Dialect of the Chinese Language. Macao, 1832. 860 p.*

37. *Müller M. Proposal for a missionary alphabet. London: Printed by A. and G. A. Spottiswoode, 1854. 53 p.*

38. *O'Neill T. M. Ideography and Chinese Language Theory: A History. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. URL: <https://doi.org/10.1515/9783110459234>.*

39. *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 1 (May, 1846 – May, 1848). P. 51–56.*

40. *Raini E. I Sistemi di Romanizzazione del Cinese Mandarino nei Secoli XVI–XVIII. Tesi di dottorato. Rome: Sapienza University, 2012. 310 p. URL: <https://iris.uniroma1.it/handle/11573/916734>.*

41. *Ramat P. Linguistic Typology. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 1987. URL: <https://doi.org/10.1515/9783110859126-242> p.*

42. *Shapiro R. Chinese Pidgin Russian // Journal of Pidgin and Creole Languages. 2010. No. 25. P. 5–62.*

43. *Shen Z. A Phonological History of Chinese. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 320 p. DOI:10.1017/9781316476925.*

44. *Thouard D. Humboldt, Abel-Rémusat et le chinois: du mystère au savoir // Intellectual News. 2000. 6:1, 52–56. DOI: 10.1080/15615324.2000.10431661.*

45. *Unger J. M. Ideogram: Chinese Characters and the Myth of Disembodied Meaning. Honolulu, 2003–214p.*

46. *Varo F. Francisco Varo's Grammar of the Mandarin Language (1703): An English Translation of 'Arte de la lengua mandarina'. Coblin, W. South, and Joseph A. Levi (transl.). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2001. 282 p.*

47. *Wenzel C. H. Isolation and Involvement: Wilhelm von Humboldt, François Jullien, and More. Philosophy East and West. 2010. No. 60 (4). P. 458–475. DOI:10.1353/pew.2010.0011.*

48. *Williams S. W. [предположительно]. System of Orthography for Chinese Words // Chinese Repository. Vol. 5. No. 1 (May, 1836). P. 22–30.*

49. *Williams S. W. An English and Chinese Vocabulary, in the Court Dialect. Macao: The Chinese Repository, 1844.*

50. 唐彪 Táng, Biāo. Dúshū zuòwén pǔ Fù shī shàn yòufǎ 讀書作文譜·父師善誘法 (1803 ed.), Taipei: Weiwen tushu chubanshe. 1976. – 220 p.

51. 李伟丽. 尼·雅·比丘林及其汉学研究. 北京:学苑出版社, 2007. 179 页.

52. 林玉山. 汉语语法学史. 湖南教育出版社, 1983. 359 页

53. 柳若梅 Liu Ruomei, 2009. 江沙维的《汉字文法》与比丘林的《汉文启蒙》 [Jiangshawei de 'Hanzi wenfa' yu Biquilin de 'Hanyu qimeng'] // 华南师范大学学报(社会科学版) *Journal of South China Normal University (Social Science Edition)*, 编辑部邮箱, 2009 年06期 P. 151–157.

54. 柳若梅 Liu Ruomei. 2010. 俄国历史上第一部汉语语法书 (The first Chinese grammar book in Russian history) // 《福建师范大学学报(哲学社会科学版)》2010年02期. P. 138–147.

55. 王力. 汉语语音史. 北京:中国社会出版, 1985 (Ван Ли. История развития фонетики китайского языка. Пекин: Кит. о-во, 1985). 641 с.

56. 王力. 汉语音韵. 北京:中华书局, 2003 (Ван Ли. Фонология китайского языка. Пекин: Кит. книга, 2003. 190 с.

57. 闫华. 汉文启蒙 研究. 北京:人民出版社, 2015. 424 页.

58. 马建忠. 马氏文通. – 北京:商务印书馆, 2010. 473 页

59. 龚千炎. 中国语法学史. – 北京:语文出版社, 1997. 479 页. Гун Цяньнянь. Чжунго юйфасюэ ши [История китайской грамматики]. Пекин: Юйвэнь чубаньшэ, 1997. 479 с.

Иакинф БИЧУРИН

Голосовая система китайской письменности

с замечаниями, написанными для Академии наук в 1842 г.

Перевод и комментарии к книге Дж. Каллери
Systema Phoneticum Scripturae Sinicum (Макао, 1841)

Подготовка к изданию и научное редактирование

канд. филол. наук *К. А. Кожа*

Цифровая обработка оригинального текста рукописи

К. А. Кожа, О. Лесько

В основе настоящего издания – оригинальная работа выдающегося русского китаевода о. Иакинфа Бичурина (1777–1853) из фондов Национального архива Республики Татарстан, незаслуженно оставшаяся без внимания современников, т. е. в рукописи. Перевод и замечания к «Голосовой системе китайской письменности Дж. Каллери, Макао, 1841 г.» – уникальный памятник отечественного синологического наследия, отражающий восприятие основ китайской филологии китаеводами той эпохи, изобилующий отсылками к китайским первоисточникам и свидетельствующий о глубоком понимании затронутых теоретических вопросов комментатором. Ценность, а точнее, бесценность этого текста – в критическом характере его содержания, открывающего для современного исследователя возможность сопоставить и проанализировать механизмы формирования различных, но тесно связанных между собой востоковедческих традиций – отечественной и западноевропейской.

Abbreviations:

RSA: Russian State Historical Archive (РГИА)

NART: National Archive of the Republic of Tatarstan (HAPT)

Systema Phoneticum: Callery J.-M. *Systema Phoneticum Scripturae Sinicae*, 1841.

Golosovaja sistema: Bičurin I. *Golosovaja sistema kitaiskogo yazyka i pisma*, 1842.

Grafičeskaja sistema: Vasiliev V. *Grafičeskaja sistema kitajskih ieroglifov. Opyt pervogo russko-kitajskogo slovaryja*, 1867.

EDITOR'S FOREWORD

In the autumn of 1842, Count S. S. Uvarov (1786–1855), the Russian Minister of National Education and President of the Imperial Academy of Sciences, received a copy of *Systema Phoneticum Scripturae Sinicae* by J.-M. Callery (1810–1862), a French sinologist of Italian origin. The book had been printed a year earlier in Macao and sent to the Russian Academy by the author in anticipation of support in publishing his *Dictionnaire encyclopédique de la langue chinoise* (Paris, 1842)¹. The Academy was in the habit of re-directing all China-related issues to its principal reviewer, the eminent Russian sinologist Father Iakinf Bičurin (1777–1853), author of the first Russian-Chinese grammar and an elected member of the Russian, German and French Academies of Science². Bičurin not only translated selected passages from the original text into Russian, but also added extensive critical notes to each chapter.

¹ RSA. F. 735.2.391 (1843).P. 3–39. See also *Journal of the Ministry of Foreign Education* (October 1843), Part III, p. 18: assigned to Mr. Brosse – J.-M. Callery sent to Mr. President of the Academy a copy of his phonetic system of the Chinese language, printed in two parts in China, with an announcement of a project of his *Encyclopaedic Dictionary of the Chinese Language*, for which he seeks Mr. Minister's assistance. A decision is made to ask Monk Iakinf for consideration and comments, after which Mr. Brosse will offer his opinion.

² См., напр.: Хохлов А. Н., Белкин Д. И. Н. Я. Бичурин и Российская Академия наук // Юбилейная конференция Института востоковедения. Из истории науки. 1978. № 6. С. 115–125; Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды о Цинском Китае // Введение к изданию «Статистического описания Китайской Империи». М., 2002.

His manuscript was left unpublished, however – probably because it was originally seen simply as an internal review – and so, sadly, remains largely unknown to sinologists today. Two versions of Bičurin's *Golosovaja sistema* are in existence: one, a rough draft, contains Bičurin's translation of Callery's text, with numerous corrections, insertions and remarks, and is held at the National Archive of the Republic of Tatarstan in Kazan under the title *Голосовая система китайского языка и письма. 1842 г. Почерк писарский. Без переплета и титульного листа*;³ the other (written in the same scribe's hand) does not contain the translation, only Bičurin's comments, and is held in the Archive of the Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IOM RAS) in St Petersburg under the title *Изложение голосовой системы китайского письма*.⁴ Almost a century later, in 1936, A. Petrov mentioned both works in an article for *Bibliografija Vostoka*. Petrov supposes that the copy in St Petersburg was the final version of the text, which Bičurin had held onto having sent the other copy with a collection of his materials as an endowment to the Kazan Theological Academy.⁵ Petrov highlights a footnote in the manuscript which proves Bičurin's

³ NART. F. 10.5.847. P. 1–95. *Бичурин И. Голосовая система китайского языка и письма. 1842 г. Почерк писарский. Без переплета и титульного листа. Национальный Архив республики Татарстан. Хрон. кат. БКДА. № 1852. 97 л. На первом листе приписка Бичурина: «Голосовая система с замечаниями, написанными мною для Академии наук в 1842 году» [Bichurin I. Golosovaja sistema kitaiskogo yazyka i pisma. 1842. Pocherk pisarskiy. Bez pereplyota i titulnogo lista. Nazionalny archiv respubliki Tatarstan. BKDA. No. 1852. 97 p.] The front cover contains in Bichurin's handwriting: 'Golosovaya systema s zamechaniyami, napisannymi mnoyu dlya Akademii Nauk v 1842' [Phonetic system with comments, written for Academy of Sciences in 1842].*

⁴ Изложение голосовой системы китайского письма. Почерк – писарский, исправления – автограф. 1842 г. В лист. 43 л. Архив востоковедов ИРВ РАН. Ф. 7. № 35. Помета Н. Я. Бичурина: «Для хранения в азиатском музее» [Изложение голосовой системы китайского письма. Почерк – писарский, исправления – автограф. 1842. В лист. 43 л. Архив востоковедов ИРВ РАН. Ф. 7. № 35. Помета Н. Бичурина: 'Для хранения в азиатском музее' / Outline of the vocal system of the Chinese writing (handwriting – a scribe, corrections – autograph). 1842. 43 p. Archive of the Orientalists IOM RAS. F. 7. № 35. Bičurin's note: 'To keep in the Asiatic Museum'].

⁵ *Петров А. А. Рукописи по Китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве АТССР и в библиотеке Казанского университета // Библиография Востока. Вып. 10 (1936). Москва-Ленинград [Petrov A. Rukopisi po kitajevedeniju i mongolovedeniju, khranjaschiesja v Tsentral'nom arkhive ATSSR i v biblioteke Kazanskogo universiteta // Bibliografija Vostoka. Vyp. 10 (1936) / Petrov A. Manuscripts on Chinese and Mongolian studies, kept at the Central Archive of Tatar SSR and in the library of Kazan University // Bibliography of the Orient. Vol. 10 (1936)].*

authorship: ‘in 1838 I translated Chinese numismatics from Japanese, knowing neither the words nor the pronunciations of that language’⁶.

The manuscript that makes up the book you have in your hands is the copy of *Golosovaja sistema* sent by Bičurin to Kazan in 1849. The text contains Callery’s original synopsis of each chapter, translated into Russian, plus Father Iakinf’s commentary and marginalia. What we aim to present here is an illustrated sketch, with all its corrections, amendments and rewordings, so as to preserve and portray Bičurin’s vivid critical mind and method.

The layout here follows the original composition of the text. Bičurin’s translation into Russian is paralleled with his comments, chapter by chapter. His references and our editorial notes are provided sequentially in footnotes. All the examples in Chinese are presented as in the original text, with traditional characters followed by Russian alphabetic transcription elaborated by Father Iakinf⁷.

Bičurin’s translation of and commentary on *Systema Phoneticum* provides a unique record of Russia’s sinological heritage. It abounds in references to Chinese original sources, demonstrates Bičurin’s unequalled expertise, and presents an extensive vision of the fundamentals of the Chinese language as understood by Russian and Western European academics in the first half of the nineteenth century. The great value of the manuscript lies in its holding on to the ‘spirit of the commentator’, and in allowing the modern researcher to view, side by side, two distinct sinological traditions, the Russian and the Western European, and analyse the mechanisms whereby each of these traditions was formed and developed.

The great variety of subjects discussed in the dialogue between the author and the commentator includes the genesis of hieroglyphic writing systems and the internal structure and functions of a written sign,

⁶ Description of Chinese coins (translated from the Japanese by Monk Iakinf). Spb., 1838.

⁷ The editor makes special note here of the recent publication of the diaries of Egor Timkovskiy (1790–1875), which are viewed as something of a model for this publication and a helpful insight into the issues of the day: *Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах (с введением, статьями и научным комментарием)* / ред. Васильев Д. Д., Дубровская Д. В. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. 656 с. ISBN 978–5–89282–729–4 [Timkovskiy E. Travels through Mongolia to China in the years 1820 and 1821 (with introduction and notes) / Ed. Vasiliev D., Dubrovskaya D. Moscow, 2017].

various issues regarding phonetics such as the phonetic constituents of the language, the complexities of pronunciation and transcription, and the distinction between vernacular and written styles and dialects. An extensive chapter is dedicated to the lexicographic approaches of both Chinese and European scholars. A further section contains recommendations on practices for language learning and teaching.

Father Iakinf is known worldwide as the sinologist who introduced Chinese – not only Manchurian – texts corpora on history, geography, literature, lexicography and ethnography to the field of oriental studies and referenced them as a regular feature of his research method throughout his working life⁸. Bičurin's commentary in *Golosovaja sistema* is a perfect example of this approach, grounded as it is in thorough use of Chinese original sources. The manuscript is also peppered with acerbic comments addressed to Bičurin's European colleagues and counterparts.

The nature of Father Iakinf's critical observations of Callery's key premises helps us see still further into the origin and development of the different theoretical approaches in early oriental studies in Europe. As we know, Callery was seeking to demonstrate the phonetic nature of Chinese writing, to identify the phonetic components of the characters, and to present the evolution of the Chinese script through the prism of phonetics. He was inspired in these efforts by J.-F. Champollion's work on deciphering Egyptian hieroglyphs from a decade earlier⁹. Callery's *idéestemae* was as follows:

⁸ Мясников В. С., Попова И. Ф. Вклад о. Иакинфа в мировую синологию. К 225-летию со дня рождения члена-корреспондента Н. Я. Бичурина // Вестник Российской Академии наук. 2002. Т. 72. № 12. С. 1099–1106 [Myasnikov V., Popova I. Vklad o. Iakinf v mirovujuju sinologiju. K 225-letiju so dnya rozhdenija člena-korrespondenta N. J. Bičurina // Vestnik Rossijskoj Akademii nauk. 2002. T. 72. № 12. S. 1099–1106].

⁹ Champollion J.-F. Grammaire Égyptienne, ou Pricipes Généraux de l'écriture sacrée égyptienne appliqué à la representation de la langue parlée. Paris, 1836. See also: Young T. An Account of Some Recent Discoveries in Hieroglyphical Literature and Egyptian Antiquities: Including the Author's Original Alphabet, as Extended by Mr. Champollion, with a Translation of Five Unpublished Greek and Egyptian Manuscripts (London, 1823). For more on the phonetic (as opposed to ideographic) nature of the Chinese script, see: DuPonceau P. S. Dissertation on the Nature and Character of the Chinese System of Writing // American Philosophical Society, Philadelphia, 1838; Lay G. T. A new analysis of the Chinese language. Its nature explained, with some reflections on its use in the development of native science and philosophy // Chinese Repository. 1838. Vol. VII (May). P. 255–264; DeFrancis J. The Chinese Language: Fact and Fantasy. University of Hawaii Press, 1984; Harbsmeier C. Science and Civilisation in China (Joseph Needham): Vol VII: Language and Logic. Cambridge, 1998. P. 34–37.

If the Chinese writing system were to consist of composite signs only ('compositas', containing both phonetic and radical components), it should be named an ideophonetic. However, because when phonetic components and radical components ('classificas') are used separately they can obtain their own particular reading and meaning, it should be concluded that the Chinese script is primarily phonetic, and only secondarily ideophonetic [Callery 1841: 10–11]¹⁰.

Determined to demonstrate the striking contrast between his novel ideas and the traditional radical-based approach, Callery appeared captivated by the idea of the dominant role of phonetic elements in the design of the Chinese script and aimed to elaborate a new approach to the arrangement of Chinese bilingual dictionaries.

A strong adherent of classical doctrine, Bičurin did not share Callery's standpoint and claimed that Chinese characters were:

...nothing more than a depiction of ideas with no connection to the sounds of any given language. Everyone, therefore, who knows the meanings of the Chinese characters can read them in the words of their native tongues, just as people can read Latin or Arab numerals. As proof, it is enough to witness Koreans, Siamese and Japanese, who do not speak each other's languages, communicate successfully in Beijing by means of the Chinese script [*Golos-ovaja istema*: 15].

His next point continues in a similar vein:

Callery supposes that the Chinese writing signs represent vocal words, i. e. the names of things, written down in characters, and for this reason, he calls the Chinese script purely phonic. But the truth is quite the opposite. There are no words in Chinese because the Chinese speak in syllables. Each sound, if pronounced separately, has no meaning at all; it is only in connection to other sounds that a sound becomes meaningful. In writing, on the other hand, there is a unique sign for each syllable in this or that meaning, and such a sign represents an idea of the thing denoted by the sound. Thus, a sign takes from a thing its vocal name, which

¹⁰ All translations into English hereinafter are by the editor.

means that a sign itself, and not the reading of a sign, is the denotation of a thing. This is the essence of the Chinese script, and this script is therefore purely ideographic [*Golosovaja sistema*: 6–)].

A point made by John DeFrancis (1984) is relevant here: ‘The term [ideographic] itself is responsible for a good deal of the misunderstanding and should be replaced, since its repetitious use, as in the big lie technique and in subliminal advertising, insidiously influences our thinking’¹¹. Indeed, as we see throughout the manuscript, theoretical indications of ideography made by both authors are obviously relevant to the factual data of the Chinese language; it is the denotation of these indications that varies greatly, depending on the context and subject matter of a particular paragraph. The same lively discussion continues through the succeeding chapters on the origin and evolution of the Chinese script.

One of the comments from Father Iakinf concerning radicals demonstrates the delicate interplay between the theoretical platforms and pathways of the two writers, twisting and turning in search of accurate definitions:

As to Callery’s opinion that radical letters are ideographic signs that distinguish between words with similar pronunciation, this is another false definition of ideographic letters: radical letters indicate only the class of idea to which a certain character belongs; ideographic letters indicate the meaning they bear and represent the idea of a certain thing in general [*Golosovaja sistema*: 3)].

As a pioneer in sinology, Bičurin had no suitable terminological system to hand, so the meta-language used throughout the text of *Golosovaja sistema* is ambiguous and inconsistent: definitions of ‘ideography’ are many and various; the word ‘phoneticum’ is translated as either ‘voiced’ or ‘vocal’ [голосовой], and ‘alphabetic’ is used interchangeably with ‘lettered’ [буквенный] in the Russian text; Chinese characters are called ‘letters’ [буквы]; and the distinction between ‘word’ [слово], ‘syllable’ [слог] and ‘sound’ [звук] is somewhat vague when related to Chinese phonetic representations. Nonetheless, analysis of the original

¹¹ DeFrancis J. *The Chinese Language: Fact and Fantasy*. University of Hawaii Press, 1984. P. 147.

Latin of *Systema* alongside its interpretation in Russian reveals a good deal about how terminology in the field of Chinese linguistics was generated and in different languages and how it developed.

Regardless of the ambiguous definitions they contain, the passages above reveal the dynamics of the kind of scholarly polemic that takes place when one author attempts to overcome conventional practice in search of new theoretical dimensions and his commentator rejects the new concept as an unnecessary complication of the existing order.

Here, we recall the work of another eminent nineteenth-century Russian sinologist Vasilij Pavlovič Vasil'ev (1818–1900), who began his research while a student of the XIIth Orthodox Mission in Beijing (1840–1849)¹². Especially noteworthy is the section of his *Grafičeskaja sistema* (1867)¹³ in which he offers an enthusiastic apology for Callery's *Systema*, appreciating Callery's novel ideas and reproaching his contemporaries for neglecting the potential benefits of this piece of work:

But it was not until 1841 when the first valuable work appeared. We mean the Chinese dictionary by M. Callery 'Systema Phonicum' (Macao). This work seems to have been underestimated. European sinologists, having already at hand good dictionaries based on a radical-strokes classification, published in France and England, obviously were not guided by Callery's lexicon, and simply did not mention it. Neither did they recommend the book to their pupils. It can be said that celebrated European sinologists somehow forced Callery out of the stage. Meanwhile, if Callery's approach continued to be developed, now, more than twenty five years later, we would have nothing to sigh for: there might be excellent lexicons at our disposal.

¹² Gorbacheva Z. I.; Petrov N. A. and others. Russkij kitajeved Akademik Vasilij Pavlovich Vasil'ev (1818–1900) // Očerki po istorii russkogo vostokovedeniya. Moscow, 1956. Vol. 2. P. 232–340. (In Russ.); Walravens H. Vasilij Pavlovič Vasil'ev (1818–1900) Zu Leben Und Werk Des Russischen Sinologen // Oriens Extremus. 2009. No. 48. P. 199–249.

¹³ Васильев В. Анализ китайских иероглифов. С.-Петербург, 1866 [Vasil'ev V. Analiz kitajskih ijeroglifov. S.-Peterburg, 1866]; Васильев В. П. Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого русско-китайского словаря. СПб., 1867. Репринтное издание: СПб.: НП-Принт, 2010 [Vasil'ev, V. Grafičeskaja sistema kitajskih ijeroglifov. Opyt pervogo russko-kitajskogo slovaryja. 1867. Reprint. S-Pb., 2010].

There are lexicons in Europe which could be sufficient enough, if only arranged by Callery's system. Meantime, we know that M. Pauthier and M. Julien are preparing new dictionaries based on the classical radical system¹⁴. We believe that this stubborn adherence to the old routine is only holding back the progress of the Chinese-language learner. A phonetic system is a natural way to study the elements of a script [Vasil'ev 1867: IV].

Vasil'ev managed to highlight and argue for Callery's most advanced theses concerning the functionality of the phonetic elements of the Chinese script. In his *Analysis of the Chinese characters* (1st edn. 1866), he postulated (avoiding prevalent axioms) the departure from established practice:

It is evident that the substance of a character is in its phonetic grapheme, and not in a radical¹⁵. The word 'radical' is deceptive in its meaning: as if radicals could uncover the essence of a character! Whereas in fact a radical is nothing but a conventional lexical instrument used to search for a necessary character in a dictionary arrangement. The significance of a radical is no more than the significance of the letter 'b' in all the words beginning with 'b' in an alphabetical dictionary. The term 'radical' implies that it contains the essence of meaning in itself, while other elements and parts of a character, no matter how complex they are, appear to be somewhat supplementary [Vasil'ev 1898 (2nd edn.): 39].

Callery's *Systema* could be viewed as a pioneering attempt to synthesize the traditional radical-based system with a new method of lexical arrangement based on phonetic parameters. This attempt, however, was neither accepted nor developed by other specialists in the field¹⁶.

Reflecting on theoretical endeavours similar to those of Callery, Bičurin and Vasil'ev, D. Lurie once noted that, 'the nature of writing and its relationship to language is a topic in which scholarly identity is often

¹⁴ Guillaume Pauthier (1801–1873) and Stanislas Julien (1797–1873) were leading nineteenth-century French sinologists.

¹⁵ The word used in the Russian text for 'radical' is 'ключ' (meaning 'key' or 'clue').

¹⁶ A. Schiefner seemed to share this viewpoint, as cited by H. Walravens on p. 260 in *Letters of A. Schiefner about V. P. Vasil'ev* // *Письменные памятники Востока*. 2008. № 1 (8). С. 251–264.

at stake'¹⁷. The *Golosovaja sistema* manuscript offers an example of the acceptability (or unacceptability) of a new idea at a certain stage in the history of a science, as S. Breitenbach wrote in her introduction to the translation of Varo's *Arte de la Lengua Mandarin* (1703): 'New ideas and insights, even though seemingly expressed spontaneously by an individual, must be accepted and judged by a set of already existing values shared by a large community, since otherwise it would be practically impossible to assess the worth of the proposed innovation. Incorporating this perspective into the argumentation and transferring it to the early missionary studies, there seems to be a correlation between the process of how opinions are created and how they are in turn accepted by a specific community at large or constrained by a specific climate of opinion.' The manuscript you have in your hands seems a perfect illustration of such a 'correlation'.

It will be helpful to conclude these opening remarks with a brief exploration of the history of connections in the world of nineteenth-century European sinology. The comments on Chapter IX of Callery in *Golosovaja sistema* contain an interesting remark: 'There is no language in Europe which could offer written signs explicitly applicable to the transcription of Chinese sounds. Callery's preferences are Italian, French, and especially Portuguese – his mother tongue' (p. 54). What this comment reveals is that Bičurin was certain that his counterpart was a native of Portugal: the *Systema Phoneticum* was indeed published in Macao, a Portuguese trading port at the time, and its author repeatedly refers to the achievements of his teacher, the Portuguese missionary J. A. Gonçalves. Otherwise, Bičurin had no indication of Callery's origins. Furthermore, the original language of the composition was Latin. This peripheral observation shows us the nature of academic connections at the time, when dialogues such as this, spread across time and space between scholars unacquainted with each other, appear to operate in a manner similar to time-lapse photography, in contrast to the instant access to data and sources enjoyed by modern-day academics.

¹⁷ Lurie D. Language, writing, and disciplinarity in the critique of the 'Ideographic Myth': Some proleptical remarks // Language & Communication. 2006. No. 26. P. 267.

Another precious constituent of the folio is its marginalia, which include occasional remarks in pencil made by the hand of an ‘unknown’ reader. It can be asserted, however, that the reader was none other than Vasilij Pavlovič Vasil’ev. On his return from China in 1850, Vasil’ev immediately entered the world of academia and was offered the chair in Chinese philology at the University of Kazan, thus gaining immediate access to the department’s Chinese collection. That the marginal notes refer mainly to passages regarding methods of compiling Chinese dictionaries and to the lexicographic history of European sinology again witnesses to Vasil’ev’s authorship: Vasil’ev was especially interested in these matters while he was elaborating his notable and novel graphic system of the Chinese script and compiling his first Russian-Chinese dictionary.

For example, page 45 contains Bičurin’s comments about the conventional order of strokes in Chinese characters. A pencil note says: ‘These six strokes are not enough!’ Indeed, the six strokes, traditionally indicated as basic strokes, were reconsidered by Vasil’ev in his *Grafičeskaja sistema* (1867) and amended with their variations:

As to the number of basic strokes in the Chinese script, there is no consensus about it among the Chinese themselves. However, if those eight strokes that we indicated more than a decade earlier can be regarded as the indexes of the main categories, we nevertheless have realized that the more strokes we determine as basic the easier it will be to remember characters and to find them in a dictionary. Thus, we have taken nineteen basic strokes to allocate all the characters [Vasil’ev 1867: IX].

This passage shows how Vasil’ev’s thinking developed over time: from his initial dissatisfaction with the usual set of six (or eight) strokes, which he sketched out in pencil in the margins of *Systema Phoneticum*, to the elaborated concept of *Grafičeskaja sistema* with the extended set of nineteen basic strokes.

Among Bičurin’s critical notes on Chapter XI of Callery’s work we find some explicit observations on the origin and structure of all basic Chinese dictionaries, as well as those composed by Europeans. Naturally, Callery indicated a lack of understanding in all these authors, Chinese and European, of the phonetic essence of the Chinese script, thus

justifying his need to compile an innovative lexicon based purely on the phonetic principle. Father Iakinf refuses to agree with Callery's judgments concerning some of the 'deficiencies' of Chinese dictionaries, and states that, 'the structure of 康熙字典 Kāngxī Zìdiǎn is the ideal standard even for most recent European dictionaries' [*Golosovaja sistema*: 78]¹⁸. He shares Callery's opinion of De Guignes's *Dictionnaire Chinois, Francois et Latin* (Paris, 1813). Of Gonçalves's contributions (*Arte China, Dictionario China-Portuguez* and *Dictionario Portuguez-China*), Bičurin wrote:

I expressed my praise for Gonçalves's grammar and dictionary in the prologue to my own Chinese grammar long ago. This dictionary, like Morrison's, contains plenty of examples of colloquial style; both dictionaries were obviously intended for the basic education of future missionaries. Callery seems to be satisfied with the new arrangement of words by the number of strokes of which they are composed, his only regret being the lack of an ideophonetic system [*Golosovaja sistema*: 80].

Callery's comment regarding Morrison's translation of the Bible into Chinese – which appears to have been based on a formerly unknown translation by Jesuits¹⁹ – is annotated by thought-provoking marginal note in pencil: 'That's not true! The Jesuits' translation is better by far.'

The next section of Callery's text reveals his critical notes on Gonçalves's three Latin-Chinese dictionaries, about which Vasil'ev also pencilled marginal notes. Concerning *Vocabularium Latino-Sinicum* (Macao, 1836), Callery notes that, 'it is far too concise and can be used by beginners for vernacular language only' [Callery 1841: 81]²⁰. Vasiliev's note adds, 'But that was precisely the purpose of that edition!' [*Golos-*

¹⁸ 康熙字典 Kāngxī Zìdiǎn is a major dictionary from the early Qing dynasty compiled under the auspices of the Kāngxī emperor (temple name Shèngzǔ 聖祖, 1661–1721) between 1710 and 1716.

¹⁹ Callery insists that the manuscript with the Bible translation was handed over to the English missionaries by the incautious procurator J. Marchini [Callery 1841: 80]. See also: *Samuel Bagster and Sons. The Bible of every land*. London, 1860. P. 5.

²⁰ '...nimis compendiatum est, et pro vulgari duntaxat loquela tyronibus inservire potest' [Callery 1841 (I): 81].

ovaja sistema: 88]. Furthermore, marginal notes about *Lexicon Magnum Latino-Sinicum: ostendens etymologiam, posodiam et constuctionem vocabulorum* (Macao, 1841) claim that, 'the authorship of this lexicon does not belong to Gonçalves but to previous missionaries', and then, answering Callery's question, 'Why did he not [therefore] simply use his own Portuguese-Chinese version of the dictionary?' [Ibid: 82], Vasil'ev notes: 'For he obviously intended to publish someone else's manuscript!'

The ambiguous nature of the above remarks points us back to Callery's own *Notices of J. A. Gonçalves*, published in *Chinese Repository* in 1846 (several years after Bičurin's comments on *Systema Phonicum*): 'I will not speak of the Chinese translation of the New Testament attributed to Father Gonçalves, but which was not really his – as he himself told me repeatedly when it was proposed to him to commit it to the press'²¹. This observation leads us to imagine there might have been other works attributed to Gonçalves which were not in fact his, but I am not aware of any researcher, Callery included, ever doubting Gonçalves's authorship of *Lexicon Magnum*.

I hope that in these few passages I have managed to sketch the history of the manuscript itself, as well as a relevant period in the history of sinological linguistics, the history of the theoretical search for an authentic approach to Chinese language characterization, along with the lively interaction of the personalities involved, all of which composed an important chapter in the genesis of European sinology.

At the end of Chapter XII (the final chapter) of the comments to *Systema Phonicum*, Father Iakinf tells of his own experience of learning the Chinese language:

When they come to China, European missionaries seek to learn and master the Chinese language, but the method chosen becomes a matter of preference. This being so, it is common among beginners to waste a lot of time on learning from erroneous or inappropriate sources. I know this very well from my own experience. During the first four years of my stay in Beijing, I worked hard to learn the language, but failed to grasp the essence of it. Everything in it seemed to be in complete contradiction to the rules concern-

²¹ Chinese Repository. 1846. Jan–Dec. Vol. XV. P. 74.

ing word order in all European languages. It took me quite a time before I realized that the reason for that contradiction is hidden in the internal structure of the Chinese language, which is entirely different from those of Europe. Nowadays, newcomers have at hand Chinese grammars compiled for them and are able to acquire a good command of the language within a matter of months [*Golosovaja sistema*: 90–91].

The principles of language analysis established by Bičurin in his earlier works prompted a shift towards Chinese language-related sources, together with being more mindful of the Chinese national philological tradition and respectful of such a distinctive society and civilization. All these developments set the tone for the future course of Russian sinological studies. Later, this highly original scholarly approach would merge with the mainstream of European sinology and become fully integrated into European academic endeavour. We believe that the text of *Golosovaja sistema* and the story behind it is a precious gift to all of us twenty-first century researchers, helping us to better decipher the *neural pathways* between different academic schools and theoretical paradigms across time.

Acknowledgments

This project would not have been possible without the concerted efforts of all those who devoted themselves to turning the draft manuscript into the book you are now reading. They are all deserving of our praise and gratitude. I am especially thankful to Oksana Lesko (Masyagina) for assistance with the digitization of the manuscript, to colleagues at the Institute of Oriental Studies for their thoughtful reviews and advice.

[Лист 1]

ГОЛОСОВАЯ СИСТЕМА С ЗАМЕЧАНИЯМИ, НАПИСАННЫМИ ДЛЯ АКАДЕМИИ НАУК В 1842 ГОДУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сочинение под латинским заглавием *Systema phoneticum scripturae sinicae* представляет фонетическую, т. е. голосовую систему китайских письмен, противоположную прежней ключевой системе, утвержденной китайскими филологами на существенных свойствах китайского письма и принятой всеми европейскими синологами. Это сочинение состоит из двух частей. В первой из них Каллери в двенадцати главах излагает общие и собственные свои мнения о свойствах китайского письма, в конце присовокуплены: I. Список основных – по его голосовой системе – букв, разделенный на два отделения, из которых в первом содержатся голосовые *phoneticae litterae*; во втором ключевые *classificae litterae*. II. Список голосовых, напечатанный тремя образцами письма: нынешним писцовым, нынешним скорописным и древним писцовым; III. Азбучная таблица, заключающая в себе все слова или звуки китайского языка и примеры из голосовых букв, соответствующие каждому звуку; IV. Выражения, составленные разговорным слогом из одних голосовых и разделенные на главы по числительному порядку черт, составляющих буквы. Например, в первой главе буквы состоят из двух черт, во второй – из двух и трех, в третьей – из трех и четырех, и т. д.

Во второй части помещен I. Словарь фонетических китайских букв по новому, доньше ни китайцам, ни европейским синологам не известному порядку. К новости голосовой системы китайского языка Каллери придал необыкновенное название своему сло-

варю: Голосо-азбукоряды, в которых расположены китайские буквы (*Ordines phonetico-alphabetici quibus sinensium litteræ circumscribuntur*)²².

1. Список разностей и синоним, то есть букв, употребляемых в двух видах – без перемены выговора и значения.

Чтоб раскрыть, до какой степени основательны суждения, по которым сочинитель составил голосовую систему китайских письмен, для сего нужно нам прежде сокращенно изложить основные начала системы, а потом применить сии начала к основным правилам китайского письма, извлеченным из существенных его свойств.

Такого расположения я предположил держаться при рассмотрении голосовой системы китайского письма. Много мест, подлежащих замечанию, но я не буду на них обращать внимания.

[Лист 2]

Каллери в предисловии к сочинению излагает свои мысли в отношении ко всему сочинению, а нам нужно заметить только то, что относится к цели наших критических исследований.

В начале предисловия он утвердительно говорит, что китайские письмена наибольшей частью суть голосовые, тесно соединенные со звуками, т. е. словами китайского языка, а не букварные или идеографические, как вообще думали о них до настоящего времени. В сих коротких словах весьма ясно раскрыто существенное содержание всего сочинения. В конце предисловия заметим любопытные слова сочинителя: «да поможет мне Бог опровергнуть бесчисленные заблуждения насчет Китайской Империи, распространяемые с конца XVI в. до наших дней».

Такое свидетельство миссионера о своих собратьях относится не к одной голосовой системе и достойно общего замечания в Европе, потому что написано здравым разумом. «Впрочем, сознаюсь, – пишет Каллери в заключении к предисловию, – что там, где нет фактов к подтверждению моих мнений, и я мог погрешить иногда, и мой труд в некоторых отношениях не избегнет справедли-

²² Здесь и далее подчеркивание – как в тексте рукописи.

вой критики. По крайней мере утешаюсь надеждой, что труд мой и в настоящем виде может быть очень полезен обучающимся китайскому языку, и впоследствии послужит основанием для составления общего и основного словаря помянутого языка».

[Лист 36]

ГЛАВА I

О разных родах письма

[перевод]

Хотя системы письма, образовавшиеся у разных народов, неодинаково определены писателями, судившими о них, но все системы можно привести к двум разрядам, из которых первый объемлет письма идеографические *scripturas ideographicas*, последний – письма голосовые *scripturas phoneticas*.

Идеографическим называется такое письмо, в котором понятия представляются немymi знаками или знаменательными изображениями, совершенно не имеющими выговора. Такое письмо, по его происхождению, разделяется на живописное *pictorica* и знаменательное *symbolica scriptura*. Живописное, иначе – подражательное, письмо представляет видимые предметы очертаниями внешнего устройства. В знаменательном письме отображаемые предметы не то значат, что представляют собой, но по своим свойствам или, по общему мнению, заключают в себе понятие об отвлеченных вещах, которых без знаков каких-либо невозможно представить видимыми. Сии два способа представлять понятия мало разнятся от

[Лист 46]

живописи, и посему не могут, собственно, называться системами письма. Голосовым называется такое письмо, в котором сами слова изображаются известными какими-либо знаками. А так как знаками можно представлять целые слова или слоги слов, или буквы для составления слогов, то и голосовое письмо может быть разде-

лено на словописное *lexicographica*²³, слоговое *sillabica* и буквенное *alphabetica scriptura*.

В словописном письме каждый знак заключает в себе выговор целого слова без отношения к составным частям знака. К этому виду принадлежат древние мексиканские и нынешние китайские письмена, равно и числительные знаки, которые в каждом языке соответствуют известному слову.

В слоговом письме каждый буквенный знак представляет один слог или однократное испускание выдоха, так что односложные слова можно изобразить одним, двусложное – двумя знаками и т. д. К этому разряду можно отнести письмо японское, корейское²⁴, частью санскритское с его отраслями и письмена семитические, в которых по большей части одна согласная заключает в себе целый

[Лист 56]

слог, а гласные даже не имеют собственных знаков.

В буквенном письме сами слоги разлагаются на составные части и каждая часть отдельно изображается каким-либо знаком. Таковы суть древние и нынешние европейские письмена.

Далее, хотя знаки, употребляемые в голосовом письме, изобретены для приведения слов на память, но ничто не препятствует им представлять взору сразу и внешнее очертание предметов и качества их, так как и в письме идеографическом. Сим образом древние египетские иероглифы и китайские письмена нередко представляют собой название и образ видимых вещей. Так, в некоторых азбуках, например в еврейской и самаритянской, находятся такие буквы, которые с первого взгляда представляются как бы грубой видописью вещей, название которых заключают в себе.

²³ «Словописный» в переводе о. Иакинфа – калька латинского термина. Здесь и далее в оригинальном тексте Каллери использует слово *lexigraphicum* [Calleri 1841: 10].

²⁴ Прим. Бичурина: «И японцы, и корейцы по ученой части употребляют китайское письмо, а простой народ для частных нужд имеет свое письмо, в котором каждая буква заключает в себе целый слог».

[Лист 4]

ГЛАВА I

О разных родах письма

[комментарии]

Разделение существующих в мире видов письма на два главных разряда – идеографический и голосовой – справедливо. В подразделениях идеографического письма на живописное и знаменательное, а голосового на словописное, слоговое и буквенное также нет погрешности. Но есть неточность в самих определениях идеографического письма с его подразделениями.

Слоговое и буквенное письмо, подобно идеографическому, состоит из условных же знаков. В первом знаками изображаются слоги для составления слов, а во втором – звуки голоса для составления слогов. Но слоги и звуки никаких понятий не заключают в себе. Напротив, идеографическое письмо состоит из условных знаков, определенных для представления понятий о вещах. Таково есть общее мнение и китайских филологов, и европейских китаесловов о китайском письме, и мнение самое непогрешительное.

Но Каллери под идеографическим письмом в сей главе разумеет очерки предметов. Почему в общем определении он говорит, что в идеографических буквах понятия о вещах представляются

[Лист 5]

немыми знаками, или знаменательными изображениями, совершенно не имеющими выговора.

Определение знаменательного письма вполне относится к эмблематической картине, на которой отвлеченные понятия представляются в видимых предметах, имеющих свойства представляемых понятий. Например, изображения тигра, кошки, круга означают лютость, вероломство, вечность. Сии два способа представлять понятия в живописи, действительно, не к письмам, а к живописи относятся. Такие буквы точно суть картины, в которых представля-

ются нам виды предметов, а не понятия о предметах. Идеографические буквы, напротив, соответственно буквальному значению слова «идеографизм», должны представлять нам понятия о предметах, а не виды предметов. Впрочем, Каллери в следующих главах совершенно изменяет свое определение идеографизма. Там он под идеографическими буквами понимает новоназванные им буквы идеофонетические, в которых ключевая показывает, к какому роду понятий принадлежит буква, а голосовая показывает выговор буквы.

Таковой неточностью в определениях Каллери думал опровергнуть всеми признанный идеографизм китайских письмен, и через то проложить себе свободный путь к тем ложным положениям, на которых предполагал основать голосовую систему китайского письма. Очевидно, что он в определении

[Лист 6]

идеографического письма с намерением опустил слово условный, которое одно разрушает удивительное основание голосовой системы его. На сей конец вместо слова «условный» употребил «немые знаки без выговоров», а для устранения затруднительных противоречий допустил голосовым буквам иногда представлять собою внешнее очертание предметов и качеств их, так как в письме идеографическом.

В определении голосовых с их подразделениями нет погрешности, но в приложении свойства голосовых к китайским письменам обнаружено превратное суждение о вещах, существенно связанных с сим предметом, что ниже увидим.

Не имею перед собой сочинений европейских китаесловов о китайском письме и потому не могу сказать, включали ли они в определение идеографических букв условность, а условность есть существенное и главное свойство идеографизма, которое, может быть, остановило бы Каллери на новом пути, пролагаемом для голосовой системы.

[Лист 56]

ГЛАВА II

О идеографическом письме

[перевод]

Если в основание принять положение, что понятия не могут быть представлены мыслью без помощи слов, то видно, что всякое чертежное письмо,

[Лист 66]

изобретенное для представления понятий средствами зрения, необходимо должно быть голосовое; а по сему все идеографические системы, если только существовали когда-либо, должны быть исключены из числа писмен, собственно так названных.

В самой вещи идеографические знаки, представляющие образ вещей – без отношения к названию каждой, – суть токмо бездущные изображения, совершенно не имеющие ни движения, ни смысла. Человек, смотря на таковые знаки, ощущает вещественные впечатления подобно бессмысленным животным; и мало того, что можем представлять себе образы вещей, даже несуществующих. Для возбуждения умственных понятий идеографические знаки совершенно бесполезны; а нужны голосовые знаки; потому что уму для представления ясных понятий нужны слова. Сию истину, кажется, подтверждают египетские иероглифы, китайские буквы и мексиканские видописи: но по нынешним исследованиям ученых более и более проясняется, что помянутые /три/ системы суть совершенно голосовые, или по крайней мере

[Лист 76]

идео-фонетические.

Что касается до китайских букв, настоящий труд с тою целью и предпринят, чтобы доказать, что они составлены по голосовой системе: почему с полной уверенностью могу заключить, что письма

чисто идеографического никогда не было в общем употреблении и все системы чертежные *graphica systemata*, заслуживающие названия письма, были совершенно голосовыми, или по крайней мере идео-фонетическими.

[Лист 6]

Глава II О идеографическом письме [комментарии]

Во второй главе Каллери решается поколебать идеографизм с другой стороны. Основываясь на положении, что понятия не могут быть представлены мыслью без помощи слов, продолжает развивать свое мнение, что

[Лист 7]

чисто идеографическое письмо, то есть без слов или без отношения к словам, не может возбуждать умственных понятий; а посему всякое чертежное письмо, представляющее понятия посредством зрения, необходимо должно быть голосовое. Отсюда выводит заключение, что чисто идеографическое письмо для возбуждения умственных понятий совершенно бесполезно.

Положение, что понятия возбуждаются в них предметами или словами, основательно, но выводы о идеографических письменах ложны; потому что основаны на ложном определении сего письма. Невозможно даже представить себе, чтобы какое-либо письмо было без слов, какими буквами ни изображались бы они, складываемыми, то есть азбучными, или нескладываемыми, то есть идеографическими, что увидим из описания свойств чисто идеографического письма.

Идеографическое письмо состоит из знаков, из которых каждый условно представляет понятие о каком-либо чувственном, умственном или отвлеченном предмете. Таковые условные знаки Каллери основательно назвал словописными

[далее следует вставка на Листах 86 и 9 (см. ниже), продолжение текста комментария – Лист 10]

буквами, потому что каждая идеографическая буква, несмотря на вид ее сложения, содержит в себе понятие о предмете, а предметы не могут быть без названий, т. е. без слов. Как все сочинение Каллери обращается на двусложной оси, коей отрицательная половина заключает в себе идеографизм, а положительная – голосовую систему, то рассмотрим обе сии части повнимательнее.

// Ссылка Каллери на нынешние исследования ученых есть также ложная; даже сам он во многих местах выражается, что он есть первый из синологов, который приметил, что китайское письмо основано на голосовой системе, и посему принимает на себя труд совершенно доказать, что чисто идеографическое письмо, в котором буквы – по его определению – без слов, никогда и нигде не могло существовать, а все чертежные системы были голосовые, или по крайней мере идеофонетические.

[Лист 86]

/// Каллери, не вникнув в истинное значение букв вынь-цзы 文字, полагает, что знаки, составляющие китайское письмо, представляют слова, т. е. названия предметов, написанные буквами; и на этом основании называет китайское письмо чисто голосовым. Если в основание принять положение, что вещи существовали прежде своих названий, то выходит, что не вещи приданы к названиям, а названия вымышлены для вещей и с первого их соединения с вещами необходимо слиты с понятиями о вещах, ими означаемых.

Слова суть названия вещей и нераздельны с понятиями означаемых ими вещей; следовательно, в слоговом и буквенном письме сами слова заключают в себе понятия о вещах, и такое письмо есть чисто голосовое, когда по изучении азбуки можно читать и ничего не понимать. В китайском языке, напротив, нет слов, а китайцы говорят звуками, из коих каждый, порознь взятый, совершенно не имеет положительного значения, а получает оное, когда употребляется в связи с другими звуками. На письме для выражения каждого звука, взятого в известном каком-либо значении, вымышлен

отличительный знак, условно представляющий понятие об означаемой звуком вещи. И как знаки название, т. е. свой выговор получили от вещей, ими означаемых, то следует, что в самом знаке, а не в выговоре знака заключается понятие о вещи. Таково есть в существе своем китайское письмо, и такое письмо есть чисто идеографическое, которое народ, зная значение букв, может читать на собственном языке, не зная китайского.

[Лист 9]

Китайские письма на китайском языке называются двумя словами: вынь-цзы 文字. Буква вынь, собственно, значит «разноцветные узоры на шелковой ткани», а в отношении к письму – «очерк», «рисунок» (Каллери неправильно перевел это слово «украшения», см. Ч. I, стр. 16). Слово цзы, собственно, значит «любить», а в отношении к письму «наименование, сверх имени данное». В древности письма и буквы китайские назывались 名 мин, что значит «имя или название вещи»; а впоследствии названы цзы, что значит «наименование» (см. «Обряды династии Чжу, Чжоу-ли») ²⁵. В предисловии к «Древней Истории (Шан-шу)» ²⁶ сказано: «Фу-ши, получив престол Империи, начертал восемь знаков и составил письма, чтобы заменить ими управление делами по веревочным узелкам. С сего времени восприяли по обычаю письма: вынь-цзы. Значение слова вынь известно, а вынь-цзы от слова в слово значит «книга», а собственно «таблица с очерками или рисунками». В предисловии к словарю «Шо-вынь» ²⁷ сказано: «Цан-цзы при составлении письма сначала снимал рисунки с вещей, и посему письма названы были очерками вынь; впоследствии, когда к изображениям вещей присоединили голос, т. е. слова, то и сами буквы названы наименованиями цзы». Из всего вышесказанного открывается, что

²⁵ Речь идет о «周禮» zhōulǐ «Чжоуские ритуалы», памятнике китайской классической литературы, входящем в конфуцианское «Тринадцатикнижие».

²⁶ 尚書 shàng shū «Шан-шу» – одно из названий сборника «Шу-цзин» 書經 shū jīng, классической книги, входящей в конфуцианское «Пятикнижие».

²⁷ «Шовэнь цзецзы» 說文解字 shuōwén jiězì «Толкование простых и объяснение сложных иероглифов», словарь II в.

первую мысль к изобретению китайского письма подали вынь, т. е. рисунки и очерки видимых предметов; а когда эти рисунки получили свойство письма, то названы были именами цзы. Итак, вынь-цзы в соединении от слова в слово значат «имена или названия очерков». И ныне слово вынь означает общее название букв, т. е. письма *scriptura*, а каждая буква, отдельно взятая, называется цзы. Вид письма, изображенный историком Чжоу в конце IX в. перед Р. Х., так же, как и гу-вынь, назван был Чжоу-вынь²⁸.

[Лист 76]

ГЛАВА III

О системе китайского письма

[перевод]

Всякое письмо, собственно так называемое, необходимо есть голосовое или по крайней мере идео-фонетическое. Это есть самоистина, которая предшествовала

[Лист 106]

образованию письма китайского и египетского и которая составляет ключ к раскрытию тайнств в помянутых письменах. Почти все сочинители, которые писали о китайских буквах, не обращая внимания на голосовое свойство их, почли их чисто идеографическими, живописными или знаменательными, столь далекими от выговора слов, что могут быть в употреблении у разных народов, говорящих совершенно различными языками. Иезуиты, которые предупредили всех европейцев сообщением Европе первых сведений о китайском языке, вообще в своих сочинениях утверждали, что китайские буквы суть не что иное, как изображения, совершенно не имеющие связи с выговорами, и потому

²⁸ «Ши Чжоу пянь» 史籀篇 Shǐzhòupiān «Книга историографа Чжоу» – первый кодифицированный список китайских иероглифов, составленный в эпоху западной династии Чжоу, IX–VIII вв. до н. э.

каждый народ может читать их на собственном языке, как общее письмо. Фурмон, Дегинь, Маршман, Моррисон и Абель-Ремюза также пишут, что китайские письма суть изображения понятий, а не слов. Все сии, и многие другие китаесловы, не исключая самого великого Гонзальвеса, мнение о идеографизме китайского письма почерпнули из сочинений иезуитов.

После того, как в Китае начали выше ценить знание письмен, один из китайских филологов сделал разбор буквам,

[Лист 116]

известным в его время, и по качествам разделил их на шесть разрядов под общим заглавием «Лю Шу» 六書 «Шесть книг».

В первом разряде помещены буквы изобразительные *figurae imitatorias*, которыми видописно представляют образ означаемых ими предметов.

Во втором разряде помещены буквы указательные *rerum indicatorias*, которые указательно представляют свойства вещей или сами вещи.

К третьему разряду относятся буквы собирательные *agregantes*, коих значение проистекает из соединения простых букв, порознь имеющих другое значение.

К четвертому разряду принадлежат буквы тоносогласительные *sono adjunctae*, в коих одна половина есть чисто голосовая и придается единственно для показания названия вещи, означаемой другой половиной буквы.

Пятый разряд содержит в себе буквы заимствованные *fictitiam significacionem accipientes*, которые от собственного смысла переходят к иносказательному или переносному, а иногда к совершенно

[Лист 126]

противоположному.

К шестому разряду принадлежат буквы обратные *inversae*, коих смысл изменяется при совершенном или небольшом их превращении.

Такое разделение букв на разряды было бы весьма важно, если бы оно вымышлено было изобретателем букв как правило, по которому он хотел составлять буквы, и если бы оно самые разряды ясно отличало один от другого. Но, во-первых, даже ученые китайцы сами признают, что разделение букв на разряды вымышлено было новейшими филологами, а древние имели одно и притом известное правило для составления новых букв²⁹. Во-вторых, сами разряды сбивчивы, темны, основаны более на пустых выдумках, нежели на существенном свойстве букв.

Притом же такое разделение не совместимо даже с системой чисто идеографической, ибо по китайской энциклопедии³⁰ из 24 тысяч букв, причисленных по качествам к шести разрядам, 22 тысячи принадлежат к четвертому, т. е. к системе голосовой. Следовательно, по мнению самих китайцев, письмо их

[Лист 136]

составлено по началам, которые мы признаем сообразными с письмом, собственно так названным, т. е. соединено с разговорами, как письмо и у прочих народов в мире.

Односложные языки ограничены столь малым числом разных звуков, что полезнее и даже необходимо в них вводить для каждого слова особенный словописный знак, дабы слова одного и того же выговора, но различного значения не смешивались между собой. Способ письма для изложения подобных языков удобнее должен быть основан на двух началах: 1) должен быть голосовой, т. е. содержать столько голосовых знаков, сколько в языках находится разных односложных; 2) сей способ должен быть идеографический, т. е. содержать в себе часть идеографических знаков, соединенных с голосовыми буквами, по которым можно было бы разли-

²⁹ Прим. Бичурина: «Здесь Каллери очевидно намекает на голосовые».

³⁰ Китайская энциклопедия «Тунчи» 通志 tong zhi, Vol. 31, одна из крупнейших энциклопедий китайского средневековья (XII в.). Составлена в эпоху Сун ученым-отшельником Чжэном Цяо, которому в рамках этого труда удалось систематизировать различные отрасли научного знания (история, филология и др.), разбив их на 20 тем. В частности, отдельный раздел он посвятил письменности: «шесть правил составления иероглифов».

чать между собой слова, имеющие одинаковый выговор, но раз-
личное значение. При сих двух началах, словописный способ, вве-
денный в односложных языках, весьма удобен как для народов,
которые говорят такими языками, так и для иностранцев; потому
что этот способ понятен и слуху,

[Лист 146]

и мысли, и может без умножения знаков представлять множе-
ство слов, разнящихся между собой или выговором, или значе-
нием. Таков точно есть способ письма, существующий у китайцев
от древнейших времен до настоящих без малейшего изменения.
Вначале как бы в основании всей системы взято было известное
число букв, которыми выражались все звуки или выговоры кита-
йского языка: но как некоторые звуки имели множество разных зна-
чений, то изобретены были придаточные знаки, которые извест-
ным образом показывали различные значения одного и того же
звука.

Из сего можно видеть, что китайское письмо включает в себе
три вида письмен:

1. буквы голосые *phoneticas litterae*, которые изначально опре-
делены были для выражения звуков, не касаясь значения, которое
сами в себе могут заключать.
2. Буквы ключевые *classificas litterae*, которые в собственном
своем смысле показывают, к какому роду вещей

[Лист 156]

или понятий принадлежат соединяемые с ними голосовые буквы,
и в сем случае теряют выговор, который имеют, когда отдельно упо-
требляются.

3. Буквы сложные *compositas litterae*, которые состоят из сочета-
ния букв голосовых с ключевыми и получают от них известное зна-
чение.

Если бы чертежная китайская система *graficum systema* содер-
жала в себе только сложные буквы, то надлежало бы назвать ее

идео-фонетической. Но как ключевые и голосовые буквы, будучи употребляемы порознь, имеют собственный выговор и значение, то отсюда следует заключить, что способ китайского письма первоначально был голосовой, а потом идео-фонетический³¹. Из сего каждый может видеть, что буквы сложные, или идео-фонетические, по необходимости должны быть многочисленные, и поэтому должно преимущественно обращать внимание на обе составные части их, чтоб сим образом устранить затруднения, составляемые многочисленностью китайских букв.

[Лист 10]

ГЛАВА III О системе китайского письма [комментарии]

Каллери вследствие своего ложного определения идеографических букв не признает их письмом, собственно так называемым, и на сем основании в III главе

[Лист 11]

продолжает свое мнение, что всякое письмо, собственно так называемое, необходимо есть голосовое или по крайней мере идео-фонетическое. Китайцы не имеют знаков для изображения звуков голоса, а по выражению Каллери – «словых и буквенных знаков». Письмена их состоят из условных знаков, из коих каждый представляет или предмет, или понятие. Впрочем, не без основания Каллери назвал такие знаки словописными, потому что каждый такой знак с понятием о вещи необходимо заключает в себе выговор целого слова без отношения к составным его частям. Условные знаки суть

³¹ У Каллери в латинском оригинале читаем: “systema primario phoneticum et secundario ideo-phoneticum esse”, т. е. система была прежде всего (в первую очередь) фонетической и лишь опосредовано (во вторую очередь) идео-фонетической. – *Прим. ред.*

знаменатели предметов чувственных, умственных и отвлеченных, т. е. знаки понятий, а не звуков, составляющих слова, почему каждый знак выговаривается названием представляемого им предмета. Например, кошка называется мао, добрый дух – шэнь, гнев – ну, и знаки, представляющие значение помянутых предметов, называются мао, шэнь, ну. Это есть чисто идеографическое письмо, коего буквы суть не что иное, как изображения понятий без связи с выговорами или словами одного какого-либо языка, и посему каждый, знающий значения китайских букв, может читать их словами своего языка точно так же, как разные народы читают

[Лист 12]

латинские или арабские арифметические числа. В доказательство сей истины можно указать, что кореец, сиамец или тонкинец при свидании в Пекине свободно разговаривают между собой на китайском письме, не зная языков друг друга³². Каллери, напротив, уверяет, что китайские буквы заключают в себе только выговоры слов, что все бывшие до него китаесловы, даже знаменитый Гонзальвес, обманывались, считая китайское письмо идеографическим, и в обман сей завлечены были иезуитами, которые прежде всех других сообщили Европе превратные сведения о свойствах китайского письма. Но такая оговорка Каллери, не имеющая основания, нимало не придает правдоподобия голосовой его системе, потому что в основание ей даны ложные определения существенных слов.

Далее Каллери излагает шесть видов, или разрядов, на кит. Лю-шу, на которые разделяются китайские буквы по качествам их состава. В переводе

[Лист 13]

букв Лю-шу как «шесть книг» допущена буквальная погрешность, ибо знак шу заключает в себе значение слов «пишу», «письмо», «история» или «бытописание», «книга». И сии слова употребляются,

³² Прим. Бичурина: «В 1838 году я перевел китайскую нумизматику с японского языка, вовсе не зная выговоров или слов сего языка».

смотря по мету. В сем месте Лю-шу значат «шесть письмен», т. е. разрядов письма, а не «шесть книг»³³.

Определения шести разрядов букв, и особенно четвертого, вообще неполны и неясны, что можно видеть из определений тех же шести разрядов в моей «Китайской грамматике» (см. Гл. 7), где каждое качество в определении разряда доказано примерами. Надобно еще заметить, что в определении третьего разряда слова «простых букв» имеют не прямое значение, а косвенное, проистекающее из расположений голосовой системы.

Следующий параграф («Такое разделение» и прочее) состоит из неосновательных мнений и ложных ссылок и выводов. По истории известно, что разделение китайских букв на шесть разрядов слишком за 1000 лет до Р. Х. введено было в училища по распоряжению правительства. Следовательно, разделение букв на разряды не «новейшими филологами сделано», как уверяет Каллери без всякого основания. Китайское письмо представляет понятия о вещах условными знаками. Но как невозможно было изобрести столько знаков, чтобы понятие о каждой вещи представить знаком, не имеющим сходства с другими

[Лист 14]

знаками, то по необходимости прибегли к способу составлять оные через соединение двух и более других знаков.

Первоначальное появление китайских письмен относится, по свидетельству преданий и истории, к первым временам после всемирного потопа, и образование их – под непосредственным надзором Верховной власти – продолжалось до VIII столетия по Р. Х. В столь длительный период времени не было предварительно начертанных правил для составления букв, а правила для сего последовательно вводились с продолжением времени, и каждому новому правилу следовали, не отменяя прежних.

Китайские филологи полагают, что составление условных знаков постепенно шло в следующем порядке: в самом начале представ-

³³ В оригинальном тексте Каллери это “sex libri” или «шесть книг» [Callery 1841, I: 8].

ляли понятия о вещах очертанием вида представляемых вещей. Что невозможно было представить очертанием, то представляли уподоблением. При невозможности сделать уподобление обращались к совокуплению смысла. Что трудно было означить совокуплением смысла, там обращались к выговору. Где невозможно было при небольшом изменении знака или буквы дать ему другое значение, там

[Лист 15]

обращались к превращению. Когда же сих пяти видов было недостаточно, то прибегли к заимствованию или переносу смысла.

Уже по прошествии довольно времени по изобретении букв обратили внимание на разбор их по качествам состава и вполне раскрыли (а не вымыслили, как говорит Каллери) вышеизложенные шесть видов составления, по которым и сами буквы разделены на шесть разрядов. Ма-дуань-лин³⁴ в своем историческом исследовании китайских письмен определяет следующее число знаков, принадлежащих к каждому из шести разрядов:

- К изобразительному – 608;
- Указательному – 107;
- Совокупительному – 470;
- Тоносогласительному – 21810;
- Заимственному – 598;
- Обратному – 372.

Это исчисление открывает нам, что указательный образ составления был самый трудный, а тоносогласительный – самый легкий, что ясно доказывают малое число букв в первом и многочисленность в последнем разряде. Из сего-то тоносогласительного разряда Каллери составил голосовую систему китайского письма, в которой к

[Лист 16]

голосовому словарю прибавил восемь новых голосовых под названием чисто голосовых, не имеющих значения (*litterae mere phoneticae*)

³⁴ Ма Дуаньлин 马端临 Mǎ Duānlín – китайский историк и энциклопедист эпохи династии Юань (1271–1368).

sensu carentus). Сии полубуквы, оторванные им от целых букв и получившие от него выговор, заимствованный от тех букв, в составе коих они находились, помещены в его словаре под номерами 398, 614, 643, 666, 736, 767, 888 и 905, а принадлежащих к ним считается 87 букв³⁵. Здесь нужно особенно заметить, что кроме подлинных тоносогласительных еще находится 2425 букв, принадлежащих к прочим пяти разрядам; и что сии буквы размещены между голосовыми без указания голосовых частей в них, что крайне должно затруднить приискивание их в голосовом словаре.

Каллери китайское разделение букв в отношении к их составлению на шесть разрядов находит сбивчивым и даже не совместным со свойствами китайского письма. Со своей стороны он представляет два начала, на которых должно быть основано китайское письмо: 1) буквы голосовые, 2) соединение букв идеографических с голосовыми; и на основании помянутых предположений утверждает, что точно такое письмо существует в Китае от древнейших времен до настоящего, и притом без малейшего изменения.

[Лист 17]

После сего Каллери продолжает, что вначале китайцы действительно ввели одни голосовые буквы, которыми выражались все звуки или слова, сколько было их в употреблении; что это была одна чисто голосовая система; а впоследствии, с умножением разных понятий в одном и том же звуке, китайцы вынуждены были прибегнуть к сложным буквам, т. е. к каждой голосовой придавать ключевую, которая показывала бы, к какому роду понятий или вещей принадлежит соединяемая с нею голосовая. Таким образом, по мнению Каллери, произошли идео-фонетические буквы, количество которых естественно должно быть многочисленнее голосовых. Что китайцы вначале действительно ввели одни голосовые буквы, на это мнение вовсе нет ни исторических, ни фактических доказа-

³⁵ В словаре Каллери под этими номерами находятся следующие иероглифы: № 398 采 [xén] shēn; № 614 采 [ím] yíng; № 643 穀 (Каллери дает основу без нижнего левого элемента 系) [kéu] hú; № 666 朕 [tém] zhèn; № 736 終 [lì] xī; № 767 易 [xám] yáng; № 888 呈+戔 [tíe]; № 905 𢇛 [hǎo] xué.

тельств, и как вышеизложенное мнение вообще не имеет основания, то и разделение букв на три вида (голосовые, ключевые и сложные) принадлежит к превратному суждению о китайских письменах.

[Лист 176]

ГЛАВА IV

О голосовых буквах

[перевод]

Голосовыми называем такие буквы, которые определены для изображения разных звуков в китайском языке, которые мы полагаем основанием всей системы китайского письма.

Как в буквенном письме основные буквы необходимы для выражения выговора каждого звука, так в китайском письме голосовые буквы необходимы к определению выговора каждой буквы, так что нет ни одной буквы, которая не была бы голосовая или не заключала голосовых в себе.

[Лист 186]

Голосовые буквы должны считаться основными не потому только, что они показывают выговоры слов; но и потому, что из разнообразного их изменения почти все другие китайские буквы происходят, почему: во-первых, часто употребляются одни, т. е. без соединения с какою-либо ключевою; и в этом случае имеют выговор и свойственное им значение. Во-вторых: еще присоединяются к ключевым для составления сложных букв, и в сем случае сообщают последним только выговор, не сообщая им собственного значения. В-третьих, многие из них употребляются как ключевые, соединяясь с другими голосовыми, и в сем случае имеют только влияние на значение сложных букв, вовсе не касаясь произношения.

Некоторые из голосовых, имея простой, т. е. несложный вид, не могут быть разделены на основные буквы, и с первого взгляда кажутся неделимыми; а другие, имея многосложный вид, состоят

из двух и более простых букв и занимают место между голосовыми и ключевыми. А хотя буквы последнего рода, т. е. ключевые, когда сами по себе употребляются чрез разбор, могут быть разложены на основные буквы

[Лист 196]

и посему считаться сложными: но совсем не должно считать их неделимыми, пока они не присоединены к новым ключевым для изображения какого-либо выговора. То же самое и простейшие голосовые делают из сложных, то есть представляют один выговор, заимствованный от целого голосового знака, а не из его частей отдельно взятых, например: в буквах 竿 и 簞 их голосовые 干 и 簞³⁶, простого вида столь разнящиеся между собой, обе равно суть неделимые, потому что обе придаются к ключевой, как знак только для представления выговора гань, *kan*.

Следовательно, в тесном смысле нельзя сказать, что такая-то буква содержит в себе три или четыре голосовых, две или три ключевых: ибо по началам китайской системы, изложенной в предыдущей главе, все сложные буквы могут состоять из двух только основных букв: ключевой и голосовой.

О ключевых буквах синологи уже много писали; иногда даже преимущественно их называли всех букв корнями, от которых, как бы из азбучных,

[Лист 226]

образуется китайское письмо; на голосовые, напротив, никто и до сего времени не обратил внимания! Впрочем, нам кажется неопровержимою истиною, что голосовые буквы далеко важнее ключевых, и к ним уместнее по отделениям отнести все сложные буквы. Во-первых, потому, что голосовые к тем буквам, к которым приложены, всегда сообщают известный выговор; ключевые, напротив, дают неизвестные и часто даже чуждое значение. Во-вторых,

³⁶ Примечание Бичурина: «Сия буква, которую Каллери называет неделимою, сложена из пяти букв».

потому, что голосовые по большей части сообщают свой выговор всем сложным буквам, к которым приложены: почему как скоро знаем выговор голосовой, то можем читать все буквы, происходящие от нее. В-третьих, потому, что они составляют значительную и труднейшую часть букв, по узнанию которой не будем иметь нужды в ключах. В-четвертых, потому что число голосовых далеко превосходит число ключевых, и посему гораздо полезнее разделить первые со своими производимыми на главы.

Сие двойное сочетание букв много споспешествует к удобному познанию китайского письма, если только обе основные части, составляющие простой вид,

[Лист 23б]

так постоянно поставляются, что с первого взгляда можно отличить идеографическую от голосовой: ибо они часто представляют многосложный вид, и, по-видимому, могут быть разделены на разные виды; отчего и сочетание по большей части ускользает от малосведущих, и затрудняет упражнение в китайском письме тем, которые истинных границ каждой основной части не знают. Посему-то мы утверждаем, что известнейший и единственный путь к глубокому познанию китайских букв в том состоит, чтобы верно знать основные буквы как ключевые, так и голосовые.

Сими-то причинами побуждаясь, я со всевозможным тщанием начал исследовать, какие и сколько голосовых букв в китайском письме, какие и сколько букв производных от них, какой выговор и значение имеет каждая буква.

В начале моих исследований встретилось более 3000 голосовых букв, которые с первого взгляда показались различными и потому требовали постоянного большого труда: но по зрелом рассмотрении открылось, что многие из них были совершенно неупотребительные; и потому

[Лист 24б]

надлежало исключить их из списка нужных голосовых букв; еще открылись разности некоторых голосовых, введенных народным

употреблением; и посему голосовых букв, не составляющих разности, а таких, на которых собственно основывается голосовая система китайского письма, оказалось не более тысячи букв. По словарю 1040.

По открытии основных голосовых букв я разделил их на главы по их числу, после чего сложные буквы, составленные с одной и той же голосовою, все собраны были под главным голосовым выговором и таким образом тотчас открывают пред вами буквы, которые при различном значении весьма легко могут смешаться от великого сходства между собою в виде и выговоре.

Сим путем я начал хотя великое и трудное, но весьма полезное дело, которое не только раскрывает основные начала, необходимые при первом приступе к изучению китайского языка; но учащиеся в нем, как в словаре, весьма легко могут находить все, в книгах встречающиеся, ключевые буквы, коих только или произношение известны учащимся.

[Лист 18]

ГЛАВА IV

О голосовых буквах [комментарии]

Четвертая глава чрезвычайно любопытна в том отношении, что Каллери вполне излагает в ней расположение своей голосовой системы китайского письма. Не касаясь самого расположения, мы, однако, находим нужным заметить:

1. Ни один из китайских филологов не говорит, что для выражения разных звуков в китайском языке первоначально определены были голосовые буквы, а историческое происхождение китайских букв противоречит сему мнению.

2. Мнение, что голосовые необходимы в китайском письме к определению выговора каждой буквы и что нет ни одной буквы, которая не была бы голосовою, или не заключала

[Лист 20]

голосовой в себе, есть ложное; потому что, кроме тоносогласительных знаков, из которых Каллери предположил составить голосовую систему китайского языка, еще находится 2425 букв из прочих пяти разрядов, которые не содержат в себе голосовых. //

[Вставка, Лист 19]

笛 ди 'флейта' составлен из 艸 чжу 'бамбук' и 由 ю 'из'
 旦 дань 'восход солнца', из 日 жи 'солнце' и черты под ним
 竝 бин 'совокупляю' из двух 立 ли 'постановляю'
 拐 гуай 'козлон, бабка' из 扌 шоу 'рука' и 另 лин 'другой'
 拐 гуай 'костыль, палка' из 木 му 'дерево' и 另 лин 'другой'
 扮 бань 'наряжаюсь' из 扌 шоу 'рука' и 分 фынь 'делю'
 闻 вынь 'слышу' из 门 мынь 'дверь' и 耳 эрр 'ухо'
 问 вынь 'спрашиваю' из 门 мынь 'дверь' и 口 кхэу 'рот'
 妬 ду 'ревность' из 女 нюй 'женщина' и 石 ши 'камень'
 箍 гу 'обруч' из 艸 чжу 'бамбук', 扌 шоу 'рука' и 匝 ца 'оборот'
 驳 бо 'обратно отсылать, опровергать' из 马 ма 'лошадь' и 交 сяо 'черта в гуа'
 外 вай 'внешний' из 夕 си 'вечер' и 卜 бу 'ворожить'
 夯 хан 'колотушка' из 大 да 'большой' и 力 ли 'сила'
 好 хао 'хороший' из 女 нюй 'девица' и 子 цзы 'мальчик'
 昊 хао 'светлый' из 日 жи 'солнце' и 天 тянь 'небо'
 活 хо 'живой' из 氵 шуй 'вода' и 舌 ше 'язык'
 轟 хун 'гремлю' из трех 車 че 'телега'
 吠 фей 'лаю' из 口 кхэу 'рот' и 犬 цюань 'собака'
 伏 фей 'лаю' из 亻 жинь 'человек' и 犬 цюань 'собака'
 妃 фей 'царская наложница' из 女 нюй 'женщина' и 己 цзи 'сам'
 秃 тху 'плешивый' из 禾 хэ 'хлеб в зернах' и 己 цзи 'столик'
 討 тхào 'требую' из 禾 янь 'говорить' и 己 цунь 'дюйм'
 他 тха 'он' из 亻 жинь 'человек' и 也 е 'также'

Почти все сии буквы принадлежат к разрядам указательному и совокупительному и составлены из одних ключевых, которые не могут быть разложены на составные части. В них во всех не токмо голосовых, но даже полуголосовых нет.

[окончание вставки, возврат на Лист 20]

Каким образом могли они войти в голосовой словарь? Каллери, как должно полагать, не упустил дать им свойства голосовых, не изменяя чертежного вида.

3. Равным образом несправедливо и то, что голосовые буквы должно считать основными потому, что из разнообразного их изменения почти все другие буквы происходят. Состав китайских букв есть точно таков, как он определен в шести видах составления их, и превращение его в голосовую систему на основании первого нашего положения в сей главе совершенно невозможно.

4. Разделение букв на сложные, простые и неделимые в том значении, какое дает им Каллери, несовместно с свойствами китайских письмен. Китайцы очень правильно и притом естественно разделяют свои буквы на односложные или простые двусложные, трехсложные и т. д., смотря по тому, из скольких других простых букв они составлены; напр., если от букв 竿 и 籟 отнять ключевую 人, то голосовая 干 гань останется простою, а 籟 и в соединении и без соединения с ключевой считается сложной; потому что она составлена из нескольких других букв.

[Лист 22]

5. Голосовые в китайском письме считаются столь маловажными, что в китайском языке даже нет слова, вполне соответствующего слову голосовой, а при изображении букв к некоторым ключевым присоединяли другие буквы для означения выговора, и сложенные таким образом буквы называли тоносогласительными.

[вставка, Лист 20б]

Из сего разряда букв составлена голосовая система; для единства же тоносогласительными названы буквы прочих пяти разрядов.

А каким образом произведено превращение букв в голосовые, хотя это хозяин голосовой системы оставил тайною для нас, но тайна сия вскоре сама собою раскроется. Занимательнее для нас заметить, что в новосозданной системе, вопреки положительным уверениям Каллери, не все буквы, помещенные в голосовом словаре, имеют выговор одинаковый с голосовою. Напр., в длинных рядах под номерами 58, 103, 123 и пр.³⁷, нет ни одной буквы, которая имела бы выговор одинаковый с голосовою, или по крайней мере согласный с созвучностью ее. Во многих рядах более половины букв с выговорами отличными от начальствующих голосовых. Также довольно заметно в голосовом словаре, что в ударениях и придыханиях³⁸ еще менее согласия у рядовых букв с голосовыми; а ударения и придыхания –

[окончание вставки, Лист 22]

по множеству созвучных слов в китайском языке – одни только оттеняют смысл в речи. Если в одном из трех слов погрешить в ударении или опустить придыхание, то или смысл изменится, что хотя редко, но случается; или вовсе не будет смысла, что чаще, но может случиться. С этой точки можно ясно видеть, сколь неосновательны заключения, что, зная выговор какой-нибудь голосовой, можно читать все буквы, к которым сия голосовая присоединена.

6. Мнение, что по узнании голосовых не будем иметь нужды в ключевых, далеко от истины; потому что система китайского письма – в продолжение нескольких тысячелетий – постоянно образовывалась по ключевым, а не голосовым, что ясно можно видеть в стройном составе китайских ключевых словарей, а не менее и в предполагаемой нами запутанности голосового словаря.

7. Уверение, что единственный путь к глубокому познанию букв заключается в познании основных и голосовых и ключевых букв, слишком необдуманно. Голосовых букв по словарю Каллери считается 1040, а ключевых только 214, посему голосовые по своей многочисленности пред ключевыми много будут затруднять

³⁷ У Каллери под этими номерами иероглифы № 58 允 im, № 103 攴 xū, № 123 中 chūm (см.: *Callery J.-M. Systema phoneticum...* 1841. Vol. II. P. 28, 48, 59).

³⁸ У Бичурина здесь и далее – «преддыхание».

и память и приискивание букв в голосовом словаре. Наибольшее затруднение

[Лист 23]

встретится в том, что во многих буквах трудно распознать голосовую от ключевой; сверх того Каллери должен был 2425 буквам, принадлежащим к прочим пяти видам составления, дать своепроизвольные голосовые и расставить их по новым местам, которые нам совершенно неизвестны, потому что Каллери не заблагорассудил сказать нам, каким образом он открыл голосовые в буквах, не принадлежащих тоносогласительному разряду: с изменением или без изменения прежнего состава и выговора букв? и под какими нумерами преобразованные буквы помещены в Голосо-азбучном словаре китайских букв? Здесь тайна большое наводит сомнение на весь состав голосовой системы и на один Голосо-азбучный словарь китайских букв.

Далее следует само расположение голосовой системы китайского письма – любопытное по своей новости произведение изворотливого европейского воображения³⁹.

[Лист 256]

ГЛАВА V

О ключевых буквах

[перевод]

Ключевыми называем такие буквы, которые прилагаются к голосовым для означения, в каком отделении должно полагать слово, показываемое голосовою.

³⁹ Попутно отметим, что в тексте книги Каллери эта глава “De phoneticis” (Caput IV.P. 11–23) занимает центральное место, раскрывая суть теоретического замысла автора. В этом разделе последовательно изложены основные постулаты фонетической системы, даны многочисленные примеры, рассмотрены работы предшественников, изложена структура самого фонетического словаря, составившего вторую часть (*Pars Secunda*) сочинения. Перед о. Иакинфом формально не стояла задача перевода всего текста источника, поэтому он ограничился кратким изложением и более развернутым комментарием.

Писатели, по разным их мнениям о свойстве ключевых букв, дали им разные названия. Одни назвали их ключевыми *claves*, потому что они составляют свойство приискивать неизвестные буквы. Другие назвали их корневыми *radicalia*, потому что от них, по мнению их, как от корней, все китайские буквы произошли. Некоторые дали им название роды *genera*, потому что вообще показывают, к какому роду вещей относятся буквы, к которым они приданы. Первое из упомянутых трех названий опровергается тем, что китайские буквы в словарях могут быть располагаемы различным образом, а ключами по произволению можно сделать разные другие буквы. Второе мнение также уничтожается тем, что ключевые буквы никак не могут назваться корнями китайских букв, что ниже пространнее будет доказано.

[Лист 266]

Третье мнение несообразно с китайским письмом тем, что свойства рода неизменно должны распространяться на все виды его и составлять первый отличительный их признак. Сверх того, значение ключевых часто находится в сложных столь далеко, что, собственно, не может господствовать как род.

По нашему мнению, основательнее допустить ключевые, потому что никакого противоречия не представляют, а вообще только означают, что такая-то буква составляет отделение букв, которыми она первенствует идеографически или только буквенно, почему «ключ» в переводе совершенно соответствует китайским словам 部首 бу-шеу, что значит «оглавление» или «глава отделения».

Как никто не может опровергать, что голосовые буквы управляют произношением сложных, так равно не подлежит сомнению, что ключевые буквы имеют и прямое и косвенное влияние на значение последних. В отделениях, относящихся до царства животного, вообще соблюдается существенное понятие, выведенное из смысла ключевой. Например, в

[Лист 276]

отделениях под буквами <...>⁴⁰ постоянно означает что-либо, сделанное из бамбука или кожи или относящееся к роду олений и рыб. Но в отделениях, относящихся до искусственных произведений, до существ духовных и разумом одаренных, смысл ключевых букв часто затмевается, потому что иногда берется иносказательно или увлекается обыкновениями и мнениями, свойственными китайскому народу. Например, ключевой знак 𦉳 «шелк» в сложных значит «убранство», «перевязь», «одевание книги», потому что в Китае все эти вещи могут быть составляемы или условно составленными из шелка. Ключевая буква «диавол» в сложных означает «духа», «чудовища», «мерзость», «звезды». Наконец, ключевая 女 «женщина» в сложных намекает о понятии «красоты», «нежности», «похоти», «радости» и «сердечных отношений», потому что все сие можно относить более к женщине, нежели к мужчине. После сего, если обратить внимание только на значение сложно, то многие отделения могут быть разделены на столько же вторичных отделений, сколько могут произвести

[Лист 286]

понятия, которые косвенно только сближаются с начальным смыслом ключевой.

В том нет сомнения, что изобретатель китайского письма составил известное число ключевых букв, коими особенные понятия или роды вещей означаются, но долговременное забвение букв и особенно всеобщее сожжение книг⁴¹ изгладило из памяти все предания по сему предмету. Так произвели то, что выдуманно было много ключевых букв, несоответствующих первоначальной системе.

⁴⁰ Здесь в тексте рукописи пропуск – многоточие.

⁴¹ Примечание Бичурина: «Сожжены только Древняя История, Стихотворения и Уложения династии Чжоу, напоминавшие о событиях союзно-удельного правления, а прочие книги оставлены были».

В древнейших словарях, например, в словаре под заглавием «說文»⁴², изданном в 150 г. по Р. Х., считается 540 ключевых знаков, не признанных нынешними учеными. Сие число ключевых нечувствительно уменьшалось по мере усовершенствования словесности. Наконец, число их в словаре «正字通»⁴³ доведено до 214, каковое число принято и в словаре «康熙字典»⁴⁴, который ныне китайцы преимущественно употребляют.

Знаменитый учитель и друг наш Гонзальвес, приметив, что многие из вышесказанного числа новейших ключевых бесполезны, в словаре своем *Diccionario china-portuguez*⁴⁵ оставил только 127 ключевых.

[Лист 296]

Но если рассмотреть обе системы ключевых, то откроется, что как издатели вышеприведенных словарей, так и Гонзальвес, не так определили ключевые буквы, т. е. не сообразно с идеофонетическим свойством китайских письмен. Чтобы с точностью узнать, какие ключевые буквы удержать и какие уничтожить должно, для сего нужно допустить два правила, на которых основана система китайского письма, как то:

1) Есть буквы основные, неделимые, которые прежде всех других изобретены были как бы в основание всего китайского письма, чтоб из соединения их составить все прочие буквы.

2) Все сложные буквы, которые сами по себе не суть основные, разделяются на две части, из которых одна часть назначена для представления выговора каждой буквы.

⁴² 說文解字 shuōwén jiězì «Объяснение простых и толкование сложных знаков» – классический китайский словарь II в. н. э., в котором впервые принята кодификация иероглифов по ключам.

⁴³ 正字通 zhèngzìtōng – словарь «Чжэнцзытун», издан в 1627 г., послужил основой для словаря «康熙字典» «Канси цзыдянь».

⁴⁴ 康熙字典 «Канси цзыдянь» – эталонный словарь китайского языка династии Цин, составлен в первой четверти XVIII в. по приказу императора Канси (1654–1722).

⁴⁵ *Diccionario china-portuguez* [Китайско-португальский словарь] составлен и издан католическим миссионером, преподавателем семинарии Real collegio de S. José в Макао И. А. Гонсалвишем (Gonçalves J. A., 1781–1841) в 1831 г.

По принятии сих двух начал откроется, что все буквы, которые имеют неделимый вид и которые без малейшей ошибки можно назвать основными *fundamentales*, потому что они приведены как

[Лист 306]

ключевые, а чаще как голосовые, но должны занимать место между ключевыми, потому что они не содержат в себе ни части идеографической, ни части голосовой, а считать их можно не имеющими разложения и составить из них основной список, несколько сходный с азбукой, потому что сей список действительно содержит в себе все первые начала, из которых особливим образом составляется китайское письмо. Таков есть наш список букв голосовых и ключевых, из коего исключены основные голосовые как бесполезные и малоупотребительные. Китайцы и сам знаменитый Гонзальвес, не обращая внимания на сей основной ряд неделимых букв, выдумали много произвольных ключевых, которые вместо ясности произвели в словарях запутанность.

Остается кратко рассмотреть, в самой ли вещи ключевые буквы суть корни всего китайского письма или первые начала, из разнообразного соединения коих, как некоторые синологи утверждают, составляются прочие китайские буквы.

[Лист 316]

Подлинно, если ключевыми буквами принять девять простых основных черт, на которые можно разложить каждую букву, то не найдется ни одной буквы, которая не имела бы какой-либо корень в списке ключевых букв. Но из того, что ключевые буквы суть знаки идеографические, присоединенные к голосовым для различения единозвучных слов, следует, что неделимые буквы, в которых голосовая часть не отделена от идеографической, ни с одной ключевой не соединены и суть буквы коренные, как и сами ключевые буквы. Посему буквами чисто коренными должно считать не одни ключевые, но и голосовые, т. е. ту цепь основных букв, которые избретателем китайского письма вымышлены были прежде прочих

для представления звуков своего языка в некотором противоположном смысле и которые впоследствии по двусложной системе объединены для выражения умножаемых понятий без умножения знаков.

[Лист 26]

ГЛАВА V

О ключевых буквах [комментарии]

Определение ключевых верно, если исключить из него слова «голосовым» и «голосовой», ибо ключевые не всегда с голосовою соединяются. Его мнение о названии ключевых также справедливо, ибо ключевая точно есть ключ к приискыванию букв в словаре, но как существенное свойство ключевых заключается в том, что они показывают, к какому роду каждая буква принадлежит по свойству ее с ключом в видах, качествах и действиях, изменить уже принятые ключи и вместо них по произволению сделать ключами разные другие буквы не только трудно, но даже и невозможно. Но раздробление общих отделений на многие частные совершенно не нужно, ибо приискывание букв по ключам, как известно, ни малейшего затруднения не представляет и, сверх того, чрезвычайно легко.

Суждение Каллери о словарях также нельзя признать справедливым. Потому что оно основано на ложных предположениях. Изобретатель китайского письма положил ему начало составлением небольшого числа идеографических букв, в чем нет сомнения. А дальнейшее образование новых букв постепенно шло в продолжение 35 веков, почему ни один из китайских филологов не говорит, что изобретатель китайского письма первоначально составил для себя известное число и ключевых, и голосовых букв и

[Лист 27]

первый подал мысль составлять буквы по роду их значений по ключам. Появление первого словаря относится к 150 г. по Р. Х. Сей не-

обыкновенный по новости своей труд еще был далек от совершенства, что доказывается множеством ключей, коих число впоследствии до половины было уничтожено, ибо в словаре «Чжен-цзы-тхун» из прежних 540 удержано не более 214 ключей, каковое число принято в употребляемом ныне словаре «Кхан-си-цзы-дянь».

Гонзальвес, учитель и друг нашего Каллери, составил свой ключевой словарь под заглавием *Diccionario china – portuguez*, в котором из 214 прежних удержал только 127 ключей, а буквы остальных 87 ключей приобщил по своему усмотрению к другим ключам. Нужно ли говорить, какая запутанность должна произойти в его словаре как от новости расположения, так и от неправильности в размещении букв? Каллери со своей стороны и китайских филологов, и Гонзальвеса укоряет в том, что они в определении ключевых букв не сообразовались с идео-фонетическим свойством китайских письмен. Яснее сказать, Каллери недоволен тем, что не

[Лист 28]

могли напасть на мысль составить голосовой словарь по его расположению.

Далее Каллери излагает свои правила, по коим можно узнать, которые из прежних ключевых должно удержать, а которые уничтожить. По сим правилам открывается, что основные буквы, т. е. черты, по которым китайские буквы составляются, отнюдь не должны входить в число ключевых, потому что нет ни одной буквы, которой по ее составу черт не можно было бы причислить к одному из шести первых ключей. По мнению Каллери, из черт должно составить основной список, подобный азбукам, и на сем основании основные буквы он действительно исключил из числа ключевых.

«Основными» буквами Каллери называет неделимые черты, из которых китайские буквы составлены. Таковых букв считается шесть, которые в моей «Китайской грамматике» занимают начальные шесть номеров ключевых (см. стр. 185). Каллери не заметил, что первые шесть черт в словаре составляют первые шесть ключевых букв, а в «Грамматике»

[Лист 29]

называются чертами и уже другими против словаря названиями (см. стр. 12). Следовательно, одни и те же черты имеют двоякое, совершенно различное употребление, подобно тому, как в русском письме буквы *a, u, o, y* суть буквы и вместе с тем употребляются в качестве союзов и предлогов.

Впрочем, Каллери полагает не шесть, а девять основных букв, из коих пять только принадлежат к чертам, а четыре приложены к ним без достаточной причины, потому что из них первая и четвертая сами по себе имеют и значение, и употребление, а остальные две имеют только в ключах употребление, а значения не имеют, и все четыре по сложности своей не могут назваться неделимыми.

Что касается до мнения Каллери, что ключевые буквы суть знаки идеографические, присоединенные к голосовым для различения единозвучных слов между собой, это есть второе ложное определение идеографических букв, ибо ключевые буквы показывают только, к какому роду понятий принадлежат буквы, к которым они присоединены, а идеографические буквы показывают смысл, который заключают в себе, или, иначе, представляют самое понятие о вещи.

[Лист 336]

ГЛАВА VI

О разных видах китайского письма

[перевод]

Неблагомыслящие народописатели

[Лист 346]

вообще полагают, что живопись дала начало письму, и люди первые начали чертить изображения самых вещей, чтобы видимым образом приводить себе на память предметы, а после сего придумали представлять слова условными знаками *signa conventionalia*,

удобнейшими для черчения. Такое заключение, основанное на мнимо правдоподобных доводах, по-видимому, далеко отстоит от истины, опровергается нами как оскорбительное для человеческого разума. Совсем тем нельзя отвергать, что во многих системах письма по большей части представляемы были изображения вещей, от чего сами системы могли называться живописными, хотя в самой вещи были голосовые, или по крайней мере идеофонетические, о чем пространнее писано в Гл. 1.

Сию истину особенно можно заметить в некоторых древнейших китайских буквах, называемых 古文 гу-вынь, что в переводе значит «древнее украшение». В сем письме видимые предметы представлены грубо начерченные в естественном их виде, что с первого взгляда можно признать. Такие живописные буквы могли, как явствует, представлять изображения и вместе с тем названия

[Лист 356]

общеизвестных предметов, коих вид вообще известен был. Но как те же самые буквы не могут представлять умственное понятие, равно как и многих видимых предметов, коих вид подвержен изменениям, то они отнюдь не могли заменить письма. Отсюда должно заключить, что в Китае нет и никогда не было ни одного сочинения, написанного древними буквами, называемыми 古文 гу-вынь: почему все образцы подобных букв, дошедшие до нашего времени, заимствованы из надписей на сосудах, треножниках, колоколах и других медных украшениях, сохранившихся в языческих храмах.

Европейские синологи, причисляющие древнее письмо 古文 гу-вынь к китайским письмам, бывшим в употреблении в разные времена, погрешают против словаря «Шо-вынь»⁴⁶, в котором буквы, сохранившиеся на древних сосудах, названы видописью или украшениями, а сложные буквы – буквами.

Древнейший известный вид китайского письма называется 篆 чжуань. С сим видом письма китайские письмена восприимли начало. Происхождение письма 篆

⁴⁶ См. прим. стр. 7.

[Лист 366]

чжуань, новейшими историками облеченное в детские басни, сокрыто во мраке отдаленнейших веков. С большой вероятностью можно сказать только, что оно современно Китайской империи. Сим родом письма написаны первые появившиеся в Китае книги. Им же Кхун-цзы⁴⁷ написал свои творения. К сему виду письма должно причислить и другие, в древности бывшие в употреблении письма и названные 小篆 сяо-чжуань. Буквы сего вида, составленные по большей части из кружков, с первого взгляда имеют большую разность с нынешними классическими буквами, но если тщательно сравнить оба вида между собой и при том взять во внимание образ древнего письма, то ясно открывается, что и те и другие состоят из одинаковых основных частей и составляют только различные виды того же письма, а не различные роды.

То же самое разуместь должно о буквах, которые древними словареписателями приняты были классическими и называются 小篆 сяо-чжуань. Впрочем, задолго до времени Р. Х. в Китае, по произволению каждого, употреблялись разные виды письма, которые даже очень мало сходились между собой имели.

В царствование династии Цинь в

[Лист 376]

исходе III века до Р. Х. изобретен был новый вид письма, который по фамилии изобретателя назван 隸 ли. Это только преобразование древнего письма, называемого 小篆 сяо-чжуань⁴⁸.

Высшие виды письма имели грубый вид, потому что буквы вырезывались на бамбуковых дщичах. По изобретении писчей кисти и бумаги изобрели вид письма, названный 楷 цяй⁴⁹, которое по купности черт предпочтительно употреблено в сем сочинении.

⁴⁷ Здесь и далее Кхун-цзы (孔子 Kǒngzǐ) – Конфуций (551–479 до н. э.), древний китайский философ и мыслитель.

⁴⁸ 小篆 xiǎozhuàn «сяочжуань» («малая печать») – стиль, появившийся в ходе реформы письменности (упрощение и унификация), проведенной императором Цинь Шихуаном в III в. до н. э.

⁴⁹ Кайшу (楷书 kǎishū), «уставное письмо» – стиль китайской каллиграфии, возникший в эпоху правления династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), представляет собой стандартизацию «лишу».

В половине X века изобретено письмо, названное 宋 сун, по названию царствовавшей в то время династии. Сие письмо ныне употребляется для печатных книг.

Последние два письма также суть только небольшое преобразование письма, называемого 隸 ли⁵⁰, а преобразование состояло в утончении черт.

Остается нам сказать еще об одном способе письма, который действительно составляет отличный вид и который китайцы называют 草字 цао-цзы⁵¹, а мы называем курсивным.

[Лист 39б]

Из сказанного о разных родах письма можно заключить, что, собственно, должно считать только три вида письма, различные между собою:

Древнее классическое сяо-чжуань.

Нынешнее классическое ли-цзы.

Нынешнее курсивное цао-цзы.

[Лист 34]

Глава VI

О разных видах китайского письма

[комментарии]

Каллери с негодованием отвергает

[Лист 35]

общее мнение, что первое изобретение китайских письмен началось черчением изображений видимых предметов: но это общее мнение

⁵⁰ 隸字 или 隸書, 隶书, lìshū «лишу» («деловое» или «конторское письмо») – стиль письма деловой документации, сформировавшийся в период правления династии Хань (25–220).

⁵¹ 草字 или 草書, 草书, cǎoshū «цаошу» («травяное письмо») – основной скорописный стиль.

столь же справедливо, сколь несправедливо другое мнение Каллери, что древнее первоначальное письмо состояло в одних очертаниях видимых предметов.

[далее листы 35–38 перечеркнуты и дополнены листами с исправленным текстом]

// Каллери в изложении разных видов китайского письма совершенно обнаружил, что он имел сбивчивые понятия о порядке, по которому разные виды китайского письма одни за другими следовали со времени изобретения букв. Он полагает только три письма: 1 Чжуань и Сяо-чжуань; 2 Ли, которое произошло из небольшого изменения в образе начертания Сяо-чжуань; 3 Цао-цзы, которое он называет курсивным, а мы называем скорописным. Первоначальное китайское письмо, изобретенное князем Цан, Каллери не полагает в числе писмен, потому что письма сии, по его мнению, состояли в одних очерках видимых предметов, а очерки не могут представлять умственных понятий, почему он утвердительно говорит, что в Китае не было ни одной книги, написанной сим родом писмен; а все образцы древних букв, называемых Гу-вынь, известными остались до нашего времени по надписям, сохранившимся на древних сосудах и пр. Начало настоящего первобытного китайского письма Каллери относит к незапамятной древности, называет его Чжуань, и не выставляет даже имени изобретателя, а полагает только, что сим письмом написаны древнейшие китайские книги, и даже творения славного Кхун-цзы. К сему виду он присоединяет письмо, называемое Сяо-чжуань, и не говорит ни о имени изобретателя, ни о времени изобретения, а полагает только, что задолго до времен Р. Х. в Китае по произволению употребляли разные виды письма, которое даже мало имели сходства между собой.

/// Что касается до ссылки на словарь «Шо-вынь», где будто древние буквы Гу-вынь названы украшениями, Каллери не понял или притворился не понимающим текста, в котором сказано: Цан-цзы при составлении писмен сначала снимал рисунки с вещей, и по сему письма сего названы были очерками вынь. В послед-

ствии, когда к изображениям вещей придали голос, т. е. слова, то и самые буквы его названы наименованиями цзы. И так он несправедливо укоряет европейских синологов. Об остальных двух видах письма, допускаемых сочинителем голосовой системы, скажем ниже.

[Лист 386]

// Есть множество видов китайского письма, но большая часть из них относится к разновидности чистописанию, а главных видов считается только шесть, которые следуют ниже.

Самый древний и первобытный вид письма есть так называемый Гу-вынь, что значит: древние письмена. Оно же известно в истории под названием головастикавого кхо-дэу-цзы, потому что по извилистому начертанию знаков несколько подходит к наружному строению головастиков⁵². Сей самый вид письма изобретен Князем Цан-цзы⁵³ и употребляем был со времени изобретения до исхода IX века пред Р. Х. По преданиям известно, что изобретение сего письма началось очертанием видимых предметов, но вместе с тем понятия о предметах умственных и отвлеченных в то время представляемы были условными знаками, а иначе и представить их не было возможности. Сими самыми буквами писали «Шу-цзин»⁵⁴, древнюю историю Китая в продолжение 2350-255 годов до Р. Х. Сколько даже в первые веки сей истории находится самых высоких отвлеченных истин, для представления которых нужны были не живописные, а условные знаки! Что касается до древних сосудов, чертежи их изданы в четырех больших томах. Каждый чертеж представлен с резьбой на нем, а подле него надпись древними

⁵² 蝌蚪文 kēdǒuwén «головастиковое письмо» – стиль письма, обнаруженный в эпоху Западная Хань (III в. до н. э. – I в. н. э.), но не получивший широкого распространения. Существует предание об обнаружении князем Лу Гунваном в стенах прежнего жилища Конфуция бамбуковых дощечек, соединенных шнурками в свитки и исписанных иероглифами своеобразной формы, черты которых напоминали головастиков.

⁵³ Цан Цзе (倉頡 Cāng Jié) – легендарный создатель китайской письменности, придворный историограф императора Хуан Ди. Традиционно изображается с четырьмя глазами – символом прозорливой мудрости.

⁵⁴ См. прим. стр 7.

буквами с переложением оных нынешними буквами. Некоторые надписи состоят из двух и трех букв, даже малоизвестных, а в других показаны не одни названия сосудов, которые можно было бы представить очерком наружного их вида, но описаны размер в вышину, глубину, длину и поперечнике, также описан размер значительных его частей, а все это невозможно было представить без условных знаков. «Шу-цзин», найденный в стене обветшавшего дома, принадлежавшего потомку славного Кхун-цзы, был написан головастиковыми буквами.

[на полях у этого параграфа карандашом поставлен знак вопроса]

[Лист 39]

// В исходе IX в. до Р. Х. некто Чжеу историк династии Чжеу сделал небольшое изменение в древнем письме и ввел новый в начертании вид письма названного Чжуань, что значит «передать», «предание», потому что письмо это употреблением передавалось на многие веки. Сие письмо по имени изобретателя названо было Чжеу-вынь и заключало в себе 9000 букв⁵⁵.

Из этого исторического свидетельства открывается, что в Китае находились словари задолго до времен Р. Х. «Шо-вынь» только есть первый дошедший до нас словарь, расположенный по ключам.

Каллери весьма темно и сбивчиво отделяет это письмо от Гу-вынь под ошибочным названием Чжуань, считает первоначально изобретенным видом письма, и, вопреки свидетельству китайских писателей, разбиравших найденный в стене Шу-цзин, утверждает, что книга сия была написана буквами второго вида. К сему виду он еще присоединяет неизвестный вид письма, названный им Сяо-чжуань.

Третий вид письма, называемый не Ли, а Ли-шу, что значит письмо некоего Ли, изобретен в конце III в. пред Р. Х., и название получил по фамилии изобретателя его,

⁵⁵ Речь идет о 周文 zhōuwén «чжоу вэнь» – стиле написания иероглифов, сформировавшемся во времена царствования Сюань-вана (827–782 гг. до н. э., Зап. Чжоу) в ходе реформы под началом придворного летописца Чжоу, именем которого назван и сам стиль.

[Лист 40]

министра Ли-сы. Сей министр по указу своего Государя, известного сожжением книг, сделал перемены в предыдущем письме прибавкою и уменьшением черт в буквах, почему впоследствии письмо его названо было Сяо-чжуань, а предыдущему было дано название Да-чжуань. Каллери полагает сей вид вторым и считает его небольшим изменением какого-то неизвестного китайцам письма Сяо-чжуань.

Четвертый вид письма, изобретенный в IV в. по Р. Х. в книге Цы-чжун, назван Цяй-шу, что значит: образцовый, от высшего отличается только утонченностью черт и продолговатостью самых знаков. Сим письмом напечатаны все буквы в сочинении Каллери, кроме употребленных для примера.

Пятый вид письма называется Синь-цяй-шу⁵⁶, что значит: новое образцовое письмо, изобретен при династии Сун; от предыдущего отличается прямою черт и ныне наиболее употребляется для печатания книг.

Шестой вид письма называется Цао-цзы, что значит: скоропись, от высших пяти видов совершенно отличается более или менее связным сокращенным начертанием черт, изобретен в I столетии по Р. Х. и с того времени доныне преимущественно употребляется в черновых сочинениях, дружеских письмах, настенных надписях и в предисловиях к книгам.

[Лист 41]

Каллериево разделение китайских писмен на три вида основательно, но надлежало бы сказать – на три главных вида. К первому из них принадлежат первый и второй виды из шести, ко второму третий, четвертый и пятый, к третьему шестой вид.

⁵⁶ 新楷书 xīnkǎishū – одна из наиболее поздних разновидностей «уставного письма», сформировавшаяся в эпоху династии Сун.

[Лист 406]

ГЛАВА VII

О разностях и тождественных буквах

[перевод]

Разностями *varietatas* называем такие виды писания, в которых одна и та же буква может быть представлена в двух видах, но без перемены значения и выговора.

Сказанное в высшей главе о разных видах китайского письма не имеет никакого отношения к тому, о чем хотим сказать ниже: ибо здесь не будем говорить о тех главных переменах, которые в разные времена все китайское письмо изменяли в разные виды, а обратим внимание на те частные изменения, которым подверглись некоторые буквы в одном нынешнем письме и которые китайцы называют 小寫 сяо-се или 簡筆 цзянь-би⁵⁷.

[Лист 416]

Изменения сии часто бывают незначительны, так что мало изменяют подлинный вид букв, а иногда столь велики, что едва можно узнать букву. Некоторые из таких букв введены в словари и потому не противоречат правилам правописания, а другие отвергнуты как глупое произведение невежественной черни.

Впрочем, каковы бы ни были свойства и важность разностей, надобно изучать их со всею тщательностью, потому что они вошли в такое употребление, что без полного знания их невозможно и понимать многих сочинений.

Тождественными *synonimas litteras* называем такие ключевые буквы, которые по начертанию имеют совершенно различный вид, но удерживают выговор и значение те же. В словаре такие буквы названы 同字 тхун-цзы: тождезначий и по выговору, и по значе-

⁵⁷ В древнекитайской филологической традиции 小寫 – сокращенные знаки, они же 簡筆. В современной трактовке 小寫 – строчные буквы, буквы нижнего регистра на клавиатуре.

нию. Такие буквы различаются между собою не изменением или сокращением черт, как бывает в разностях, но совершенным изменением обеих частей, из которых состоят, то есть и голосовой, и ключевой.

[Лист 426]

Когда перемена бывает в голосовой, то на ее месте ставится другая голосовая того же выговора, которая или для письма удобнее, или видом казистее, или употреблена в частном отношении. Когда же перемена относится до ключевой, то вместо ее употребляется другая ключевая, имеющая сходное значение. Надобно еще знать, что некоторые голосовые принадлежат единственно к высокому слогу и не могут быть употребляемы в простонародном слоге, а другие при том же значении и выговоре в письме простого слога могут быть употребляемы. Таковые буквы собраны в конце II части в отделении под заглавием: *index varietatum at synonymorum*.

[Лист 41]

ГЛАВА VII

О разностях и тождественных буквах [комментарии]

В седьмой главе Каллери пишет кое-что о правописании в китайском письме, но в выражениях самых неопределенных.

Китайские буквы, в отношении к правописанию, разделяются китайскими грамматиками на 1. Правильные, 2. Сокращенные, 3. Неправильные, 4. Погрешительные, 5. Тождественные, 6. Тождезначщие. См. Гл. 7.

Правильными называются знаки, написанные без сокращения и перемены черт, или те самые, которые означают представляемое ими понятие.

Сокращенными называются знаки, для скорости написанные с уменьшением числа черт, входящих в их состав.

[Лист 42]

Неправильными называются такие знаки, которые общенародным употреблением или изменены в начертании, или ошибочно принимаются в смысл других букв.

Погрешительными называются те знаки, которые или случайно, по ошибке, или собственно по незнанию употреблены бывают вместо других по одной созвучности и сходству в ударении с оными.

Тождественными называются такие знаки, которые с большею или меньшею разностью пишутся двояким образом.

Тождезначащими называются такие знаки, которые употребляются вместо других созвучных им по выговору или ударению, между тем как последние не могут быть взаимно употребляемы вместо оных.

Из определения сих грамматических слов можно видеть, что, исключая первого и четвертого, прочие правила правописания суть видоизменения букв в начертании, получившие себе название от образа самого изменения. Я назвал сии видоизменения правилами,

[Лист 43]

потому что они введены в употребление обыкновением и остаются почти неизменными.

Слово «разность» равно относится ко всем четырем правилам буквенного видоизменения: но Каллери в китайских названиях разности ошибочно понимает одно сокращение букв, ибо сяо-се, цзянь-би и цзянь-се, все три выражения имеют одно значение: сокращенно писать. Первое из них есть простонародное, второе – ученое, а третье – грамматическое выражение, а самое определение разности у него принадлежит тождественным буквам, ибо только тождественные знаки, как из определения видно, с большею или меньшею разностью пишутся двояким образом. Из сбивчивых понятий о разностях очень видно, что Каллери, когда писал свою голосовую систему, не имел под руками ни одного грамматического

китайского учебника, иначе он не допустил бы такой несообразности слов с их определениями⁵⁸.

Что касается до его мнений о тождественных буквах, совершенно не могу придумать слов, которыми можно

[Лист 44]

было бы слегка показать ошибочность его взглядов. Ибо все буквы, собранные в его *index varietatum et synonymorum*, относятся к отделениям сокращенных, неправильных и тождественных букв, а таких букв, в которых взаимно замещены ключевые другими ключевыми, голосовые другими голосовыми, очень и очень мало.

[Лист 436]

Глава VIII

Об основных началах китайских букв

[перевод]

В китайском письме, так, как и в европейских азбучных письменах, находятся правила касательно порядка, по которому должно писать основные части, то есть черты букв, для составления целых букв; только порядок, по которому сии части должно писать, совершенно не зависит от произношения. Красота китайских букв и удобность писать зависят от сего порядка. Дети прилежно учатся ему от учителей не словесно, а самым делом, но китайцы, из опасения к трудности или по нерадению, никогда

⁵⁸ При внимательном изучении сносок в оригинале текста Каллери, а также из его корреспонденции (главным образом из статьи в *Chinese Repository*. 1843. Vol. XII (July). P. 371–379) можно получить представление о научной литературе, с которой работал автор, – это и *Clavis Sinica* Маршмана, и филологические работы Моррисона, и грамматика о. Премара, и *Arte China* Гонсалвиша. Говоря «ни одного грамматического китайского учебника», русский комментатор имеет в виду тексты грамматического свойства на китайском языке, которые, судя по всему, действительно не попали в поле зрения Каллери (не были ему доступны).

[Лист 44б]

ничего не писали о помянутом порядке.

Розыскательному гению европейских китаесловов представлено было найти способ, по которому без помощи учителя можно изучить подлинный способ писать китайские буквы, как бы по азбучному порядку. Сей сколько удачный, столько же и обработанный способ, который изобретен знаменитым Гонзальвесом, хотя никогда им изложен не был, состоит:

1. В верном определении основных частей, из которых китайские буквы состоят.

2. В условном определении порядка, по которому части, как бы по азбуке, одна за другою следовать должны.

3. В правильном расположении китайских букв по вышеупомянутому азбучному порядку.

Если со вниманием разобрать основные части или черты кисти, из которых китайские буквы состоят, каждому, даже неопытному, откроется,

[Лист 45б]

что сии черты имеют не одинаковый образ, а могут делиться на разные виды. Китайцы старались положить пределы сим видам, но при высоком уме своем не могли согласиться в столь трудной задаче. Одни думали все черты букв привести к следующим шести видам:

сие мнение, одобрительно принятое Езуитами и новейшими письмословами, вообще отвергается, потому что оно не принимает некоторых черт, совершенно отличных от вышепоказанных шести. По другим считается восемь видов основных черт, как то:

которые подразделяются на вторичные виды. Это мнение, пространно изложенное в китайском сочинении под заглавием 四體字法⁵⁹ и китайскими учеными

⁵⁹ 《四体字法》 или «Правила четырех видов иероглифов» – китайское сочинение о каллиграфии XVIII в.

вообще принятое, также неудовлетворительно; потому что оно допускает две черты совершенно сходные, а другие, совершенно между собою различные, опускает.

Ученейший синолог /Гонзальвес/, утвердил азбуку для китайского письма, которую очень советуем молодым ученым, как изучать и в памяти содержать купно с разностями и произношениями.

[Лист 466]

Азбука, изобретенная Гонзальвесом, состоит из следующих черт:

I.		chu	чжу
II.		hua	хуа
III.		keu	гэу
IV.		pie	пье
V.		i	и
VI.		kuen	гуань
VII.		kiue	цзюэ
VIII.		ti	ди
IX.		na	на

Отсюда весьма легко понять, каким образом китайские буквы при помощи вышеизложенной азбуки можно расположить точно так же, как латинские слова, и из расположения, сделанного по сему порядку, вывести способ писать их, напр.: в латинском слове слово amor занимает место выше слова bellum, потому что буква a, с которой начинается первое, в латинской азбуке стоит выше буквы b, с которой начинается слово bellum. Таким же образом китайская буква 亡 поставлена прежде буквы 亡, потому что черта 丿, с которой первая писать начинается, в изложенной

китайской азбуке поставлена выше черты . Когда два латинских слова

[Лист 476]

начинаются с одной и той же азбучной буквы, то смотрят на вторую каждого слова букву и по оной располагают, например: слово amor ставится выше слова anima, потому что вторая буква m стоит в азбуке выше n, второй буквы последнего слова. Равным образом китайская буква 享, начинающаяся с одинаковой черты с буквой 良, ставится, однако, прежде последней, потому что вторая черта ее в азбуке поставлена выше , второй черты в последней букве. То же должно разуместь и о третьей черте в китайских буквах.

Сим образом все китайские буквы можно расположить в семи отделениях, по числу семи азбучных черт, с которых буквы начинаются, а с последних двух черт ни одна китайская буква не начинается. Но как на странице 26 уже было замечено, таковые отделения были бы слишком обширны, и в них, как в бездне, совершенно уничтожилось бы удивительное здание идео-фонетической системы, в которой одной можно изучить истинное свойство китайских письмен.

Знаменитый Гонзальвес, с сохранением

[Лист 486]

ключевой системы, в своем словаре под заглавием *Diccionario china-portuguez* сложные буквы расположил под их ключами по вышеизложенному азбучному порядку, так что каждую букву можно найти, если ключ ее известен. Весьма желательно, чтобы все подобные словари располагаемы были по сему порядку.

В настоящем сочинении мы впервые разделили голосовые буквы на разные отделения по числу черт, из которых они состоят, и число сие постоянно означали на правом поле страницы – латинской цифрою; во-вторых, буквы в каждом отделении мы расположили по азбучному порядку китайских черт, и под каждым латин-

ским числом черт показывали саму черту, с которой начинаются голосовые, на той же странице находящиеся.

Что касается до сложных букв, они в каждом ряду от начала до конца расположены по азбучному порядку, пока имеют одинаковое произношение. Но когда в отделении находятся разные произношения, то азбучный порядок отделен под каждым произношением, и таким образом в одном и том же ряду столько находится азбучных разделений, сколько в нем

[Лист 496]

разных выговоров. По сим причинам порядок назван голосо-азбучным *ordo phonetico-alphabeticus*.

Для расположения китайских букв по азбучному порядку надлежит совершенно знать способ, коим они пишутся, и это возможно только для знающих. Как скоро многочисленный какой-либо ряд букв расположен по азбуке, то при помощи сего порядка и без пособия учителя можно изучить порядок писания. Пусть из общего списка голосовых, который мы на сей конец весьма одобряем молодым ученикам, возьмут для примера отдельные буквы, состоящие из десяти черт от 18 до 21 страницы.

На первом месте по вышесказанному располагаются буквы, начинающиеся первою чертою азбуки: отсюда заключаю, что прежде прочих должно писать черту ㄣ во всех буквах, в которых помянутая черта занимает первое место. Таковых голосовых букв 26. На втором месте должны быть расположены буквы, начинающиеся второю чертою азбуки. Отсюда заключаю, что прежде прочих черт надобно писать черту 一 в 21 буквах.

[Лист 506]

Подобным образом вывожу в старшинство черты ㄣ в восьми следующих буквах, черты ㄣ в 30, черты ㄣ в 2, черты 丨 в 13, черты 丿 в последней. Следовательно, в семи начальных азбучных отделениях, на которые могут делиться голосовые, содержащие восемь черт, ясно изучаю, которую черту должно писать пер-

вою. Сим же образом по азбучному порядку должно считать вторые и третьи черты в каждой букве.

Примеч. Уже было замечено, что первая черта каждой голосовой во второй части сего сочинения показывается на правом поле страницы под числом черт, из которых каждая голосовая состоит.

Китайцы, по незнанию употреблять азбучный способ для правильного расположения букв, смешанно собрали буквы в свои словари, с одним наблюдением разделения на отделения и расположения по числу черт, из которых каждая буква состоит. Отсюда происходит, что иногда надобно со вниманием пройти до 200 букв под тем же числом

[Лист 516]

черт, пока встретится искомая буква. После чего не для чего удивиться, что очень немногие из европейцев успели в глубоком знании китайских письмен, да и те с усиленным трудом могли достигнуть такого знания.

[Лист 44]

Глава VIII

Об основных началах китайских букв [комментарии]

Суждение Каллери о порядке в начертании китайских букв совершенно правильно, но следующие за ним мнения принадлежат к странным мечтаниям, несообразным с общепринятыми правилами китайского письма.

Существенное правило для начертания китайских букв состоит в том, в каком порядке ставить в оных одну черту за другою.

В пятой главе моей китайской грамматики показаны самые правила,

[Лист 45]

по которым в Китае дети учатся писать⁶⁰. Но Гонзальвес, первый из гениальных европейцев, заметил недостаток китайцев по сему предмету и открыл новый способ, по которому без помощи учителя можно изучить подлинный способ писать китайские буквы как бы по азбучному порядку. Каллери излагает этот способ в трех правилах, из которых последнее принадлежит к мечтам Гонзальвесовой изобретательности, а китайцы исконно учат детей писать по первым двум правилам.

Китайцы для начертания своих букв приняли шесть черт, которые суть:

	<i>Названия в словаре:</i>	<i>Названия в отношении к письму:</i>	
一	<u>и</u> один	<u>хын</u> поперечная	
丨	<u>гуань</u>	<u>шу</u> отвесная к крюку	принадлежат раз-
丿	<u>пье</u>	<u>пье</u> откидная	ности его: ㄗ ㄘ
㇏	<u>на</u>	<u>на</u> пригнетная	ㄣ ㄤ. См. в Кит.
㇚	<u>цзюе</u>	<u>гэу</u> крюк	Грам. Гл.
丶	<u>чжу</u>	<u>дянь</u> точка	

[на полях – запись карандашом:
«недостаточно сих шести черточек»]

Из сих шести черт первая имеет в словаре и значение и употребление под первым названием, а в отношении к начертанию четыре из них

[Лист 46]

носят вторые названия. Гонзальвес, вопреки употреблению китайскому, полагает девять черт, из которых, впрочем, 3-я, 5-я и 8-я

⁶⁰ См.: 漢文啓蒙 Хань-вынь-ци Мынь. Китайская Грамматика, сочиненная монахомъ Иакинѣомъ. Напечатанная по Высочайшему повелѣнію. СПб.: въ литографіи Гемильяна, 1835. С. 12–14.

суть изменения крюка, пригнетной и точки, а название первой черты *хуа* суть ошибочное; оно употребляется только при счислении всех шести черт в словаре. Гонзальвес был, как пишет Каллери, первый из гениальных европейских умов, который китайские буквы в своем ключевом словаре расположил по численному старшинству черт, точно так, как в европейских словарях располагают слова по порядку азбучных букв, что из латинских примеров лучше можно видеть. Каллери одобрил нововведение Гонзальвесово: но как, по его замечанию, отделения по числу черт иногда слишком длинны, то для отвращения сего недостатка он избрал голосовую систему, в которой буквы разделены на отделения по голосовым, голосовые с сложными помещены в отделениях по численному старшинству черт, заимствованному у Гонзальвеса. Этот порядок изложен в параграфе ... на первом месте и пример <...>.⁶¹

Выше было уже сказано, что Каллери голосовую свою систему составил из букв тоносогласительного вида, а в буквах прочих пяти видов открыл таинственные

[Лист 47]

голосовые, которых ученые китайцы будто бы и доньше не могли приметить, и которых он и сам не открыл в своем сочинении. Таким образом, Гонзальвес употребил расположение букв в ключевом словаре не по числу, а по старшинству черт, и сим довольно только затруднил приискивание букв, а Каллери, заменив ключевое расположение словаря голосовым, привел его в большую запутанность. Таковы суть плоды европейской затейливости на почве китайской словесности.

⁶¹ В тексте рукописи здесь пропуск, однако при обращении к тексту оригинала *Systema Phonicum*... соответствующие параграфы находим на с. 23–28, *Caput V*.

[Лист 516]

ГЛАВА IX
О правилах писать китайские слова
европейскими буквами
[перевод]

Все языки, которыми говорит род человеческий, содержат в себе многие звуки, общие или совершенно сходные между собою в произношении; и, сверх того, каждый язык имеет звуки ему одному свойственные, которых нет в других языках. Сия истина – вне всякого сомнения, но со всем тем очень нередко забывается, и наиболее – синологами, которые, не принимая этой истины в основание, издали множество различных систем касательно правописания китайских слов европейскими буквами.

Действительно, первые, которые начали упражняться в китайском языке, то есть первые, проникшие в Китай веропроповедники, еще не открыв ни начальных

[Лист 536]

оснований в китайском словаре, ни голосовых знаков в буквах, тотчас предприняли самые слова перелагать европейскими буквами. Как те веропроповедники были из разных народов и при том имели пребывание в разных губерниях, в которых господствовали разные наречия китайского языка, и как они при исполнении многих возложенных на них обязанностей не имели времени заниматься учеными разысканиями, то каждый из них писал слова с правописанием своего отечественного языка с особенного разговора страны, в которой имел пребывание, нимало не употребляя усилий к преодолению трудностей, сопряженных с сим предметом.

Положим, что во всех языках нашлась возможность многие слова писать так, как они произносятся туземцами: со всем тем, для некоторых слов недоставало равносильных письменных знаков, и тогда каждый для себя выдумывал новые письменные слоги, более или менее близкие к правилам правописания в отечественном языке. Это самое было причиною, что возникло

[Лист 546]

столько же систем писать китайские слова, сколько в Китае было миссионеров из разных народов, и каждый из них различно писал имена государей или городов китайских.

Французские китаесловы старались ввести французскую систему правописания, известную в Европе по множеству книг, написанных о Китае: но сия система, по общему сознанию, также не без недостатков. Другие предпочитали ей систему португальского правописания – и не без основания, ибо в Европе нет ни одного языка способнее португальского к правильному произношению китайских слов. В новейшее время англичане предприняли составить общую систему правописания, наиболее основанную на итальянском языке, на котором можно единообразно писать наречия всего света.

Но таковое предприятие нам кажется невозможным, ибо система подобного писания требует: во-первых, чтоб издатель оной имел глубокое сведение о языках, господствующих в целом свете, чтоб

[Лист 556]

правильно различал звуки, собственные к каждому языку, и через сравнение установил общие письменные знаки для разности наречий и особенные знаки для звуков, свойственных одному или нескольким языкам; во-вторых, чтоб имел превосходную остроту слуха, иначе он одному и тому же письменному знаку даст другие, несколько схожие знаки иностранных наречий, природными жителями правильно различаемые между собою. Но много ли найдется таких филологов, которые говорили бы на иностранных языках с таким правильным произношением, как говорят природные жители.

Сказанное об общей системе правописания, приспособленной к письму всех языков мира, можно приложить к системе для письма разных наречий китайского народа.

Как нет ни одного языка, который заключал бы в себе все общие и особенные звуки других языков, то следует преимущественно пред прочими принять такую систему правописания, которая была бы основана на правописании

[Лист 566]

стольких живых языков, сколько нужно будет выставить для изложения всех звуков предположенного языка. Но как одни и те же звуки в разных языках пишутся различным образом, то здравый разум требует принять такое правило писания или правописания, которое своею ясностью и простотой облегчало бы в трудах по принятой системе.

Итак система правописания, предполагаемая как для китайского, так и для других языков, во-первых, должна быть основана на ясных примерах, заимствованных из разных наречий, которые были бы всем известны и содержали в себе сходные звуки предположенных языков; во-вторых, должна быть ясна и проста и приспособлять такие знаки, из разных языков взятые, которые содержали бы в себе наименьшее число букв; в-третьих, для тех исключительных знаков, которым созвучных нет в других языках, должно представить некоторые знаки столь приблизительные к примерам звуков, чтобы мало отличались от природного произношения.

[Лист 576]

Твердо придерживаясь вышеизложенных начал, мы предприимлем преобразовать систему правописания, предложенную другим нашим Гонзальвесом, а в руководство принимаем китайский словарь под заглавием «五方元音»⁶², который представляет лучшее произношение высшего общества, как думают все ученые китайцы и европейцы, довольно судившие о сем предмете. Языки португальский и французский много сообщили для нашей системы: но были случаи, в которых мы прибегали к пособию языков итальянского, испанского, английского и немецкого.

Но мы не дошли до такого ослепления и гордости, чтоб нашу систему о китайском правописании выдавать за совершенную; напротив, сами признаем и искренно сознаемся, что некоторые

⁶² «五方元音» словарь XVII в., важнейший источник для исследователей рифм и языкового материала ранней Цин. Лег в основу англо-китайского словаря С. Вильямса (Samuel Wells Williams, 1812–188) «汉英韵府» (1874).

звуки в других языках, мало нам известные, можно было бы лучше изложить: со всем тем мы уверены, что предлагаемая нами система доведена до значительного совершенства, так что обучающийся в отдаленнейших странах при ее пособии в состоянии и без устных наставлений

[Лист 586]

китайского учителя приобрести произношение довольно правильное. На сей конец надобно прилежно изучать голосовую силу каждой буквы, и потом соединение их тщательно рассмотреть в разных односложных, т. е. звуках китайского языка. Ниже мы приложили роспись сих односложных вместе с примерами слов, заимствованных из разных таких европейских языков, в которых находятся подобные им односложные. Мы для нашей системы не требуем знания всех языков, употребляемых в Европе: ибо иное дело знать язык какой-либо и говорить на нем, иное дело знать, как такую-то букву на таком-то языке читать должно. Для познания последнего достаточно спросить знающего известный язык, или на собственном языке сравнить некоторые примеры, которые при противном правописании представляют тот же звук.

Как ясность наиболее зависит от порядка, соблюдаемого при изложении какого-либо предмета, то представим голосовую силу: во-первых, гласных букв отдельно и во-вторых – гласных букв

[Лист 596]

в сочетании с другими гласными для составления двугласных, в-третьих – согласных букв неразделимо и в-четвертых – согласных в совокупности с другими согласными, употребляемых для изображения однократного испущения голоса.

Этот список, весьма трудный для обработки, особенно одобрем новичкам: ибо из него лучше всех других словарей можно научиться произношению китайских слов, если звуки каждого слова, написанные итальянскими буквами, внимательно отличать от прочих звуков, написанных круглыми буквами. Все китайские

слова, находящиеся в списке и в голосовых рядах исключительно употребляемые, взяты из словаря «五方元音», в котором изложено самое чистое произношение, употребляемое в северном Китае.

Теперь остается сказать о тех в китайском языке склонениях голосовых, которые синологи вообще называют ударениями *toni* и которые составляют какую-то музыкальную часть выговора, совершенно отличную от правописания.

[Лист 60б]

Все языки, которыми говорит род человеческий, имеют известные ударения, просодию, сверх того и приятное выражение речи, по недостатку коих природный житель тотчас узнает иностранца. Но при всем том ни один из тех языков не может сравниться с языком китайским, как некоторые синологи доказали нам это. В европейских языках есть известные ударения или просодия, но нет склонений голоса или музыкальных нот в каждом слове. В китайском языке напротив, или лучше сказать – во всех языках, принадлежащих к китайскому семейству, каждое слово, хотя бы односложное и самое короткое было, напр. и, е, имеет свойственное ему склонение голоса, и притом неотъемлемое, потому что с переменою сего склонения и значение слова изменяется.

Сия музыкальная система говора хотя с первого взгляда кажется бесполезною и производящею двусмысленность, происходит из одного источника с системой идеографического китайского письма, и, по-видимому, необходимо происходит от недостатка многосложных

[Лист 61б]

слов. В письме многие идеографические знаки, приданные к голосовым, необходимы для различения, в каком разряде понятий должно разуметь известный знак, сверх того, очень многие голосовые знаки необходимы для того же звука, когда он допускает многие значения в том же роде понятий. См. *стр.* 10 и 15. Равным образом и в разговоре для сообщения значения каждому слову требуются

разные склонения голоса, так что при малом числе различных звуков, из коих односложные языки по необходимости состоят, можно выражать все мысли. Отсюда следует заключить, что тоническая система, принятая китайцами, совершенно независима от произношения человеческого и должна иметь одно происхождение с самым словом, т. е. языком.

Жители королевства Ань-нань⁶³, в просвещении далеко отстоящие от китайцев, говорят языком очень похожим на птичье щебетанье; повыше их занимают место жители губерний Гуан-дун и Фу-цзянь, наконец следуют их аборигены, т. е. жители северных и западных губерний, говорящие частым наречием, которое названо языком чиновников

[Лист 626]

гуань-хуа. Даже если сравнить те самые губернии, в которых господствует одинаковое наречие, то откроется, что чем далее от средоточия наук, т. е. от императорской столицы, тем более изменяются ударения, потому что там не обращают внимания к преодолению трудностей, необходимо сопряженных с односложными языками.

Язык чиновников, т. е. собственно китайский язык, содержит в себе четыре ударения *quatuor toni*: ровное *tonum planum*, тяжелое *tonum ascendentem*, острое *tonum descendentem*, краткое *tonum brevem*. В южных губерниях ровное ударение разделяется на высшее и нижнее.

Слова ровного ударения произносятся правильным голосом, т. е. одною музыкальною нотою, без малейшего склонения к нотам высшей или низшей.

Слова тяжелого ударения произносятся, начинаясь с какой-либо ноты, напр. с re, и постепенно возвышаясь даже до четвертой ноты. Слова острого ударения произносятся, постепенно понижаясь от re до sol.

⁶³ Ань-нань (кит. 安南 *ān nán* «умиротворенный юг», вьет. An Nam) – невьетнамское название Протектората Аннам – территории, занимавшей северную часть современной республики Вьетнам в период китайской колонизации VII–IX вв., использовалось преимущественно в китайской колониальной литературе.

[Лист 63б]

Слова краткого ударения произносятся столь кратко, что в них совершенно нет музыкального склонения.

Как значение каждого слова зависит от ударения, то первые веропроповедники, вступившие в Китай, изобрели для означения ударений знаки, которые ставятся над словами, напр. дā, dà, dǎ, dǎ.

Сии знаки ударений, удобнейшие по своей простоте, употреблялись около двух столетий, пока страсть к нововведениям не родила новые системы, вообще худшие, ни одной лучшей. Напр., одни начали знаки ударения писать снизу слов, другие приняли нолики, которые ставят по углам слова, смотря по ударению. Знаменитый Гонзальвес в своем латино-китайском словаре, изданном в Макао в 1836 году, вздумал вместо знаков ставить цифры, напр. бе¹, ся², мань³, сань³, до⁴ и прочее. Предоставляем каждому самому судить о пользе, т. е. странности такой системы. Впрочем, в словаре *Dictionario China-Portuguez* он ставил ударения при китайских буквах ноликами, напр., нолик для ровного на нижнем, для тяжелого ударения на верхнем углу с левой стороны, нолик для острого на

[Лист 64б]

верхнем, для краткого ударения на нижнем углу с правой стороны. Так и китайцы ставят ударения, но в таком только случае, когда в букве нужно отличить изменение смысла, зависящее от перемены ударения. Такую систему и мы одобряем для словарей.

Сверх музыкальных в китайских словах склонений, которые мы называли ударениями, еще встречается нечто такое, что синологи вообще называют придыханием *aspiration*, от которого равным образом зависит значение каждого слова. Это есть гортанное придыхание, или затруднительное испускание голоса, которое бывает только после согласных *k, p, t, ch, ts* и которое наиболее сходствует с звуком гортанной буквы *h*.

Европейские китаесловы ввели тройной способ означать придыхание. Некоторые из новейших после согласной ставят букву *h*, которая должна быть произносима с большим усилием или напряжением, напр. *ta, po, tsa, cha*, когда сии звуки принимают придыха-

ние, пишут *tha, pho, tsha, chha*. Эту систему мы отвергаем. Во-первых, потому, что она умножает письменные знаки в тонических

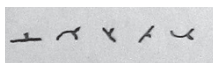
[Лист 656]

выговорах в системе правописания и портит простоту последней. Во-вторых, потому что представляет вид правописания отличный от слов, которые часто принадлежат к той же голосовой системе, напр., в голосовом ряду, имеющем основной звук *ta*, буквы с придыханием имеют, кажется, отличное произношение, когда пишутся через *tha*, хотя в самой вещи это происходит только от напряженного испускания духа. В-третьих, потому что присоединение буквы *h* или производит – чрез сочетание согласных – другой голос в наших языках, или отзывается чересчур грубым, напр., во многих известных мне языках *ph* читается как *f*, почему звуки *pha* пха, *phai* пхай, *phang* пхан, *phiao* пхияо, *phiei* пье принимают выговор, противоположный собственному, т. е. фа, фай и пр. Сверх сего, кто не сочтет грубым и затруднительным произношением, которым искажаются слова: *khoueng* кхуан, *tchhang* чан, *tchheo* чеу, *tchhin* чен, *tchhouang* чуан, *tchhoung* чун, *thsiuan* цюань и подобные им. Другие, к числу которых и знаменитый Гонзальвес принадлежит, после согласной, с усилием произносимой, ставят апостроф или знак напряжения

[Лист 666]

духа, напр. звуки *ta, po, tsa, cha*, когда произносятся с придыханием, пишут их *t'a, p'o, ts'a, ch'a*. Здесь способ писания, хотя несколько извращает письменное единство слов и представляет, может быть, вид не для всех приятный, но этот способ, кажется, должен быть предпочтен высшему и с пользою может быть употребляем в словарях.

Наконец, третья система, более двух веков исключительно употребляемая веропроповедниками, состоит в том, чтобы к самым знакам, употребляемым для означения ударений, присоединять точку или палочку для означения придыхания, напр.:

Сей самый способ принят в предлагаемом сочинении как простейший и удобнейший для вышеизложенной нашей цели.

Теперь да позволят мне исследовать вопрос: знание и вместе с тем точное наблюдение ударений в разговоре необходимы ли для разговора на китайском языке? Если взять в рассуждение те наречия в китайском семействе, в которых ударения яснее выражаются, то нет сомнения, что общее знание оных более или

[Лист 676]

менее необходимо, и туземцы по большей части не понимают иностранцев, говорящих без соблюдения ударений. Но если взять во внимание язык чиновников, то знание ударений в нем считается не столь необходимым, как потому, что они едва приметны в разговоре, так и потому, что каждое почти понятие выражается двумя звуками, составляющими одно двусложное слово, напр.: *мо-гу* гриб, и таким образом, одним соединением односложных слов легко выразить мысли, и тем легче, что к сему примешивается сие музыкальное основание. По сей причине европейцы удобнее изучают и чаще говорят на языке чиновников, чем на языках губерний Гуандун и Фу-цзянь и королевства Ань-нань, по сему же самому у северных китайцев можно часто найти таких ученых, которые не в состоянии дать отчета о ударении многих букв.

Чем важнее соблюдение ударений в каждом наречии китайского семейства, тем менее нужно в них соблюдение придыхания. В южных китайских губерниях, где множество музыкальных склонений в говорах, придыхания мало приметны, и хотя иностранцами мало соблюдаются, но при одном точном соблюдении ударений туземцы

[Лист 686]

свободно понимают их. Напротив, в языке чиновников у северных жителей придыхания сильны и не могут быть опускаемы, потому

что без них речь затемняется, а часто и смысла не имеет. Сию склонность южных народов к музыкальным выговорам, а северных к твердым придыханиям филологи давно уже заметили. Остается только решить, от мягкости или от грубости нравов это происходит, как доказывает Бональд⁶⁴, или от разборчивой остроты чувств, как нам кажется.

[Лист 53]

ГЛАВА IX

О правилах писать китайские слова европейскими буквами

[комментарии]

Каллери к правилам писать китайские слова европейскими буквами относит три вещи: тоническое переложение китайской речи, ударения и знаки ударений, придыхания и знаки придыханий.

Из нескольких выражений в сей главе открывается, что Каллери настоящим китайским языком считает – сообразно общему понятию китайцев – наречие Северного Китая, называемое гуань-хуа, что значит: язык чиновников. Это есть чистое наречие, господствующее в Северном Китае. В сем наречии важность, твердость и чистота в произношении составляют отличительные свойства языка. Произношение жителей Южного Китая чем южнее, тем становится игривее, мягче, непонятнее, подходящее – по выражению китайцев – к щебетанию птишек. Напр., в губернии Чже-цзян говорят: *ци ца* кушайте чай.

Впрочем, китайский язык не содержит в себе новых букв или звуков, отличных от букв, принятых в разных европейских языках, но отличается от них разностью в произношении. Сия разность наиболее заключается в том, что одна и та же буква кажется двумя разными буквами от произношения оной в гортань или из гортани, что

⁶⁴ Луи Габриэль Амбруаз Бональд (фр. Louis-Gabriel-Ambroise de Bonald, 1754–1840) – французский философ, родоначальник традиционализма, активный политический деятель периода Реставрации.

ясно изложено мною в начальной статье сочинения под названием «Китай...»⁶⁵.

[Лист 54]

В Европе нет ни одного языка, в котором письменные знаки были бы достаточны для точного изображения всех звуков голоса, сродных китайскому языку. Каллери преимущество в этом отдает языкам итальянскому и французскому, а особенно родному своему португальскому⁶⁶, но в сих языках также недостает нескольких букв, потребных к чистому произношению китайских звуков. Напр., как напишется на французском языке *лю, ле, чан, чеу* и множество других подобных им звуков? Обыкновенно в таком случае употребляют соединение нескольких гласных или согласных, несродных французскому языку, и пишут *lieu* [лю], *lei* [ле], *tchhang* [чан], *tchheou* [чеу]. А как переложите китайские выговоры на португальском письме: *leao, leam, lem, lei*? Это *ляо, лян, лын, лэу*. Русская азбука по созвучию своих букв ближе всех европейских языков к китайским звукам, но наши ученые и литераторы увлеклись подражанием иностранцам до совершенной недоверчивости к самим себе.

Каллери полагает, что в каждом европейском языке находится несколько букв или слогов, весьма близких к звукам китайских слов. На сем основании он предлагает превосходный способ для точного изображения всех звуков китайского языка европейскими буквами. Способ сей в том состоит, чтобы каждый китайский звук, трудный

[Лист 55]

для европейца, переложить буквами или слогами того языка, в котором есть буквы или слоги одногласные с китайским звуком, что он в отношении к труду удовлетворительно выписал к таблице китайских звуков, отдельно приложенной.

⁶⁵ Бичурин И. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение / сочинение монаха Иакинфа. СПб.: в типографии Императорской академии наук, 1840. Гл. I «О китайском языке и письме». С. 1–8.

⁶⁶ Как видим, Бичурин имел ошибочное представление о происхождении Дж. Каллери (см. Вступительное слово редактора).

Но сия таблица китайских звуков, доведенная – по уверению Каллери – до значительного совершенства, показывает только приблизительную, а не совершенную возможность, и притом не для всех звуков: ибо в самой таблице многие звуки не имеют примеров ни из одного европейского языка.

Суждение Каллери о происхождении китайских ударений основательно, исключая уверения, что в Китае – по мере удаления от столицы – и ударения изменяются. Это уверение совсем не справедливо. Только в некоторых губерниях есть по несколько слов, отличающихся ударением, которые правительство дозволило уроженцам тех губерний употреблять и в стихах на испытании.

Что касается до определения ударений, тяжелое и острое определены не совсем правильно. Возвышение в первом и понижением во втором не простираются

[Лист 56]

далее так называемых музыкальных осьмых⁶⁷. Учитель с протяжением останавливается на сих ударениях в таком только случае, когда ученик ошибочно произносит слово.

Китайцы при необходимости ставят ударения по углам буквы ноликами, а для звуков, перелагаемых на европейские языки, синологи обыкновенно употребляют знаки: для ровного ударения «–», для тяжелого «\», для острого «/», для краткого «v». Странные нововведения по сему предмету не заслуживают замечания.

Остается сказать несколько слов о придыханиях, которым в сочинении Каллери дано неправильное и притом неполное определение. Придыхание после букв *к*, *п*, *т*, *ц*, и *ч* происходит от произношения сих букв из гортани. Затруднительное испускание воздуха есть следствие такого произношения. В отношении к русскому языку есть еще придыхание пред теми же буквами, происходящее от произношения сих букв в гортань, от чего они превращаются в *гк*, *бп*, *дт*, *цз*, *чж*.

⁶⁷ Речь идет о делении музыкального тона на полтона, четверть тона и восьмую тона соответственно.

Знаки, показывающие придыхание в слове, неодинаково писались в Европе, и

[Лист 57]

мнение Каллери о знаках по первому способу отчасти справедливо. Второму способу он отдает небольшое преимущество пред первым, а лучшим считает употребленный им в своей голосовой системе. Что касается до моего мнения, для означения придыханий после букв *к, п, т, ц* и *ч* лучшими нахожу единичный знак «-», поставляемый между согласною и гласною и апостроф «'», поставляемый над словом между согласною и гласною.

Суждение Каллери о неважности ударений в северном Китае столь же погрешительно, сколько неосновательно его мнение о безнужности придыханий в южном Китае. И то и другое в обоих местах нужно. Из того, что понимаем иностранца, неправильно говорящего на нашем отечественном языке, неблагоприятно заключать, что иностранцу не нужно держаться правильности в произношении русских слов. Касательно мнения Каллери о неприметном выражении ударений в северном и придыханий в южном Китае не излишним считаю пояснить, что китайцы столь плавно и слитно произносят слова, что иностранцу трудно замечать ударения или отличать придыхания, если он предварительно не предупрежден о том.

[Лист 686]

Глава X

О значении китайских букв

[перевод]

Китайские буквы, вообще взятые, имеют двоякое значение: одно неделимое, *individualis sensus*, которое есть собственное каждой букве, отдельно взятой, другое собирательное, *aggregativus sensus*, которое происходит от соединения *aggregatio* двух, а иногда и более букв в одно выражение.

Из древних китайских книг видно, что в древности каждая буква содержала в себе собственное ей полное понятие, т. е. имела неделимый смысл.

По началам идеофонетической системы,

[Лист 69б]

на которых китайские буквы основаны, вначале значение всегда согласовалось с ключевой, и подлинно могло назваться прямым или естественным. Но как поэтический гений китайцев и вообще всех восточных народов не мог надолго оставаться в естественном виде разговора, то прямой смысл скоро изменился в косвенный или образовательный и никогда не имел связи с ключевой системой.

Сие неделимое и образовательное свойство письмен, основанное на древних способах разговора, много поистине содействует той силе, краткости и блеску слога, которым удивляемся в священных китайских книгах, но через это же само оно производило двусмысленность, требовало совершенного знания выговоров, и потому простым умам не могло быть доступно. Отсюда исподволь последовал переход от неделимого значения буквы к собирательному, или, яснее сказать, самый язык китайский от односложного его свойства мало по малу уклонился и принял многосложное. Такое уклонение от односложных к многосложным тем более заметно в восточных языках, чем далее они отстоят от своего

[Лист 70б]

источника и чем более возрастает гражданское образование у народов, которые говорят ими.

Как бы то ни было, в новейшие времена ввели в употребление двумя односложными словами и, следовательно, двумя вместо одной буквами представлять одно понятие. Многие буквы, соединенные по две в одно выражение, имеют точно такое же значение, когда они и порознь употребляются, и в сем случае могут назваться взаимопоясняющими, но во многих случаях соединенные буквы, порознь взятые, не имеют никакого отношения к значению, которое происхо-

дит из их соединения, и в сем случае составляют слова истинно многосложные и купно неделимые. Но какого рода ни было бы соединение букв в одно выражение, китаец редко затрудняется в уразумении, потому что оно вообще основывается на родном его языке. Для европейцев, напротив, хорошо не знающих устного наречия, выражения представляют большие затруднения, потому что в книгах нет ни одного правила для различия многосложных слов от односложных. Отсюда происходит, что у нас многие

[Лист 716]

переводы китайских сочинений не токмо содержат в себе мнения, совершенно противоречащие мыслям сочинителя, но еще отличаются шероховатым слогом, что должно приписать более неведению переводчиков, нежели китайскому подлиннику.

Кто пожелает собрать все выражения, которые каждая буква имеет, тому предлежит обширный труд, ни с чем не сравнимый, исключая некоторых энциклопедий, многими издателями составленных, ибо немало есть таких букв, которые имеют до 600 выражений, т. е. таких понятий, которые оно имеет в соединении с другими буквами. Но цель нашего труда, недостаток времени, а более посредственность природных дарований не позволили нам во 2-ой части сего творения собрать такие выражения; а при том они и не столь важны в отношении к китайской словесности.

Первое толкование, свойственное букве, принадлежит каждой букве самой по себе взятой и должно быть названо прямым или естественным значением, потому что оно по большей части согласно с значением ключевой. На сие значение

[Лист 726]

наиболее должно обращать внимание, когда дело идет о толковании древних или древним слогом написанных книг.

Если какие буквы имеют двоякое произношение и при различном выговоре различное значение, то я должен был дважды вносить их в голосовые ряды, дабы избежать исключений, которые всегда

производят замешательство, и посему кто желает узнать прямо какую-либо букву, тот не должен остановиться, нашедши ее в начале ряда, но со вниманием пройти весь ряд, чтобы узнать, не имеет ли она другого выговора и, следовательно, другого смысла.

Я приложил особенное старание в определении букв, относящихся до естественной истории, по нынешней нашей именовании *nomenclatura*, и хотя я, как мне кажется, успел в этом лучше моих предшественников, но сам вижу, что наше сочинение еще требует множества и прибавлений и исправлений, действительно невозможных для меня. Чтоб слова, взятые из наших названий вещей, столь же верно соответствовали вещам в природе, как слова

[Лист 736]

китайские, одним словом, перевод соответствовал смыслу китайского текста, для сего нужно: 1. чтобы древние китайцы определили известные каждой вещи природные качества, по которым бы нынешние китайцы могли верно обсудить, каждую вещь в природе под каким-либо названием разуместь должно; 2. чтобы европейский китаеслов, предпринимающий толковать китайские названия, очень хорошо знал естественные науки, дабы каждую вещь безошибочно назвать по нашей именовании; 3. чтобы этот синолог собственными глазами видел разные виды растений, птиц, четвероногих, рыб, раковин, насекомых, камней и пр., дабы мог судить о тождестве оных с естественными предметами, описанными в нашей именовании. Но китайцы от древних времен до ныне не имели по сему предмету никаких описаний в своих словарях, не постановили никакой системы в естественной истории для проверки вещей с названиями, а синологи, живущие в Китае, весьма мало имеют времени для постоянных занятий естественными науками, наконец, весьма трудно и почти невозможно из

[Лист 746]

разных губерний собрать необходимые виды для исследования, о котором выше сказано. При стольких препятствиях не удивительно,

что в наших словарях часто встречаются пустые переводы: название некоего растения, название некой птицы или некое животное, некая рыба, некий драгоценный камень и пр.

Буквы, употребляемые китайцами вместо прозваний, вообще сами по себе имеют значение, как и прочие буквы, но когда берутся в качестве прозваний, то теряют значение и удерживают один выговор.

Что касается до силы *valor* китайских букв в отношении к разным частям речи, то надобно знать, что некоторые из них употребляются в качестве глагола, наречия, существительного и прилагательного имени, но это правило не есть общее, как некоторые лже-синологи утверждают. Часто одна и та же буква берется в значении существительного или прилагательного имени, но очень редко может перейти в глагол. Некоторые прилагательные без различия употребляются

[Лист 756]

и к лицам, и к предметам неодушевленным. Такие имена мы на латинском языке изъясняем в среднем роде, другие только к людям берутся, и таковые мы переводим в мужском и женском роде.

[Лист 69]

Глава X

О значении китайских букв [комментарии]

Китайские буквы в первые времена после их изобретения, без сомнения, имели неделимое значение, собственное каждой букве. Но когда с возрастанием гражданского образования умножилось число понятий, то по недостатку букв ввели в обычай употреблять оные в переносном смысле или составлять из двух и более букв выражения. Сим образом значение некоторых букв изменилось в образовательное и собирательное.

Выражения, составляемые из соединения

[Лист 70]

букв, суть двоякого рода: одни состоят из двух букв, из коих каждая отдельно взятая имеет то же значение, а другое составляется из двух и более таких букв, из коих каждая, порознь взятая, имеет особое значение. Выражения первого рода свойственны одному китайскому языку, а последние сходны со сложными словами в европейских языках.

Не касаясь мнимых начал идео-фонетической системы Каллери, мы не можем не сказать, что его суждение о трудностях, встречающихся синологам при переводе китайского словаря на европейские языки, очень основательно. Мнение об употреблении китайских букв в качестве разных частей речи хотя кратко, но довольно верно изложено.

[Лист 75б]

ГЛАВА XI

О китайских словарях

[перевод]

Ни у одного народа в свете не было написано столько словарей, как в Китае. Число их столь велико, что из обозрения одних названий их можно составить целый и притом большой том. Но мы не о всех будем говорить, а упомянем о нескольких, которые считаются лучшими и которыми пользовались мы при настоящем труде.

說文 *Шо-вынь* есть древнейший словарь, изданный в половине II столетия по Р. Х. и до сего времени пользующийся большим уважением как памятник значения букв в древности. Изъясненные в нем 10 000 букв⁶⁸ разделены на 540 крайне беспорядочных отделений, из которых иные суть

⁶⁸ Всего 9353 буквы (прим. Бичурина).

[Лист 766]

идеофонетические, другие голосовые, а некоторые совершенно произвольные.

Толкования букв вообще довольно порядочны, но очень часто затмеваются словопроизводными, никакого подобия не имеющими отступлениями, к которым шаткий ум сочинителя, по-видимому, имел большую склонность. Сей словарь и ныне часто печатается и расходится по частным библиотекам, но редко бывает в употреблении, потому что помещенные в нем толкования находятся в новейших словарях, и сверх того буквы каждого отделения в нем изложены не по числу черт, из которых они состоят, отчего и приискывание их крайне тягостно.

五車韻瑞 *Wu-che-yunъ жуи*⁶⁹, полезное творение, изданное в царствование династии Мин в 1397 году. В сем творении раскрыто не токмо неделимое значение каждой буквы, но и даже особенные соединения их с другими буквами, составляющими собирательный смысл, т. е. выражения. Начальные буквы расположены по их голосовому родству, т. е. разделены на 110 тонических

[Лист 776]

отделений, в которых каждое место заглавия занимает буква, имеющая созвучное с другими окончание: почему для приискывания какой-нибудь буквы надобно предварительно знать ее произношение, а чтоб правильно понять изъяснение, для сего нужно иметь достаточное сведение в китайском языке: ибо изъяснения заключаются в кратких ссылках или в текстах, заимствованных из разных писателей, у которых предложенные буквы находятся без прямого изъяснения смысла их в употреблении.

⁶⁹ 五車韻瑞 *Wūchē yùnrùi* «Пять повозок, груженных яшмовыми скрижалями с выгравированными рифмами» (*Five Cartloads of Rhyme-inscribed Jade Tablets*) составлен 凌稚隆 Лин Чжилуном в эпоху Мин, являет собой позднюю переработанную версию знаменитого словаря рифм 韻海鏡源 *Yùnhǎi jìngyuàn* «Море рифм» танской эпохи; интересно, что и Каллери, и переводчик (Бичурин) описывают его как *тонический словарь (classes tonicas)*, имея при этом в виду компоновку по фонологическому принципу рифмования.

正字通 Чжен-цзы-тхун есть словарь, изданный в XVI столетии, незадолго до падения династии Мин. В сем словаре в первый раз китайские буквы расположены были по порядку 214 ключевых букв, и эта система до сих пор преимущественно употребляется. Изъяснения букв удобопонятны, и ссылок немало; но в словопроизводстве букв довольно несообразностей.

康熙字典 Кан-си-цзы-дянь есть не что иное как предыдущий словарь, умноженный новыми буквами и изъяснениями и обогащенный довольно забавными

[Лист 786]

словопроизводствами, напечатан в 1716 году и чрезмеру расхвален синологами того времени, бывшими в милости у императора. Хотя сей словарь издан под руководством учнейшего Китайского Государя, при всем том далек от совершенства и притом может молодых учеников вводить в заблуждение, потому что одной и той же букве дает многие выговоры и значения, не указывая употребляемых новейшими учеными.

增補篆書注字彙 Цзен-бу чжуань-шу цзы-хой есть новое, исправленное издание славного словаря 字彙 Цзы-хой, который вышел в свет незадолго до Государя правления Кхан-си. Это есть прекрасное и весьма полезное творение, в котором кратко и ясно изложены не токмо высокие, но даже и простонародные значения букв. В нем мало ссылок, а вместо их сочинитель к каждой букве присовокупил вид древнего ее писания, чего в большей части других словарей не находится. Словопроизводство букв часто весьма удовлетворительно и очень помогло мне в устранении трудностей, которые встречались при исключениях голосовой системы. Сей словарь издан в конце

[Лист 796]

прошедшего столетия при Государе правления Цянь-лун и, как напечатан был в небольшом числе экземпляров, то ныне становится довольно редок.

五方元音 *Ву-фан-юань-инь*, творение небольшое, но весьма важное для тех, которые желают знать правильное произношение и народное значение самых общих букв. Оно разделено на 12 отделений, по числу 12 окончаний в китайских словах. Каждое отделение еще разделяется на 20 глав по числу 20 выговоров, которыми китайские слова начинаются. Наконец, самые главы разделены на части по числу ударений. Сим творением особенно пользовался я в составлении моей системы произношения и также изъяснении смысла букв. Издано при Государе правления Кхан-си в 1710 году, а потом исправленный напечатан в 1834 году.

玉堂字彙 *Юй тхан цзы-хой* содержит большее число букв пред многими другими словарями, но изъяснения в нем чрезвычайно кратки, а ссылок вовсе нет. Весьма полезен для приведения на память букв, предварительно знаемых, и в сем смысле можно его сравнить с

[Лист 806]

словарями, называемыми *Dictionaires de poche*⁷⁰. Сей словарь издан при Государе правления Кхан-си.

藝文備覽 *И-вынь бэй-лань*, превосходное творение, прекрасно напечатанное с древним и нынешним почерком букв, с особенными значениями, но без ссылок. Для новичков, которые еще не приобрели достаточного знания в китайском языке, чтобы могли хорошо разумеать ссылки на сочинителей, сей словарь полезнее других словарей. Издан в начале нынешнего столетия.

佩文韻府 *Пэй-вынь юнь-фу*⁷¹, величайший не токмо в Китае, но в целом свете словарь, который заключает в себе все буквы и соединения букв двойные, тройные и даже четверные, могущие встречаться в китайском языке.

Вышеупомянутый нами ученейший Государь правления Кхан-си, видя, что до сего времени еще не было словаря, который

⁷⁰ Карманные словари (*фр.*).

⁷¹ 佩文韻府 *pèiwén yùnfǔ* «Пэйвэнь юнь фу» – фундаментальный фонетический словарь на базе классического метода компоновки рифм, составленный при императоре Канси (1711).

заклучал бы в себе неисчерпанные богатства китайского языка, предпринял составить всеобщий словарь, который обессмертил бы память его царствования. На сей конец собрал все древние и новейшие книги и в продолжение восьми лет комиссия из

[Лист 816]

76 членов ученого приказа занималась собранием слов, какие только находились в китайских сочинениях. Государь сам ежедневно просматривал их упражнения.

Буквы были разделены на 106 голосовых отделений, подобных тем, которые находятся в словаре *Ву-че-юнь-жуй*, а выражения при каждой букве расположены по времени сочинений, из которых они заимствованы. Это творение издано иждивением правительства в 1711 году и самим Государем роздано первым лицам в государстве. По чрезвычайной своей редкости оно очень дорого. В нем нет прямых изъяснений, а одни ссылки, почерпнутые из бесчисленного множества сочинений, и тот только может разуместь сии ссылки, кто предварительно знает всю историю китайского народа, мифологию, философию, басни, страну, нравы, искусства и пр. При Государе правления Цянь-лун в 1760 издано сокращение сего драгоценного творения под заглавием 韻府約編 *Юнь-фу-ю-бянь*.

Теперь перейдем к словарям китайского языка, переведенным на европейские, и купно раскроем мнение наше о самих издателях.

[Лист 826]

I. Словарь Де Гиня⁷². Ежели похищение тем неизвинительнее, чем похищенное дороже, то что сказать о том человеке, который творение, с великим трудом составленное другими, не усомнился издать под своим именем. В самом деле, задолго до Де Гиня веропроповедники имели у себя до 60 экземпляров рукописного китайско-латин-

⁷² Joseph de Guignes (1721–1800) – французский синолог, профессор, хранитель древностей в Лувре. Автор знаменитого труда “Histoire Générale des Huns, Turcs, Mogols et autres Tartares occidentaux” // Ouvrage tiré des livres chinois et manuscrits orientaux de la Bibliothèque du Roi. Vols 1-5. Paris: Desaint & Saillan, 1756. 630 p.

ского словаря, составление которого вообще приписывают Базиллю де Глемона⁷³, хотя заподлинно известно, что не один он трудился над его составом. Сравнивая *Dictionnaire chionois, françois et latin, Paris 1813* со многими другими экземплярами сей рукописи, мы не нашли никакого различия между ими, исключая прибавлений, новейшими веропроповедниками написанных на поле страниц, что ускользнуло от прозорливости издателя. Впрочем, это творение мало приносит пользы тем новичкам, которые желают вникнуть и в язык, и в письмо китайское, потому что китайские буквы в Дегиневом словаре имеют уродливый и неправильный вид [*подчеркнуто карандашом, на полях помета: «Пустяки!»*], чем незнающих легко могут доводить до ошибок касательно свойства и числа черт; сверх сего очень мало выражений, да и те без китайских приданных букв.

[Лист 836]

II. Словарь Моррисона⁷⁴. Славнейший из англичан издал многие сочинения, которые, несомненно, доказывают глубокое изучение китайского языка и постоянство в сем труде. Первое между его творениями место занимает китайско-английский словарь под заглавием *A Dictionary of the Chinese language (Macao, 1815)*, разделенный на три части. Первая часть содержит в себе китайские буквы, расположенные по ключевой системе; во второй части содержатся слова китайские, расположенные по азбучному порядку, и под каждым произношением выставлены созвучные буквы купно с изъяснениями; в третьей части помещен голый перевод английских слов на китайский язык, или, яснее сказать, краткий англо-китайский словарь. Если внимательно обсудить важность сего великого творения, то мы вынуждены будем сказать, что оно не соответствует трудам сочинителя и издержкам типографским.

⁷³ Базиль де Глемона (P. Basile de Glemona, 葉尊孝, 1648–1704) – французский католический миссионер и ученый, работавший в Китае (Шаньси); автор латино-китайского словаря “Hán-tzé-sin-yih”.

⁷⁴ Роберт Моррисон (Morrison, 馬禮遜 Mǎ Lǐ-xùn, 1782–1834) – английский миссионер-протестант, отец-основатель британской синологии, переводчик Ост-Индской компании, переводчик Библии на китайский язык. О нем см., напр.: Townsend W. Robert Morrison: the pioneer of Chinese missions. London: S.W. Partridge, 1890.

1. Первый том первой части чрезмеру наполнен рассуждениями, переводами книг китайских, отрывками из истории и другими бесчисленными отступлениями, которые сколь ни важны сами по себе, но в словаре неуместны. Напротив, второй и

[Лист 846]

третий тома, сверх чаяния, во многом недостаточны, т. е. в них изъяснения под каждой буквой по своей чрезвычайной краткости совершенно бесполезны.

Некоторые из друзей Моррисона сказывали мне о его рассказании, что на плечи пигмея поставил голову гиганта. Вторая часть словаря под заглавием *Chinese and English arranged alphabetically* заслуживает похвалу и много может помогать новичкам. Только сочинитель позабыл сказать, что эта часть есть не что иное, как английский перевод тонического, веропроповедниками прежде переведенного на латинский язык словаря, коего экземпляр в рукописи имею под своими глазами [на полях замечание в карандаше: «Впрочем, в этом словаре много и разницы от старых, переведенных на латинский язык»]. То же должно сказать о переводе Св. Писания на китайский язык. Этот перевод приписывают Моррисону, хотя заподлинно это есть издание составленного иезуитами перевода [подчеркнуто карандашом, на полях помета: «Неправда! Иезуитский перевод гораздо лучше»], коего рукопись сообщена англичанам неосторожным Прокуратором пропаганды J. Marchini⁷⁵. Третья часть под заглавием *English and Chinese* может быть полезна синологам в начале их учения, потому она ограничивается одним простонародным слогом. Еще находится небольшой

[Лист 856]

словарь кантонского наречия, изданный тем же автором в Макао в 1828 году более для купечествующего сословия, чем для синологов.

⁷⁵ Дж. Марчини (Giambattista Marchini, 1757–1823) – прокуратор римско-католической конгрегации Propaganda Fide в Макао с 1786 по 1823 гг.

III. Словарь Гонзальвеса. Надлежало бы мне удержаться от суждения творений знаменитого сего синолога, чтоб похвалой не польстить учителю и другу или критикой не унизить познания такого синолога. Осмелюсь кратко изложить мое мнение.

Из семи творений о китайском языке, изданных Гонзальвесом, до сих пор три занимают высшее место:

1. Первое меж сими творениями есть, без всякого сомнения, превосходная, какая только до сего времени показалась в свете, грамматика китайского языка, да едва ли, по моему мнению, может быть лучше этой. В начале грамматики представлена китайская азбука, или список основных букв, который мог бы сравнен быть с нашим списком голосовых, если бы не находилось многих букв, которые вовсе не голосовые, а между тем недостает в нем многих самых общих

[Лист 866]

голосовых. В сей азбуке – в первый еще раз – буквы расположены были по системе порядка в чертах, вымышленной самим сочинителем: но, к несчастью, сия система нигде не объяснена и разве случайно может возбудить внимание новичков.

Второе творение есть превосходный, какой только вышел в свете, китае-европейский словарь, в котором нужнейшие выражения изложены под каждою первоначальною буквою с кратким и отчетливым изъяснением: но принятая в сем словаре система ключевых неполная и нередко совершенно несообразная с свойством букв и потому затрудняющая самое приискивание букв.

Третье творение есть Португало-китайский словарь, который далеко превосходит прочие до него изданные книги сего рода, но крайне жаль, что сей словарь, так <же> как и предыдущие два творения, написаны на португальском языке, едва известном в ученом мире! Желая некоторым образом загладить сию ошибку, сочинитель впоследствии еще издал три словаря на латинском языке, которые, для собственной его славы, очень желал бы я видеть

[Лист 876]

неизданными. Словарь Латино-китайский *Vocabularium latino-sinicum*, изданный в Макао в 1836 году, чрезмерно сокращен и новичкам пригоден только для простонародного разговора [на полях помета в карандаше: «Для этой цели он и создан!»]. Ручной словарь латино-китайский *Lexicon manuale latino-sinicum*, изданный в 1839, есть второе издание вышеупомянутого словаря, умноженное некоторыми словами из Св. Писания. Наконец, пространный словарь *Magnum lexicon latino-sinicum* есть творение неравносильное, в нем латинские слова переложены то высоким, то низким слогом [на полях – карандашная помета: «Этот лексикон вовсе не принадлежит Гонзальвесу, а прежним миссионерам», перечеркнуто вертикально]. Известно, что Гонзальвес хотел в этом творении показать латинский язык китайским ученикам, приготовляемым для духовного звания. Но для чего он не ограничился чистым переводом своего Португало-китайского словаря? [на полях замечание: «Для того, что хотелось напечатать чужую рукопись...», перечеркнуто вертикально]. Малоуспевшие на почве синологического знания вообще укоряют нашего учителя в том, что он не изложил произношения или выговора китайских букв: основательнее было бы укорить его в том, что он ни в одном из своих творений не поместил введений и все свои открытия по китайскому языку разгадывать предоставил новичкам.

[Лист 76]

ГЛАВА XI

О китайских словарях [комментарии]

В XI главе Каллери излагает свое мнение о китайских словарях и переводах оных на европейские языки. Но прежде нежели приступим к разбору верности в его суждениях о достоинстве словарей и переводов, я должен указать главную точку, с которой Каллери производил свои наблюдения над трудами ученых. Это идеофонетизм, с точки коего самым важным недостатком в китайских

словарях казалось ему расположение оных не по идео-фонетической системе; а самую важную погрешностью – производство букв, потому что оно совершенно подрывало удивительные основания голосовой системы его.

Невыгодное о себе мнение подаст тот синолог, который смело примет на себя труд судить о внутреннем достоинстве китайских словарей. Для этого нужно глубоко проникнуть

[Лист 77]

в тайны китайской словесности, что и для ученейших китайцев не совсем возможно. И так мы ограничимся обзором одних суждений Каллери.

Словарь Шо-вынь есть древнейший словарь в Китае. Каллери находит в нем недостатки по трем предметам: 1. что сей словарь расположен не по идео-фонетической системе; 2. что он содержит в себе словопроизводства, никакого основания не имеющие; 3. что буквы в нем расположены не по числу черт, из которых они составлены. Под словопроизводством Каллери понимает исследование основных начал каждой буквы, а из этого исследования открывается, что в китайских буквах нет даже следов идеофонетизма. Третий предмет не требует замечания.

Словарь Ву-че-юнь-жуй есть пространный тонический словарь. Суждение Каллери о сем словаре верно.

В словаре Чжен-цзы-тхун Каллери находит один недостаток:

[Лист 78]

несообразность в словопроизводстве.

Словарь Кхан-си-цзы-дянь есть сокращение предыдущего словаря. Главное его достоинство состоит в дополнении разных выговоров и значений одной и той же буквы. По расположению это есть образец даже для новейших европейских словарей.

Словарь Цзэн-бу чжуань-шу чжу-цзы-хой есть словарь древних букв с нынешними, изданный с дополнением. По краткости он не содержит в себе словопроизводства и потому понравился Каллери.

Словарь Ву-фань юань-инь есть самый краткий тонический словарь, который европейским синологам служит образцом для расположения переводов китайского словаря. И в этом словаре нет словопроизводства. Краткость в китайских словарях наиболее понимается не в уменьшении числа букв, а в сокращенном изъяснении значения их: но в словаре Ву-фань юань-инь число букв уменьшено до половины против других словарей.

Словарь Юй-тхан цзы-хой есть ручной китайский словарь, чрезвычайно краткий и без словопроизводства.

Словарь И-вынь бэй-лань есть краткий

[Лист 79]

словарь древних букв с нынешними, без словопроизводства.

Бэй-вынь юнь-фу есть словарь, принадлежащий к числу новейших совершеннейших произведений китайской словесности по части филологии, но это словарь поэтический.

Dictionnaire chionois, françois et latin, Paris 1813 есть перевод китайского словаря на языки французский и латинский, изданный французским синологом Дегинем. Собрание букв в сем словаре довольно многочисленное, но для новичка в китайской словесности мало полезное. Перевод китайских букв не везде верен и часто неполон; ученых выражений мало, а разговорных – даже необходимо нужных, еще меньше; сверх того, самые выражения напечатаны не буквами китайскими, а выговором их на латинском языке. Почерк китайских букв сносен, а вырезка грубовата. Перевод сего словаря вообще приписывают Базиллю де Глемона.

A Dictionary of the chinese language, Macao 1815 есть троечастный перевод китайского словаря на английский язык, изданный английским миссионером Моррисоном. В полноте выражений сей словарь имеет преимущество пред Дегиневым, но между

[Лист 80]

выражениями много простых примеров из разговорного языка, свойственных только грамматике. Сверх того, в тоническом его сло-

варе смешение букв, имеющих придыхание, с не имеющими оногo, производит затруднение в приискивании букв.

*[Карандашная помета: «Совершеннейшая неправда!
Сказано слишком мало»]*

О превосходной грамматике и словаре Гонзальвеса я давно уже высказал свое мнение в предисловии к моей китайской грамматике. См. *стр. XVI и сл.* Словарь его, как и голосовой словарь Каллери, содержит в себе краткий перевод букв, расположенный не по числу черт, принятых в словаре Кхан-си цзынь-дянь, а по числительному порядку черт в начертании.

*[Карандашная помета: «Напротив, и по числу,
и по принятому порядку черт в начертании»]*

Сверх того, словарь Гонзальвеса, как и словарь Моррисона, содержит в себе много примеров из разговорного языка. Очевидно, что оба сии словаря назначаемы были для употребления приготовляющихся быть веропроповедниками в Китае. Каллери, довольный новым расположением букв по числительному порядку черт в начертании, изъявил сожаление, что Гонзальвес не по идеофонетической системе составил свой словарь.

[Лист 88б]

Глава XII

О способе к изучению китайского письма

[перевод]

Для приобретения больших успехов в китайском языке, и разговорном, и письменном, нужно, как и в прочих науках, иметь природную способность и неутомимое прилежание к изучению оногo: но быстрым или медленным успехам много способствует и способ изучения.

Дети в китайских училищах обучаются, во-первых, тщательно выписывать все буквы какой-либо книжки и запоминать их клю-

чевые виды прежде, нежели услышат о их звуках или произношении. Коль скоро выучатся исправно писать буквы, то учатся произношению оных и те же буквы писать и читать по сказанию учителя. После сего переходят к значению и продолжают ту же книжку читать и писать на память или толковать.

После этой книжки начинают по тому же способу изучать другую, в которой находятся некоторые новые буквы; за сей книжкой еще третью, и таким образом дети продолжают учиться, пока не изучат число букв, достаточное для того,

[Лист 89б]

чтобы понимать самые простые сочинения. Кто желает получить ученую степень, тот обязан изучить большее число книг, чтоб приобрести обширное познание букв.

Сие изложение учебного способа достаточно раскрывает недостатки последнего. 1-е, в троекратном изучении одной и той же книжки много времени теряется. 2-е, дети принуждены бывают употребить несколько времени для изучения известных видов и звуков без малейшего приобретения умственных понятий, что задерживает развитие ума и притупляет способности. 3. Нет никакого успеха в познании букв, которые преподаются детям, или в самом начале учения встречаются труднейшие буквы, тем затруднительнейшие для детей, что основания букв еще не известны им. Удивительно, что столь неправильный способ учения от древнейших времен доныне господствует у народа столь образованного, но если рассмотреть, сколько недостатков заключает в себе учебная система в самой Европе, даже в том веке, в котором мы живем, то не осмеливаемся решить, на чьей стороне в отношении к сему более невежества.

[Лист 90б]

Те из европейцев, которые по прибытию в Китай приступают к изучению китайского языка и письмен, избирают системы каждый по своему произволению – по большей части ошибочные. Иные

прежде учатся письменному языку, а потом разговорному, другие не приступают к изучению букв, пока не могут говорить по-китайски, а некоторые довольны и тем, что узнают буквы в книгах наглядкою. Есть и такие, которые стараются подражать книжным буквам, а другие выписывают нужнейшие – по их мнению – буквы и постоянно изучают их, а некоторые даже изучают самый словарь. Многие сначала выучивают 214 ключевых букв и при пособии какого-нибудь китае-европейского словаря начинают переводить китайскую книгу, нередко выбранную из классических. Сим-то ошибочным системам изучения надобно приписать, что у нас так мало превосходных синологов.

Система, которую мы предлагаем за наилучшую пред прочими, есть та самая, по которой учил нас знаменитый учитель наш Гонзальвес, но с некоторыми изменениями, которые опытом нашим и других нужными признаны.

[Лист 916]

1. В самом начале надобно учиться и разговору, и письму китайскому в равной степени так, чтоб новичок мог написать все, что говорит. Из опыта известно, что слова и значения слов тем глубже в памяти напечатлеваются, если они связаны с письменным знаком или буквою.

2. Начинать надобно не с букв или с слов, но с отборных букв, которые в малом составе представляют все основания китайского письма. В сем отношении наш список основных букв есть лучший для изучения, ибо в нем по порядку от легких к трудным содержатся все буквы, не токмо самые общие, весьма часто встречающиеся в книгах, но даже основания голосовые и идеографические, из соединения которых все двойные буквы образуются. Азбука знаменитого Гонзальвеса не может служить на сей конец, потому что она содержит в себе множество вторичных букв, которые столь затрудняют список основных, что, по сознанию самого сочинителя, никто не мог пройти его до конца.

3. Заучая вид какой-либо буквы, в то же время и произношение оной должно

[Лист 92б]

изучать из уст ученого китайца, но при сем ни на него, ни на себя слишком полагаться не должно, ибо очень немногие из китайцев хорошо произносят на своем языке, да и между европейцами весьма немногие могут правильно разлагать китайские слова.

4. Изучив какую-то букву, тотчас писать ее китайской кистью по порядку черт, потом ее же писать с памяти; иначе скоро можно совершенно забыть ее.

5. Чтоб правильно узнать, из скольких черт буква состоит, в начале учения должно взять прописи, написанные по образцу, названному в VI Главе Цяй-цзы, а букв Сун-цзы должно избегать, ибо в последних часто бывают излишние черты.

6. Как очень скучно долго заниматься одинокими буквами, не составляющими полного смысла, то мы к нашему списку букв приобщили некоторые выражения, составленные ученым китайцем из одних основных букв, чтоб новички, еще немного зная букв, могли приобвыкнуть к китайскому слогу.

7. По изучении нашего каталога новички могут взять разговоры, помещенные в *Arte China* или другую какую-либо книгу,

[Лист 93б]

причем неизвестные сложные буквы приискивать в наших голосовых рядах, а в местах неудобопонятных прибегнуть к иностранному какому-либо словарю. Советую заниматься и разговорами, написанными высоким и простонародным слогом. После сего полезнее всего прочесть со вниманием вторую часть грамматики знаменитого Гонзальвесы, которой ничего подобного и доселе не издано, не исключая и *Notitia Lingue Sinicae* о. Премара, превознесенной слепыми хвалителями. Учась по сим правилам, и при посредственном уме – после нескольколетних трудов – можно легко перевести китайские книги.

[Внизу листа есть надпись карандашом: «Конец». Перечеркнуто].

[Лист 89]

Глава XII

О способе для изучения китайского языка [комментарии]

Мнение Каллери о способе к изучению китайского языка основательно: но образ первоначального образования детей в Китае описан превратно, а способы, предлагаемые европейцам к изучению китайского языка, не удобны.

В Китае обучение грамоте обыкновенно начинают изучением на память тетрадки с прозваниями, а потом разных кратких букварей с употребительными словами. Естественно, что учитель, при задавании уроков, предварительно сказывает и выговор, и значение каждой буквы. Таким образом, дитя с первоначальным изучением букв получает, хотя слабое, понятие и о вещах, означаемых ими. Обучение письму производится в одно время с обучением чтению и начинается черчением букв по прописи, подкладываемой под бумагу, а потом без прописи. В таком положении первоначального учения проходит не менее трех лет. Как скоро мальчик в состоянии читать и писать кое-что сам собою, то дают ему учить четверокнижие⁷⁶. Приготовляющиеся к торговому

[Лист 90]

сословию обыкновенно оканчивают учение геометрией, а назначаемые к гражданской службе прежде изучают на память одни тексты из пяти классических книг. В течение трех или четырех лет ученик оканчивает изучение текстов, и учитель после сего приступает к пространному изъяснению текстов и преподаванию правил словосочинения. Несмотря на необыкновенную строгость правил испытания, одаренные хорошими способностями даже на 25 году

⁷⁶ «Четверокнижие» («四書» *Sì Shū*) – канонический сборник конфуцианских текстов, составлявший основу программы государственных экзаменов в Китае вплоть до их отмены в начале XX в.

возраста получают степень магистра. Полное общественное образование юношества подробно описано в статье: «Просвещение в Китае». См. «*Китай...*»⁷⁷.

Европейские миссионеры по прибытии в Китай обыкновенно начинают изучать китайский язык, но каждый избирает способ изучения по своему произволению, отчего нередко случается, что при ошибочном или неудобном образе изучения много времени теряют напрасно. Это мне очень известно по собственному опыту. В продолжение первых четырех лет моего пребывания в Пекине, при усильном упражнении в китайском языке, я не мог совершенно раскрыть состав его. Все в нем казалось мне совершенным противоречием [Лист 92б]

[Лист 91]

правилам словосочинения, обыкновенным во всех европейских языках, и я долго не мог приметить, что это происходило от совершенной противоположности внутреннего устройства в китайском языке в отношении к европейским языкам. Ныне, напротив, приготовляющиеся быть синологами начинают учение грамматикою китайского языка и не более как в продолжение четырех месяцев проникают все изгибы в составе оного, а в этом заключается главное средство к легкому и скорому изучению китайского языка.

Что касается до правил, предлагаемых О. Каллери, первое из них преимущественно одобряется; второе, по его склонению к идео-фонетизму, довольно сбивчиво; третье необходимо для правильного произношения китайских звуков; в четвертом предложено хотя побочное, но хорошее средство к успешному изучению китайских букв; пятое правило лживо, потому что не из прописей учатся считать основные черты в буквах; шестое нельзя одобрить по его односторонности, и особенно по предмету, предлагаемому для изучения. А что Каллери предлагает в седьмом правиле для заключения упражнений в китайском языке,

⁷⁷ Бичурин И. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Сочинение монаха Иакинфа. СПб.: в типографии Императорской академии наук, 1840. С. 30–113.

[Лист 92]

тем предметом советую начинать самое учение, то есть грамматикой китайского языка, но такой грамматикой, в которой бы правильно и основательно были изложены как основные начала языка и письма китайского, так и самое управление слов в разговоре и письме, свойственное китайскому языку. В этом заключается главный недостаток в китайских грамматиках Премара и Гонзальвеса.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I. Список основных букв в китайском письме.

Список основных букв включает в себе два отделения. В первом отделении собраны так называемые голосовые буквы, которые придаются к ключевым для означения выговора сложных букв. Таковых букв считается 1040, но как в числе сем голосовые под номерами 398, 614, 643, 666, 736, 763, 767 и 905 не составляют целых букв, то за вычетом восьми остается 1032. Список сей, требовавший утомительного труда, весьма любопытен для европейских китаесловов, потому что китайцам, не привыкшим заниматься бесполезными вещами, и до сего времени не пришло на мысль составить список букв, придаваемым к ключевым для означения выговора. Во втором отделении помещен список ключевых букв, которые

[Лист 93]

Каллери назвал классными.

II. Список голосовых букв, напечатанных тремя образцами письма.

Список голосовых букв, напечатанных тремя образцами письма: нынешним писцовым, нынешним скорописным и древним письмовым – любопытен для синологов не менее других хороших вещей, помещенных в голосовой системе.

III. Азбучная таблица звуков китайского языка.

Азбучная таблица звуков китайского языка с примерами голосовых по выговору, посредственно и непосредственно соответствующих тем звукам, составлена с довольным трудом, но в отношении учебном есть вещь малополезная. Сверх того, смесь букв, имеющих и не имеющих придыхания под одним выговором, производит запутанность в произношении букв. К счастью, таблица сия вовсе не нужна для учащихся.

IV. Простонародные выражения, составленные из голосовых.

Простонародные выражения, составленные из одних голосовых и расположенные по порядку, возрастающему в числе черт, сколько ни любопытны, столько же и бесполезны для упражняющихся в китайском языке, потому что для удержания порядка, возрастающего в числе черт, допущены выражения малоупотребительные, а местами между простонародными словами пестреют слова из ученого слога.

[Лист 94]

ЧАСТЬ II

I. Голосозвучные ряды, по которым расположены китайские буквы

Такое заглавие дал Каллери своему идеофонетическому словарю, составляющему вторую часть голосовой его системы. В этом словаре мнимые идеофонетические буквы собраны в одно место по новому, доселе не известному в Китае распорядку букв, и разделены на главы, которых по числу голосовых букв считается 1040. Сии самые главы названы рядами. Каждая глава начинается голосовой буквой, а под нею следуют сложные, т. е. ключевые буквы, соединенные с заглавной голосовой. Голосовые буквы следуют одна за другой по числу основных черт, а сложные, составляющие ряды, расположены по двойному числительному порядку начальных черт в буквах.

Идеофонетический словарь Каллери требовал продолжительного и утомительного труда; весьма любопытен для европейских синологов, и, в заключение сказать, совершенно не нужен, потому что бесполезен для упражняющихся в китайском языке. Приискивание букв в нем, по запутанности их расположения, весьма затруднительно. Сам Каллери желающим пользоваться его словарем советует предварительно выучить

[Лист 95]

их на память, между тем как в китайском ключевом словаре мальчик, учившийся в Кяхтинском училище не более четырех месяцев, легко приискивает буквы по правилу, ему показанному. Сверх того, Каллери не объяснил, где он поместил 2425 букв, не принадлежащих к разряду тоносогласительных.

II. Список разностей и синонимических букв

В самом конце второй части присовокуплен список разностей и букв, названных синонимическими. Этот список очень нужен для учащихся: только он содержит в себе не синонимические, а тождественные буквы, из коих каждая пишется двояким, а некоторые и трояким образом без перемены выговора и значения. Тождественные помещены в списки против своих настоящих букв. К ним приобщены буквы, находящиеся в словаре в примечаниях под рядами; числа показывают страницу, на которой каждая такая буква находится.

Научное издание

Кожа Ксения Анатольевна

**ОТЕЦ ИАКИНФ (БИЧУРИН)
И КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА**

Монография

Редактор *А. В. Савченко*

Корректоры *М. Я. Колесник, Н. В. Макеева*

Верстальщик *Н. В. Макеева*

Дизайн обложки *Дарья Маева*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 15.12.2023 г. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 500 экз. Заказ № 1454

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>